

КАМЕННЫЙ ВЕК
ВОЛГО - КАМЬЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
Самарское археологическое общество
Институт истории материальной культуры РАН
Государственный Эрмитаж

КАМЕННЫЙ ВЕК ВОЛГО-КАМЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

**Материалы Всероссийской археологической
научной конференции с международным участием,
приуроченной к 70-летию юбилею А.А. Выборнова**

21–23 октября 2024 года

Самара, 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
К 18

Редакционная коллегия:
к.и.н. К.М. Андреев, О.В. Андреева, Н.С. Дога, к.и.н. Е.С. Ткач

Рецензенты:
д.и.н. В.В. Ставицкий, к.и.н. Р.В. Смольянинов

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий. Материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, приуроченной к 70-летию А.А. Выборнова. – Самара: СГСПУ, ИИМК РАН, 2024. – 228 с., ил.

ISBN 978-5-6050962-7-6

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научной археологической конференции с международным участием «Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий», состоявшейся 21-23 октября 2024 г. в г. Самаре. В статьях рассматривается научная проблематика, касающаяся широкого спектра вопросов изучения палеолитических, мезолитических, неолитических, энеолитических комплексов Восточной Европы и не только. Издание предназначено для археологов, историков, специалистов естественнонаучных дисциплин и всех интересующихся археологией каменного века Волго-Камья.

Издание сборника и проведение конференции «Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий» осуществлено за счет средств грантов РНФ № 23-78-10088 (рук. Андреев К.М.), № 24-28-01638 (рук. Королёв А.И.), № 23-78-01172 (рук. Ткач Е.С.), а также при спонсорской поддержке С.А. Глущенко, С.А. Кондратьева, Н.М. Кудашкина и Ф.Ф. Гилязова.

Представленные в сборнике статьи публикуются в авторском варианте с незначительной редакторской правкой.

© 2024 Самарский государственный социально-педагогический университет
© 2024 Институт истории материальной культуры РАН

АРХЕОЛОГИЯ КАК ЖИЗНЬ

21 октября 1954 года в маленькую комнатку в коммуналке на улице Куйбышева, 31 принесли новорожденного мальчика Сашу. В семье Выборновых уже была дочка Наденька (сейчас Надежда Алексеевна Польнова – заслуженный учитель РСФСР), которая будет первой учительницей младшего брата. С ее помощью Саша рано научился читать и писать, поэтому уже в 6 лет его определили в школу № 26 г. Куйбышева, которая находилась через дорогу от их дома. Детство проходило как у всех мальчишек того времени – учеба, кружки, игры во дворе: футбол (случайное разбивание окон первого этажа), хоккей (по тем временам в валенках и с самодельными клюшками), прыжки на лыжах с крыши сараев, гонки на велосипедах (вѣлик один на всех – времена трудные), обязанности по дому и обязательно – чтение книг. Единственное, что отличало обучение, то, что в школе было углубленное изучение французского языка и его преподавали на высочайшем уровне.

Родительское собрание, которое проходило в конце 10 класса, посвящено было выбору вуза. Сашина мама робко произнесла, что сын собирается поступать в государственный университет на исторический факультет. Класный руководитель ответила: «А Вы знаете, он обязательно поступит». Мама удивилась и обрадовалась мнению учителя. Не обошлось без курьеза и с поступлением. Александр не увидел себя в списке поступивших, расстроенный отошел в сторону, разволновался. Но врожденное чувство добиваться цели не отпускало его от стенда. От волнения он не сразу увидел свою фамилию. И вот он студент первого курса!

Все было ново и интересно. После первой археологической практики, руководителем которой была Галина Ивановна Матвеева, чутьочку появилась тяга к этому действию, но не как к науке, а как к романтике, о которой он читал у Джека Лондона, Джеймса Ф. Купера, Эрнеста Хемингуэя. Особенно бардовские песни у ночного костра. Занятия же в кружке археологии, знакомство с И.Б. Васильевым, Р.С. Багаутдиновым, Н.И. Имайкинским, В.А. Скарбовенко, Н.Л. Габелко, Л.В. Кузнецовой, И.Н. Мажановой, Н.П. Салугиной, В.Д. Кузнецовым и др. превращали ту чутьочку тяги в настоящую заинтересованность археологией. А после поездки в г. Ленинград он переводится в Ленинградский университет для того, чтобы в полной мере окунуться в науку – Археологию. Вдали от дома появились новые заботы – обеспечение себя всем необходимым для проживания в культурной столице. Естественно, папа и мама иногда помогали переводами, но они сами жили очень скромно: Алексей Петрович работал плотником, Мария Осиповна – секретарем-машинисткой, поэтому не могли многим помочь. А жажда новых книг, которые сын отправлял из Ленинграда почти ежемесячно, требовали расходов. Да, учился Александр хорошо, получал стипендию, но хотелось молодому человеку посмотреть, что он сам сможет? Как у него получится переход на самостоятельную жизнь? Поэтому в его повседневности появилась работа: дворника в детском саду, почтальона,

«возчик» – человек транспортирующий тачки с материалами на ситценабивной фабрике им. Веры Слуцкой. Он стал там незаменимым работником, так как в отличие от старших товарищей выходил на работу в выходные и праздничные дни. Рабочая дисциплина, ответственное отношение к своему труду, физическая нагрузка – все это складывалось в копилку характера Александра.

Студенческая жизнь – это то, что остается на всю оставшуюся взрослую жизнь. И вот она началась...

Всем понятно, что основной деятельностью все же была учеба. И ей, студент из Куйбышева, отдавал очень много сил. Посещал все лекции, ходил на дополнительные занятия по самым разнообразным дисциплинам, очень часто его видели в библиотеке университета и цель этому – ранняя сессия. С весны и до поздней осени Александр познавал на практике дело, которому предан всю жизнь. Ему даже удалось сдать экзамен преподавателю, который за свою работу в вузе ни разу не шел на уступки по досрочной экзаменровке студента.

В одной из экспедиций он встречается с ученым, ставшим ему учителем в археологии, воспитателем в жизни и образцом лучших человеческих черт. Это Отто Николаевич Бадер, с которым юный студент Александр работал 3 сезона в экспедициях на Сунгире, в Крыму (Чокурча), в Башкирии в Каповой пещере. Много вечеров у костра он слушал рассказы Бадера, задавал вопросы, запоминал ответы и откладывал в памяти наставления учителя. Потом, с годами ему все пригодится и он с благодарностью вспоминает эти моменты. За эти годы он принимал участие в раскопках

На практике в школе

у больших профессионалов в области археологии – А.Н. Рогачева в Костенках; у Г.П. Григорьева в Авдеевке; у Н.Д. Праслова в Золотовке и др.

После окончания в 1978 году Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова с присвоением квалификации «историк, преподаватель, археолог» Александр возвращается в Самару. Городской отдел народного образования направляет его на городскую станцию юных туристов, и здесь он получает первый опыт самостоятельных раскопок с учащимися школ г. Куйбышева. В течение 9 лет работал его археологический кружок, с которым Александр Алексеевич все лето проводил раскопки в Самарской и Пензенской областях, Башкирии и Мордовии. Забавно, но сейчас в его экспедициях принимают участие внуки тех школьников, которые поехали на раскопки впервые в 1979 году. В этот период он контактировал с археологами из педагогического института, где возглавлял лабораторию Игорь Борисович Васильев, который и позвал Александра Алексеевича Выборнова на работу.

Следующая ступень – работа в вузе: археологическая лаборатория, кафедра истории СССР, на которую его пригласил С.Г. Басин, потом она будет переименована и в итоге станет – кафедра отечественной истории и археологии, зам. деканство, но перед этим защитит кандидатскую диссертацию в Ленинграде. Учителем в подготовке и написании будет Лия Яковлевна Крижевская. Опять повезло с наставником. Им было очень комфортно работать: опыт, мудрость, знание нюансов написания научной работы и молодость, желание показать огромный собранный материал

Принятие присяги

Куйбышев, 1983 год

Тихий час в экспедиции

У своего домика. Мордовия

Астраханская область, 2014 год

Берн, 2019 год

раскопок, делать выводы и идти дальше. Потом процедура защиты и одобрение старших товарищей города на Неве с пожеланиями не останавливаться на достигнутом этапе.

Вот Александр Алексеевич и шагает по этой археологической стезе. Мы всей семьей по его экспедициям изучали географию нашей страны: то Тюменская, то Московская, то Тамбовская, то Астраханская и др. области. Мы знали, что в Башкирии много клещей, а в Астраханской каракуртов, в Пензенской и Уральской змеи (особенно поздней весной) и очень переживали. Но он всегда говорил, что не надо никого трогать, и тебя не тронут. И в лицах описывал разговоры со змеями. И чтобы нас успокоить, брал всю семью в экспедиции не только в Самарскую область, но и Рязанскую, и в Мордовию. Маленькие дочки потом наотрез отказывались ехать в пионерский лагерь: почувствовали разницу. Брал, по возможности, еще и потому, что в июне копал в Мордовии, в июле в Башкирии, в августе в Воронежской, а в сентябре ехали в Астраханскую. А между экспедициями умудрялся вывозить нас в Москву, Ленинград. И еще была семейная традиция: в день зарплаты приезжать на М. Горького, чтобы потом гулять

по набережной и есть мороженое «Белочка», которое было только в кафе гостиницы «Россия».

За эти годы было много всего – радость от рождения дочерей, внучки, печали из-за ухода очень родных папы и мамы, грусть от потери учителей О.Н. Бадера, Л.Я. Крижевской, В.П. Третьякова, И.Б. Васильева, учеников А.М. Комарова, Е.В. Козина, гордость и надежда на продолжение его трудов аспирантами и теперь уже коллегами А.И. Королёвым, В.В. Ставицким, А.В. Вискалиным, С.А. Кондратьевым, А.А. Шалапининым, К.М. Андреевым, А.В. Барацковым. Да и сейчас он доводит до финиша Н.С. Догу, А.С. Кудашова, А.В. Сомова, Ф.Ф. Гилязова, с которыми 10 лет проводит совместные изыскания.

Деканату отдано 27 лет жизни. Когда он уходил на работу дети еще спали, а возвращался – они уже спали. Но каждое лето не мог не поехать в экспедицию. Археологи знают это чувство, когда уже в мае начинается тяга: остро ощущается запах распускающейся листвы, зелени, когда припекает солнышко и приносит откуда-то запах костра. Все – пора в поле!

Защита докторской диссертации в 2009 году в Ижевске, где в лице Риммы Дмитриевны Голдиной нашел доброго и понимающего человека.

А параллельно обязанности преподавателя: лекции, семинарские занятия, практики, открытие по его инициативе и работа в магистратуре по археологии, подготовка плана и отчета работы на кафедре, подготовка студентов к УПАСКАм (в которых в далекие 1973–1975 годы сам студентом принимал участие), кураторство студентов 2 курса очной формы обучения – а это походы в музеи, выставки, встречи с интересными людьми, посещение театров. Но он с удовольствием ездит к ним заниматься керамикой и кремнями и по выходным и по праздникам.

С 2008 года он стал принимать участие в зарубежных конференциях, так как накопанные материалы были важны и для иностранных коллег. Чтобы мы меньше переживали за эти поездки он и нас начал брать с собой. Так мы стали изучать географию Европы. Несмотря на плотный график конференций, он умудрялся водить нас в Британский музей, музей Ван Гога, Лувр, музей Дорсе. Даже в Лихтенштейне побывали. Особенно запомнилась поездка в 2018 году на конференцию доисториков в Сорбонне. Там он сделал доклад на французском языке и коллеги из Франции были удивлены знанием и произношением их родного языка. Вот и пригодились знания, которые вложила в него Валентина Давыдовна Монастырская, приобщившая нашу семью и к драматическому театру.

Огромное число людей встречалось в жизни Александра Алексеевича, много событий, разные судьбы и характеры проходили через его сердце. Всем нашелся отклик. У его мамы была фраза, которую она часто говорила: «Чтобы еще хорошего сделать?». С этими словами он не расстанется и по сей день.

Н.Н. Выборнова, А.А. Выборнова, М.А. Выборнова

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГАЛСТУКА

Работая на полставки в археологической лаборатории исторического факультета Куйбышевского пединститута, я обратил внимание на некоторых пор появляющегося в лаборатории молодого человека. Воротничок, свитер, неброская опрятность. В разговорах – чётко оформленные фразы «без воды». Это был младший научный сотрудник Выборнов, приехавший после учебы из Ленинграда.

Знакомство было кратким: обменялись приветствиями, да и, пожалуй, всё.

Затем была моя летняя археологическая практика в селе Виловатое. Одним из отрядов той экспедиции был отряд школьников Выборнова, которые, как рассыпавшийся по всему лагерю горох, с неутомимой энергией трудились на раскопе, выкладывались на футбольном поле. Во всех аспектах жизни отряда чувствовалась «организаторская рука» Александра Алексеевича, и школьники очень органично вписались в будни, казалось бы, студенческой экспедиции.

Знакомство наше с годами только крепло, и в 1980 году Сан Сеич пригласил меня в школьную экспедицию в Мордовию, где уже с известным археологом В.П. Третьяковым мы копали памятник в Имерках, а позже – в Усаде.

А уже в августе этого знакового 1980 года, года Олимпиады и ушедших кумиров, мы с Сан Сеичем работали в Башкирии, где были раскопки на Саузах и Бачкитау. Там, в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, силами школьников и студентов было спасено немало археологических памятников.

Хочется отдельно сказать о школьниках. Их Сан Сеич «рекрутировал», работая на Городской станции юных туристов преподавателем-кружководом. Его отряд школьников был, по сути, клубом по интересам с размытой гранью «ученик-учитель». Отряд А.А. Выборнова даже показывали по телевидению в передаче «Отзовитесь, горнисты!» В его составе, что поражает, был даже четвероклассник! Сан Сеич всегда занимался с ребятами «по полной», уделяя им всё своё время.

Все было в этих «школьных экспедициях»: и тяжёлая травма школьника Васильева, и эпидемия дизентерии среди личного состава, с которой мы, кстати, справились рисовым отваром и черемухой. Любопытно, что медсестра из ближайшего фельдшерского пункта тогда грустно сообщила нам, что при таком количестве заболевших, она обязана сообщить в республиканский Минздрав для срочного принятия мер, но почему-то этого не сделала, просто выдав на экспедицию несколько пачек левомецетина.

И, наконец, это наши незабываемые походы за хлебом в экспедиции на Саузах. Добыть хлеб для экспедиции было опасным и трудным приключением. Рано утром, взяв надувной матрац и рюкзаки, мы со старшими школьниками переправлялись вброд через старицу реки Камы, практически полностью бывшей болотом. Шли мы около двух километров поймой Камы, среди буйства запахов болотных трав и в компании непрерывно жужжа-

щего гнуса. Затем, добравшись до берега, долго-долго крутили над головой курткой красного цвета, принадлежавшей, кстати, Сан Сеичу, чтобы привлечь внимание какого-нибудь лодочника с противоположного берега Камы. Переправлялись, договаривались на обратный путь и шли в пекарню в село Каракулино покупать хлеб. Не в магазин, а именно в пекарню, так как в магазине почему-то хлеба тогда не было. Иногда хлеб там не выпекали, и мы на автобусе добирались до Саранула, города в 60 км от села. Там хлеб был всегда. К вечеру мы обычно возвращались тем же маршрутом. На выходе из болота нас всегда обязательно встречал Сан Сеич. На Саузах корочки хлеба никогда не валялись и не выбрасывались, такое отношение было к этому драгоценному хлебу. Поэтому, когда в следующем, 1981 году, экспедиция Сан Сеича в Башкирии, состоявшая из 42 школьников, где были, в том числе и шестиклассники (!), оказалась на неделю без продуктов вообще, отряд был к этому испытанию готов.

Стоит отметить, что в современных уже экспедициях в Александровом Гае Саратовской области, тоже активно принимают участие школьники, только уже внуки тех, «первых», школьников. Вот такая «память поколений»!

После этих «школьных» экспедиций, наша дружба с Александром Алексеевичем растянулась на многие десятилетия, точнее на 30 лет с хвостиком. Ездили мы, не прерываясь на нестабильные 90-е годы, в Ульяновскую, Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую области, в Подмоскowie, в Мордовию, в Чувашию, в республику Марий Эл, в Саратовскую область, в Рын-пески, в Казахстан (тогда еще советский), Камыши-Самарские разливы и Астраханскую область. Менялась страна, менялись и составы студентов. Огромное количество их прошло через палаточный быт, костры, песни под гитару, ими приобретались бесценные навыки походной жизни. В 2010 году в экспедицию впервые поехал и мой сын, на долгие годы связав себя с раскопками, хоть археологом и не стал.

Студенты имели возможность общаться с такими корифеями археологической науки как Л.Я. Крижевская, Н.А. Мажитов, Р.С. Габяшев, П.С. Дубягин, Г.Т. Обидённая, В.П. Челяпов, В.В. Сидоров, так и с более молодыми ведущими российскими археологами: В.В. Ставицким, Н.С. Березиной и т.д.

Александр Алексеевич всегда считал важным для экспедиций изучение достопримечательностей того региона, где проводятся работы. Астраханский кремль и Троице-Сергиева лавра, Ростов Великий и Суздаль, «поющие» камни горы Большое Богдо и солёное озеро Баскунчак, почти настоящий ордынский город Сарай-Бату и старейший тамбовский заповедник, основанный еще Н.М. Пржевальским, замок графов Шереметевых в селе Юрино Республики Марий Эл, имение Куракина в Пензенской области, этнографический музей под открытым небом в городе Козьмодемьянске, Тарханы с имением Лермонтова, Макарьевский монастырь... Вот далеко не полный перечень мест, где побывали участники наших экспедиций.

Отдельных слов заслуживает организованная профессором Выборновым международная археологическая конференция в приграничном селе

Байбек Астраханской области. Где бы еще ведущие археологи Франции, Польши, Болгарии, Словении и многих других стран увидели своими глазами стадо из 150 верблюдов-бактрианов?... Или организованную показательную битву кочевников и русичей? Кстати, общение с ведущими учеными европейских стран Александр Алексеевич не прекращает и по сей день.

Многое изменилось: «оцифрованные» студенты слушают другую музыку, на краю Рын-песков появились новые поселки, студенты из сёл и деревень уже так же, как и городские ребята, не имеют базовых навыков владения топором, пилой, да и лопатой. Жидкость для розжига, генератор, коптер и всевозможные гаджеты, а также легковые автомобили в каждой экспедиции уже стали нормой современности. Но раскоп пока остается раскопом.

Я не хочу вдаваться в подробности научной работы Александра Алексеевича, но сотни его статей в научных журналах, неизменное его участие, пожалуй, во всех конференциях и форумах по археологии, как региональных, так и международных, его колоссальная работа по созданию международных сообществ археологов – всё это лишь малая частица вклада А.А. Выборнова в археологию.

Стоит сказать несколько слов и об учениках: их немало и сложно описать то количество времени, которое им уделяет Александр Алексеевич. Это правка их статей и диссертаций, это ночи напролёт в автобусе до Ижевска и других городов. Вести ученика по его «научной» жизни – огромная работа. Закономерный итог этой работы – большое количество получивших учению степень специалистов.

В заключение могу сказать следующее: флёр экспедиций Александра Алексеевича передать сложно. Проще как-нибудь собраться и поехать в одну из них – вы всё поймете и прочувствуете сами.

И ещё: я всегда с должным пиететом относился к величайшим умам человечества, и вдруг я однажды увидел, что тот знакомый мне младший научный сотрудник без галстука вырос в учёного, я не преувеличиваю, мирового значения. И он рядом с нами. По-прежнему скромн и без галстука.

Н.М. Кудашкин

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВЫБОРНОВА

21 октября 2024 года Александру Алексеевичу Выборнову исполняется 70 лет. В отдельном представлении он не нуждается. Его знают не только археологи, но и многие учёные гуманитарного профиля, а в Самаре – значительная часть общественности и официальных лиц. Александр Алексеевич – известный археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

На самом деле А.А. Выборнов отмечает два юбилея – 70 лет со дня рождения и 45 лет его научно-педагогической деятельности. После окончания Ленинградского государственного университета он вернулся в родной Куйбышев, в педагогический институт, и никогда их не покидал, хотя предложения были.

Мне посчастливилось быть знакомым с юбиляром с 1989 года, когда я стал студентом исторического факультета Куйбышевского педагогического института. Александр Алексеевич тогда был деканом, и надо отметить, самым успешным в вузе – настоящим реформатором. Судьба студентов всегда была очень важна для него и это привлекало к нему и учащихся, и коллег. Он всегда учитывает не только профессиональные качества людей, но и их «среду проживания», условия и особенности повседневного быта. И правильно, благополучие в семье и быт напрямую отражаются на учёбе и работе. С тех пор судьба крепко связала нас. При его поддержке я поступил в аспирантуру, а затем он пригласил меня работать на кафедре, о чем я ни разу не пожалел. А.А. Выборнов никогда не был моим прямым научным руководителем, но до сих пор является наставником и советчиком как в мелких рабочих делах, так и в стратегически важных проектах. И что важно, никогда не отказывает в помощи и поддержке. Если с чем-то не согласен, сначала аккуратно намекнёт, а уж потом «как получится». Человек с большой буквы... Я рад, что чему-то у него научился.

Его собственный путь от научного сотрудника археологической лаборатории (1979-1982 гг.), ассистента до профессора не был прост, но юбиляр достойно преодолел все трудности. В течение 25 лет (1987-2012 гг.) он возглавлял исторический факультет. Затем в течение десяти лет (2013-2023 гг.) он был заведующим кафедрой отечественной истории и археологии. В течение многих лет (с 1994 г.) исследователь являлся заместителем директора регионального Института истории и археологии Поволжья. Работу преподавателем, огромный объём организаторской деятельности А.А. Выборнов сочетает с научными исследованиями.

Важными вехами научной деятельности юбиляра стали защита кандидатской диссертации «Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой» и присвоение в 1988 г. звания доцента. В 2009 г. была защищена докторская диссертация «Неолит степного – лесостепного Повол-

жья и Прикамья». В 2011 году А.А. Выборнову было присвоено звание профессора.

Под руководством А.А. Выборнова и при его участии было исследовано более 50 опорных памятников мезолита, неолита и энеолита в 11 областях и 4 республиках Российской Федерации. Его деятельность неразрывно связана с изучением каиришакских, жекалганских, тентексорских, истайских, романо-ильмурзинских, елшанских, средневожских, камских, верхневожских, балахнинских, боборыкинских, самарских, прикаспийских, хвалынских, новоильинских, красноmostовских, протовологовских, имеркских и волосовских древностей. В настоящее время под непосредственным руководством учёного разрабатываются крупные проблемы: неолитизация Восточной Европы и распространение производящего хозяйства в Поволжье, происхождение и взаимодействие древних культур, их хронология. Основополагающими принципами научных исследований А.А. Выборнова является междисциплинарный подход, академическая мобильность и открытость для учёных из других учреждений и регионов.

Одним из первых в региональной археологии каменного века А.А. Выборнов обратился к использованию методов радиоуглеродного анализа. В этой сфере он активно сотрудничает с коллегами из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Тусона, Хельсинки, Уппсалы, Гронингена, Познани и других научных центров.

Ключевой работой археолога стала фундаментальная авторская монография «Неолит Волго-Камья», обобщившая итоги многолетних исследований (2008). А.А. Выборнов - автор и соавтор 12 монографий и учебных пособий, изданных в том числе за рубежом, а также более 400 научных и учебно-методических работ. Около 70 статей опубликовано в журналах, входящих в систему Web of Science и Scopus, более 70 работ вышло в зарубежных изданиях 20 стран. Кроме того, опубликовано 10 учебно-методических работ по археологии и средневековой истории России, которые очень востребованы студентами.

Особо следует отметить большой вклад исследователя, его коллег и учеников в организацию и проведение многочисленных международных, всероссийских и региональных конференций, в том числе VI Всероссийского археологического Съезда в Самаре на базе Самарского государственного социально-педагогического университета. При активной позиции А.А. Выборнова археология нашего университета вышла на широкий международный уровень, завоевала стабильный авторитет.

Научная значимость исследований А.А. Выборнова подтверждается грантами, выигранными юбиляром: 3 гранта Российского гуманитарного научного фонда, 7 грантов Российского научного фонда, Губернского гранта (Самарская область) в области науки и техники. Под руководством исследователя 10 аспирантов защитили кандидатские диссертации, 5 аспирантов работают над темами своих исследований. В настоящее время Александр Алексеевич является руководителем научной школы по изучению каменного и бронзового веков в родном педагогическом вузе. Благодаря

ему в университете открыта и действует магистратура «Археология Поволжья», руководителем которой он был многие годы. Далеко не каждый университет, тем более, педагогический, имеет подобное направление. Объединению студентов и молодых учёных вокруг профессора Выборнова способствует его активная гражданская позиция, серьёзная воспитательная, профориентационная и патриотическая деятельность. По моим подсчётам, Александр Алексеевич, как преподаватель, принял участие в обучении не менее 5000 выпускников исторического факультета, не считая учащих других факультетов. Поэтому учителя и директора школ, лицеёв, гимназий, сотрудники администраций и правоохранительных структур прекрасно знают его и активно сотрудничают с факультетом.

Официальным подтверждением вклада в развитие образования и науки явились следующие награды: «Отличник народного просвещения РФ»; «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2004 г.), Лауреат Губернской премии 2012 года в области гуманитарных наук, диплом лауреата премии губернатора Самарской области за выдающиеся результаты в решении гуманитарных проблем в 2018 г.; знак «За успехи в высшем образовании и научной деятельности» (2018 г.), нагрудный знак «Почетный наставник» (2023 г.). Многочисленные грамоты и благодарности не поддаются точным подсчётам.

70 лет, конечно, немало. Особенно учитывая, что уважаемый профессор работает без праздников, отпусков и выходных. Он не любит отдыхать. Всегда преодолевал трудности, связанные с издательской деятельностью, организацией экспедиций и конференций. Сам он, по-доброму рассуждая о работе многих коллег, называет подобный стиль деятельности – «трудится как муравей». Отдыхать или не отдыхать вопрос риторический, для кого как. Важно одно – вклад А.А. Выборнова в науку и образование очень велик.

Желаем нашему наставнику и коллеге А.А. Выборнову новых достижений, достойных учеников на благо российской науки! А планов у Александра Алексеевича, поверьте, очень много.

О.Д. Мочалов

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВЫБОРНОВ

В далёком 1980 г. на кафедре истории СССР Куйбышевского государственного педагогического института (ныне кафедра отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета) пришли два молодых ассистента – Александр Алексеевич Выборнов и Александр Иванович Репинецкий. Необходимо сказать о проницательности заведующего кафедрой, доктора исторических наук, профессора Соломона Герцевича Басина. В выборе молодых преподавателей маститый учёный не ошибся – сейчас они профессора, доктора исторических наук.

Приглашение на кафедру А.А. Выборнова имело далеко идущие цели. Преподаватель кафедры доцент Игорь Борисович Васильев совместно с Галиной Ивановной Матвеевой, работавшей в Куйбышевском университете, начали формирование куйбышевской археологической школы. С.Г. Басин и И.Б. Васильев приняли решение об открытии на факультете археологической лаборатории. Необходимы были молодые исследователи. Получить ставки научных сотрудников для лаборатории, не связанной с педагогикой, в педагогическом вузе было крайне сложно, поэтому молодой и перспективный учёный Александр Выборнов был принят на должность ассистента кафедры.

Появление молодых ассистентов значительно облегчило жизнь преподавателей кафедры. Дежурство в общежитии (даже в новогодние ночи), патрулирование добровольной народной дружины улиц города (ДНД истфака как правило для дежурства доставались праздничные дни – наверное потому, что историки были самые ответственные, а среди студентов факультета преобладали юноши) – всё это стало зоной ответственности молодых преподавателей. Осенью обязательный выезд со студентами на уборку картошки или капусты. А помимо этого – основная работа – проведение занятий, к которым молодые преподаватели тщательно готовились.

У Александра Алексеевича к этому времени была семья, в которой подрастали прекрасные доченьки Настя и Маша. Они также требовали постоянного внимания. Супруга Наталия Николаевна стремилась взять большинство домашних забот на себя, но полностью освободить супруга от домашних обязанностей было невозможно.

Помимо всех этих забот необходимо было работать и над кандидатской диссертацией. Соломон Герцевич строго спрашивал выполнение плана работы над диссертацией. Александр Алексеевич вспоминал, что на написание диссертации оставалась только ночь. Когда семья укладывалась спать, он садился на кухне за табуретку, служившую столом, и начинал работать. Только кухня и табуретка знают, какие муки научного творчества испытывал молодой исследователь.

После успешной защиты кандидатской диссертации декан исторического факультета Виктор Фёдорович Елфимов предложил Александру Алексеевичу стать его заместителем. Работа на этой должности дала

большой опыт, и после ухода В.Ф. Елфимова с должности декана на факультете ни у кого не возникло вопроса, кто должен возглавить деканат – конечно Александр Алексеевич Выборнов.

Во главе исторического факультета Александр Алексеевич Выборнов находился без одного года четверть века. Это рекорд не только нашего вуза, но и вузов региона. Его руководство факультетом выпало на сложное время ломки государственных устоев, фактически формирования нового цивилизационного уклада. История оказалась ареной ожесточённой борьбы. С одной стороны, рассекречивались ранее недоступные архивные материалы, а с другой, началось оплёвывание истории страны, а под видом ликвидации «белых пятен» отечественной истории и её фальсификация. Это негативным образом сказывалось на работе и настроении преподавателей и студентов факультета. Положение преподавателей усугублялось частыми невыплатами зарплат и пустотой в продовольственных магазинах.

В это время Александр Алексеевич проявил себя подлинным рыцарем истории и защитником преподавателей факультета. Он всеми доступными средствами вселял уверенность, что все трудности будут преодолены. Считаю большим достижением декана, что факультет не покинул ни один сотрудник. В это крайне сложное время А.А. Выборнов разработал план повышения квалификации путём написания диссертаций на соискание учёной степени доктора наук. Работа над докторскими диссертациями требовала работы в центральных архивах, участие в научных конференциях (в то время онлайн-конференций не существовало и было необходимо личное присутствие). Всё это требовало значительных денежных средств.

Все помнят, как А.А. Выборнов вместе с докторантами и аспирантами шёл в ректорат и доказывал в кабинетах ректора и главного бухгалтера необходимость оказания материальной помощи для оплаты командировок. Он был настолько убедителен, что практически всегда деньги удавалось «выбить». Преподаватели факультета в это сложное время защитили несколько докторских диссертаций (С.Б. Семёнов, А.И. Репинецкий, Ю.П. Аншаков, А.И. Попов, Е.Л. Храмкова). Ещё один штрих к портрету А.А. Выборнова – свою докторскую диссертацию он защитил последним, после того, как помог защитить их преподавателям факультета.

В трудные годы конца 1990-х – начала 2000-х гг. декан думал и о материальной стороне жизни сотрудников факультета и стремился всеми возможными способами её улучшить. До сих удивительно, как он мог договариваться с руководителями сельхозхозяйств о помощи продуктами. Все преподаватели и сотрудники помнят, как привозили тушки сайгаков и в 37 аудитории (старый корпус исторического факультета по адресу ул. Л.Толстого, 47) их разделявали, как получали дефицитный сахар, подсолнечное масло и другие продукты. В это тяжёлое время не прекращалась и археологическая практика студентов, на проведение которой он доставал деньги, продукты, машины, а когда денег не хватало, то вкладывал свои.

Можно сказать, что А.А. Выборнов был, как говорили в институте, деканом «от Бога». В деканат можно были прийти с любым вопросом про-

изводственного, а то и бытового характера, с уверенностью, что декан сделает всё возможное, чтобы помочь. Это относилось не только к преподавателям, но и к студентам. Неслучайно они уважительно называли декана «Сан Сеич».

Таким же деятельным и энергичным А.А. Выборнов был и на посту заведующего кафедрой отечественной истории и археологии.

А.А. Выборнов воспитал достойную себе смену на административном посту. Его заместители успешно проявили себя на административном поприще. А.Б. Щёлков занимает должность проректора по дополнительному образованию и связям с общественностью, О.Д. Мочалов возглавлял наш университет с 2013 по 2022 г., а ныне является заведующим кафедрой отечественной истории и археологии. Нынешний декан факультета – А.И. Королёв, тоже ученик А.А. Выборнова.

Кипучая и разнообразная деятельность Александра Алексеевича на посту декана сочеталась с большой и серьёзной научной работой. Но пусть об этом лучше скажут специалисты и его ученики. Можно сказать, что у А.А. Выборнова в течении многих лет одни из самых высоких показателей научной деятельности. Будучи проректором по научно-исследовательской работе университета, я всегда был уверен, что в любых самых сложных вопросах можно положиться на Александра Алексеевича. Он никогда не подведёт. Александр Алексеевич может гордиться не только личными успехами, но и успехами исторического факультета – лидера по результативности научной деятельности среди факультетов университета. Во многом это его заслуга.

В завершение не могу не сказать о супруге Александра Алексеевича Наталии Николаевне. Ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, работа, а главное создание крепкого семейного тыла, дающего возможность мужу заниматься любимым делом – всё это легло на её плечи. Никогда не забуду, как ярко вспыхивали глаза Наталии Николаевны, когда на кафедру, где мы вместе работали, входил Александр Алексеевич.

Младшая дочь Александра Алексеевича также выбрала сложный путь историка. Мария Александровна Выборнова, кандидат исторических наук, является заместителем директора Российского государственного архива в городе Самаре.

Дорогой Александр Алексеевич, желаю тебе оставаться таким, каким я тебя знаю все эти годы – целеустремлённым, готовым всегда прийти на помощь и с большим чувством юмора. Здоровья и многих научных свершений.

А.И. Репинецкий

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП КЕРАМИКИ
В КОМПЛЕКСАХ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

© 2024 г. **К.М. Андреев** (konstantin_andreev_88@mail.ru)

*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия*

Аннотация. В рамках средневолжской неолитической культуры получили распространение четыре традиции орнаментации керамики: наколами, гребенчатым и гладким штампом, исключительно ямками-жемчужинами. Важным является установление наличия хронологического приоритета той или иной группы посуды или его отсутствия. Предпринята попытка решения данной проблемы путем анализа технологических приемов изготовления и морфологии керамики, а также соотнесения полученных данных с условиями залегания материала и радиоуглеродными датами.

Ключевые слова: средневолжская культура, накольчатая керамика, гребенчатая керамика, посуда с ногтевидными насечками.

**THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF TYPOLOGICAL GROUPS OF CERAMICS
IN THE COMPLEXES OF THE MIDDLE VOLGA NEOLITHIC CULTURE**

© 2024 **K.M. Andreev** (konstantin_andreev_88@mail.ru)

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract. Within the framework of the Srednevolzhskaya Neolithic culture, four traditions of ornamentation of ceramics became widespread: with pricks, comb and smooth stamps, and exclusively with pits-pearls. It is important to establish the presence of chronological priority of a particular group of dishes or its absence. An attempt was made to solve this problem by analyzing the technological methods of manufacturing and morphology of ceramics, as well as correlating the obtained data with the conditions of occurrence of the material and radiocarbon dates

Keywords: Srednevolzhskaya culture, pricked ceramics, comb ceramics, dishes with nail-like incisions.

Средневолжская неолитическая культура, получившая распространение в развитом и позднем неолите лесостепного Поволжья, является многокомпонентной (Васильев, Выборнов, 1988; Моргунова, 1995; Выборнов, 2008. С. 63–139). Керамические комплексы представлены посудой четырех основных видов: украшенной наколами различных форм, оттисками короткого и длинного гребенчатого штампа, ногтевидными вдавлениями, а также сосудами, не имеющими орнамента кроме пояса ямок-жемчужин под венчиком. Рядом исследователей в отдельных работах предлагается более дробное разделение представленных типологических групп, однако оно не получило развернутого обоснования в специальных публикациях.

Один из ключевых вопросов, возникающий у специалистов, имеющих дело с анализом керамических комплексов средневолжской культуры, может быть сформулирован следующим образом: представленные типологические группы выполняют служебную роль или имеют конкретно-историческое содержание? Если второе, то отражают этапы развития культуры или бытуют в ее рамках одновременно? Представить некоторые умозаключения на данный счет мы постараемся ниже.

Существенное ограничение на решение данной проблемы накладывает характер источниковой базы. Условия расположения средневолжских «культурных слоев» в супесях различного характера приводят к отсутствию надежных стратиграфических контекстов, которые нарушены активными процессами зоотурбации. Большинство стоянок также заселялось в последующие исторические эпохи, что приводило к дополнительному перемещению материала. Таким образом, прямого ответа на поставленные выше вопросы на настоящем нет. Малочисленность «синкретичных» сосудов, на которых сочетаются разные традиции орнаментации (не более 2 %) (Андреев, Сомов, 2020), также оставляет в значительной степени проблему открытой, но указывает на некоторый хронологический этап сосуществования всех типологических групп.

Автором совместно с коллегами был проведен анализ посуды опорных стоянок средневолжской культуры, украшенной оттисками гребенчатого штампа и наколами (Андреев, Сомов, 2022; Андреев, Кудашов, Сомов, 2023), также А.В. Сомовым были обобщены данные по керамике, орнаментированной ногтевидными насечками (Сомов, 2022). Полученные результаты являются основой предлагаемых ниже выводов. Большое значение для нашего исследования имеют результаты изучения стоянки Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995) и новейшие работы на поселении Лужки II (Сомов, Андреев, Рослякова, 2022).

История изучения средневолжской культуры насчитывает уже более полувека, однако репрезентативных комплексов исследовано весьма ограниченное количество. Только на стоянках Ивановская, Виловатовская, Лужки II, Лебяжинка IV и Лебяжинка I получены коллекции посуды, украшенной наколами и гребенчатым штампом, насчитывающие более 100 сосудов (Андреев, Сомов, 2022; Андреев, Кудашов, Сомов, 2023), при этом лишь на последних двух выявлено относительно большое количество фрагментов с ногтевидными насечками (Сомов, 2022. С. 121). В ходе дальнейшего анализа материалы именно этих стоянок будут для нас служить опорными, так как позволяют проследить статистически устойчивые закономерности, в отличие от других памятников, где вариация того или иного признака во многом может быть случайной.

Технологические характеристики посуды средневолжской культуры, орнаментированной наколами, оттисками гребенчатого штампа и ногтевидными насечками близки. Толщина черепков на большинстве стоянок во всех трех группах почти идентична, лишь на Ивановке керамика, украшенная гребенчатым штампом, в трети случаев имеет толщину 1 см и более. Визуально определяемые примеси различаются между стоянками, однако достаточно близки при рассмотрении типологических групп посуды того или иного памятника. Например, на Лебяжинке I среди накольчатой и гребенчатой посуды преобладают фрагменты без примесей (46 % и 42 %) или с раковиной в тесте (48 % и 48 %), в меньшем количестве с песком (6 % и 8 %), а на стоянке Лужки II в тех же группах: без примеси (15 % и 12 %), с песком и/или шамотом (79 % и 82 %), раковиной (6 % и 6 %). Обработка внешней и внутренней поверхностей сосудов, украшенных наколами, гребенкой и ногтевидными насечками, не подвержена сильным вариациям между стоянками

и сходна. Таким образом, с точки зрения технологии изготовления сосудов анализируемые нами типологические группы в рамках одного комплекса весьма близки вплоть до тождественности.

Морфологические особенности, в связи с ограниченным количеством реконструируемых форм, могут быть рассмотрены лишь на основании верхних частей сосудов и, менее надежно в связи с немногочисленностью, донцев. Среди всех групп посуды на рассматриваемых памятниках преобладают сосуды с прямым оформлением венчика, реже встречаются прикрытые формы, не более чем в 10 % случаев, преимущественно среди венчиков, орнаментированных наколами, фиксируется открытая горловина. Стоит оговориться, что данный критерий может иметь определенную погрешность, связанную с малым размером многих верхних частей, что не позволяет с полной уверенностью определять ее форму. На всех стоянках преобладают горловины с прямым срезом, немного меньшим количеством представлены округлые и приостренные, еще меньше скошенных. Весьма примечательны факты орнаментации среза венчика, которые среди типологических групп весьма близки, вплоть до тождественности на стоянках Виловатое, Лебяжинка IV и Лебяжинка I. Они украшены насечками и округлыми наколами, лишь на посуде с гребенчатым орнаментом достаточно многочисленны вдавления короткого и длинного штампа по срезу. Еще более выразительным фактором, который демонстрирует различия между памятниками, но при этом близость типологических групп в рамках комплекса конкретной стоянки, является ямочно-жемчужный пояс под срезом венчика. Так, на стоянке Лужки II во всех группах представлены верхние части исключительно с ямками, в то время как на Лебяжинке I более чем в половине случаев нанесены жемчужины, а на стоянке Ивановская преобладает посуда без данной традиции украшения бордюрной зоны. Наконец, немногочисленные донца также демонстрируют близость традиций их изготовления и орнаментации среди типологических групп посуды каждой стоянки. Например, на Лебяжинке I все донца плоские и либо не имеют орнамента, либо украшены простыми радиальными мотивами, на Лебяжинке IV при преобладании плоских единично встречаются плосковогнутые с аналогичным орнаментом, похожая картина фиксируется на Виловатовской стоянке. Подводя итог, можно констатировать, что с точки зрения морфологии посуда, украшенная наколами, гребенчатым штампом и ногтевидными насечками, обладает высокой близостью. Отдельные отличия не носят принципиального характера и, возможно, могут объясняться утилитарными назначениями той или иной емкости.

Наконец, главный признак, по которому выделены анализируемые нами группы посуды – орнаментация – по объективным причинам не позволяет провести детальное сравнение традиций между собой, что связано с разными технологическими приемами нанесения наколов и оттисков штампа гребенчатого или гладкого. Однако наиболее общие закономерности на уровне узоров можно отметить. Преобладает горизонтальная зональность и линейные мотивы орнамента, также в материалах всех стоянок и среди всех типологических групп выявлен показательный процент посуды с зигзагами. Стоит оговориться, что нами осозна-

ется уязвимость представленных наблюдений, при этом наиболее общие черты кажутся весьма показательными.

Подводя итог, мы можем констатировать, что посуда разных типологических групп в рамках комплекса отдельно взятой стоянки с точки зрения технологии, морфологии и общих закономерностей орнаментации демонстрирует значительную близость, вплоть до полного тождества, в частности, на стоянках Лебяжинка I и Лужки II. На упомянутых памятниках аналогичными характеристиками обладает и неорнаментированная посуда. Приведенные данные позволяют допускать одновременное бытование в рамках средневолжской культуры всех типологических групп посуды на рассмотренных нами памятниках. Обозначенное предположение на стоянке Лужки II подкрепляется результатами технико-технологического анализа, который выявил общие традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамики, украшенной наколами, оттисками штампа и без орнамента (Васильева и др., 2023). Достаточно близкая технология изготовления сосудов разных типологических групп может быть отмечена и на стоянке Лебяжинка I, «отклонения» фиксируются лишь в малых выборках (Васильева, 2015. С. 23).

Проблема хронологического приоритета той или иной группы посуды и, как следствие, наделения типологической схемы конкретно-историческим содержанием в XX веке решалась на основании стратиграфических данных, которые зачастую самими исследователями признавались «не очень надежными» (Моргунова, 1995. С. 23). В XXI веке активно стал использоваться метод прямого радиоуглеродного датирования керамики, при этом стоит отметить, что происходит «наложение» хронологических интервалов бытования разных типологических групп посуды, а факты более раннего или более позднего бытования той или иной многочисленны (Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2016). Спустя почти двадцатилетие активного радиоуглеродного датирования керамики стоит констатировать, что к получаемым значениям нужно подходить осторожно и верифицировать их по другим материалам. Здесь уместно поделиться опытом автора по определению $14C$ возраста 22 образцов посуды стоянки Лужки II, которые дали широкий разброс значений в диапазоне 6900–5600 лет BP, при этом серия AMS дат плотно легла около 6150–6300 лет BP. Последний диапазон в большей степени соответствует планиграфическим и стратиграфическим данным памятника, а также логике формирования культурного слоя на нем. Важно отметить, что при датировании органики из керамики как правило не проводится специальных исследований химического состава черепка или анализ стабильных изотопов, которые могли бы верифицировать влияние того или иного удрежняющего / омолаживающего «эффекта» на сосуд, последний при этом несомненно абсорбировал в свои внешнюю и внутреннюю поверхности вещества различного происхождения в ходе эксплуатации и последующей археологизации. Недавние исследования свидетельствуют, что посуда в развитом и позднем неолите лесостепного Поволжья использовалась для приготовления разных видов пищевых ресурсов наземного и водного происхождения (Dolbunova et al., 2022). В этой связи возникает много вопросов, которые, видимо, останутся без ответа, например, аномально ранние даты накольчатой

посуды Ивановской стоянки связаны с использованием их для приготовления водных ресурсов, отсюда «резервуарный эффект»; широкий диапазон полученных дат по сосудам стоянки Лужки II является результатом их специализированного кулинарного использования? Наконец, показательно, что единственная стоянка средневожжской культуры Красный Яр VII, содержащая относительно «чистый» комплекс напольчатой посуды (предполагается, что именно этот вид орнамента имел распространение раньше остальных), получила весьма поздние датировки (Выборнов, 2008. С. 242).

В заключение отметим, что, в целом нельзя исключать хронологический приоритет и, как следствие, обособленное существование той или иной типологической группы посуды средневожжской культуры, но на настоящем этапе изучения этому нет бесспорных подтверждений. С другой стороны, выразительные материалы стоянок Лебяжинка I и Лужки II, условия их залегания и в случае с последней AMS датировки, свидетельствуют о синхронном бытовании всех групп посуды, а значит и их одновременном изготовлении и использовании неолитическим населением. Вывод достаточно банален – приблизиться к решению проблемы позволит лишь дальнейшее расширение источниковой базы и получение «чистых» комплексов той или иной типологической группы. До этого формально-типологический подход к имеющимся коллекциям стоит применять весьма осторожно, еще более аккуратно необходимо вести речь о конкретно-историческом наполнении представленных традиций орнаментации.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23–78–10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев К.М., Сомов А.В., 2020. Керамика средневожжской культуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Том I. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт». С. 113–115.
- Андреев К.М., Сомов А.В., 2022. Гребенчатая традиция орнаментации керамики средневожжской неолитической культуры // Самарский научный вестник. Т. 11. № 1 (28). С. 156–164.
- Андреев К.М., Кудашов А.С., Сомов А.В., 2023. Комплексы неолитической керамики, орнаментированной наколами, Среднего Поволжья, Камско-Вятского и Сурско-Мокшанского междуречий // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 10. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 85–99.
- Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения неолитических культур в степном и лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: Изд-во СГПУ. С. 136–164.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ. 112 с.
- Васильева И.Н., 2015. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный вестник. Т. 4. № 4. С. 10–23.
- Васильева И.Н., Сомов А.В., Васильева Д.И., Баранова М.Н., 2023. Мультидисциплинарный подход к изучению неолитической гончарной технологии (по материалам стоянки Лужки II) // Самарский научный вестник. Т. 12. № 3. С. 139–152.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во СГПУ. 490 с.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М., 2016. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 74–96.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 222 с.

Сомов А.В., 2022. Неолитическая посуда с ногтевидными насечками лесостепного Поволжья // Известия СНИЦ РАН. Исторические науки. Т. 4. № 4 (16). С. 120–146.

Сомов А.В., Андреев К.М., Рослякова Н.В., 2022. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. Т. 11. № 4. С. 166–182.

Dolbunova E., Lucquin A., McLaughlin T.R., Bondetti M., Courel B., Oras E., Piezonka H., Robson H.K., Talbot H., Adamczak K., Andreev K., Asheichyk V., Charniauskis M., Czekaj-Zastawny A., Ezepenko I., Grechkina T., Gunnarssone A., Gusentsova T.M., Haskevych D., Ivanischeva M., Kabaciński J., Karmanov V., Kosorukova N., Kostyleva E., Kriiska A., Kukawka S., Lozovskaya O., Mazurkevich A., Nedomolkina N., Piličiauskas G., Sinitsyna G., Skorobogatov A., Smolyaninov R.V., Surkov A., Tkachov O., Tkachova M., Tsybrij A., Tsybrij V., Vybornov A.A., Wawrusiewicz A., Yudin A.I., Meadows J., Heron C., Craig O.E. 2022. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО БЫКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ**

© 2024 г. **Н.Б. Ахметгалева** (achmetga@mail.ru), **Н.Д. Бурова**,
С.С. Бричёва

*Курчатовский краеведческий музей, Курчатов, Россия
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
Московский государственный университет им. М.И. Ломоносова, Москва, Россия
Институт географии РАН, Москва, Россия*

Аннотация. В результате последних исследований с использованием геофизических методов впервые выявлен участок с хорошо стратифицированным материалом нижнего хронологического этапа существования быковской археологической культуры. По битым костям копытных животных получена дата 21395 ± 315 , которая отмечает появление её носителей на территории Курского Посеймья. Анализ новых археологических данных позволил также выдвинуть гипотезу о двух группах локализации родственных поселений.

Ключевые слова: верхний палеолит, быковская археологическая культура, хронология заселения.

NEW DATA ON THE BYKOVSKAYA ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE KURSK POSEIMYE

© 2024 **N.B. Akhmetgaleeva** (achmetga@mail.ru), **N.D. Burova**, **S.S. Bricheva**

*Kurchatov Museum of Local Lore, Kurchatov, Russia
Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*

Abstract. As a result of recent studies using geophysical methods, for the first time an area with well-stratified material of the lower chronological stage of the existence of the Bykovskaya archaeological culture has been identified. The date 21395 ± 315 was obtained from broken bones of ungulates, which marks the appearance of its carriers on the territory of Kursk Poseimie. The analysis of new archaeological data also allowed to put forward a hypothesis about two groups of localization of related settlements.

Keywords: Upper Paleolithic, Bykovskaya archaeological culture, chronology of settlement.

Верхнепалеолитический комплекс Быки в Курском Посеймье (Рис. 1: 1) наиболее известен стоянками быковской археологической культуры (Ахметгалева, 2019б). Основное её отличие заключается в серийном присутствии кремнёвых треугольников типа Быки (треугольных острий с тронкированным основанием и обработанным ретушью длинным латеральным краем, функционально являющихся наконечниками стрел) в составе каменного орудийного набора (Рис. 1: 3). Появление и развитие подобного вида оружия видится как следствие охоты обитателей стоянок на среднего и мелкого по размерам зверя и птицу, что подтверждается зооархеологическими данными (Ахметгалева, Бурова, 2008; 2020; Ахметгалева, 2019б, Akhmetgaleeva, Burova, 2021). Наиболее исследованными памятниками этой группы являются стоянки Быки-1 и Быки-7, культурные слои I, b, Ia и Ic (Чубур, 2001; Ахметгалева, 2015).

В 1975 году в ходе спасательных исследований была вскрыта 4,5 кв. м центральной части жилого объекта Пенской стоянки (Быки-4 по общей нумерации),

относящейся к этой культуре (Григорьева, Филиппов, 1978). Существовали также зоны подъёмного материала Быки-2 и Быки-3, культурные слои которых считались полностью уничтоженными или переотложенными в результате строительных работ 1975 года (Чубур, 2001). Несмотря на существование большого массива дат (35 радиоуглеродных из разных лабораторий и 5 ОСЛ дат), точная корреляция между всеми культурными слоями стоянок Быки невозможна ввиду сильного повреждения верхних литологических горизонтов (Ахметгалеева и др., 2020; Панин и др., 2024). Тем не менее, комплексный анализ имеющихся археологических, зооархеологических и палеогеографических данных позволил выстроить определённую хронологию существования и развития быковской археологической культуры. Было выделено три хронологических этапа, соответствующих разным литологическим пачкам (Панин и др., 2024), в которых залегают культурные слои стоянок Быки. Это супесчано-песчаный аллювий (1 этап), накопление которого закончилось приблизительно 22 тыс. кал. л. н., золотые пески (2 этап), наплававшиеся между 22 и 21 тыс. кал. л. н. и покровные песчанистые суглинки (3 этап), сформировавшиеся приблизительно между 21 и 18–16 тыс. кал. л. н.

До последнего времени менее всего было известно о нижнем хронологическом этапе существования быковской археологической культуры. Поиск новых участков стоянок продолжался. Анализ имеющихся материалов позволил выдвинуть гипотезу о приуроченности стоянок Быки к определённым высотным отметкам, криогенным и иным природным структурам. Результаты геофизических исследований указывали на большую вероятность существования в непосредственной близости от стоянки Быки-2 древнего термокарстового озера. В 1997 году А.А. Чубуром было вскрыто шурфами 25 кв. м, но место самих шурфов пришлось на самый повреждённый участок, расположенный в центре отстойника (Чубур, 2001. С. 10, 90–92). Культурный слой *in situ* найден не был, все находки были в распаханном слое.

А.А. Чубуром было обращено внимание на возможное существование на стояночном участке термокарстовых степных блюдцев (Чубур, 2001. С. 7). Определённая изменчивость грунтов в районе предполагаемых озёр просматривалась визуально и выглядела в виде округлых пятен более тёмного цвета и низкого растительного покрова (Рис. 1: 1). В 2022 году проводились геофизические исследования, после которых для раскопа был выбран участок на границе высоких и низких отметок по данным радиолокации и магнитометрии, как предполагаемый нами борт естественного понижения (озера?) в районе вымывания подъёмного материала (Рис. 1: 1, 2). В итоге обнаружен потревоженный нижний культурный слой стоянки Быки-2 (Akhmetgaleeva et al., 2022), приуроченный к борту древнего водоёма в литологической пачке 1 хронологического этапа (Рис. 1: 4). Так впервые был получен хорошо стратифицированный материал нижнего хронологического этапа существования быковской археологической культуры.

Культурный слой хорошо читался за счёт многочисленной золистой массы, углей, кремня и костей. Было исследовано кострище. После зачистки бурой супеси, в самой верхней части которой залегал культурный слой, становилась видна

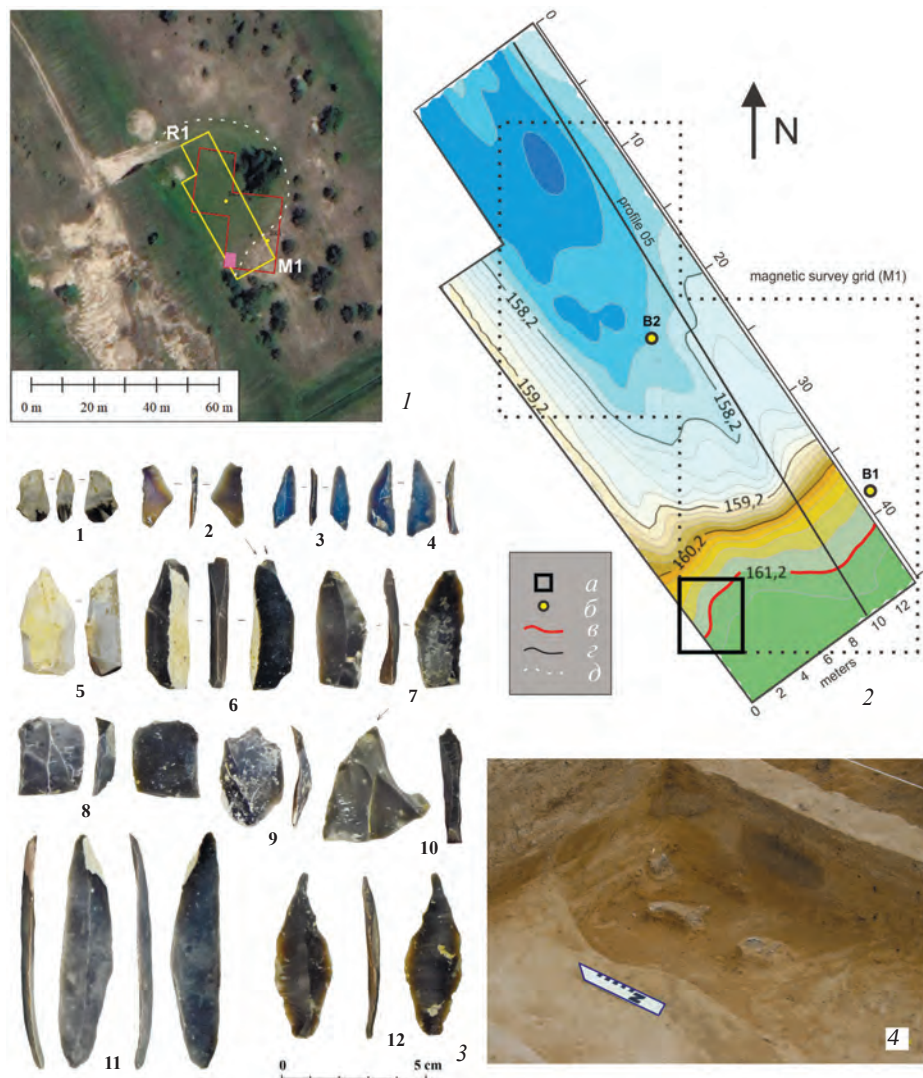

Рис. 1. Исследования стоянки Быки-2: 1 – зоны участков геофизических исследований с границами выявленного водного объекта (желтым цветом указана георадарная съемка, красным – геомагнитная); 2 – реконструкция ландшафта на основе геофизических исследований: а – раскоп 2022 г на стоянке Быки-2; б – точки бурения; в – граница понижения; г – линии георадарных профилей; д – границы участка геомагнитной съёмки; 3 – каменный инвентарь стоянки Быки-2; 4 – нижний культурный слой в районе борта природного понижения, вид с запада.

полигональная сетка, фиксировались ступенчатые разрывы древней поверхности. Северо-восточный угол раскопа характеризовался наличием оглеенного материала без культурного наполнителя. Супесчаные слои и прослои приобретали вязкость и плотность, серовато-голубой оттенок, а пески – ржавый оттенок с ожелезнениями. Чётко идентифицировать прослойки на этом участке было невозможно, т.к. они утратили свою горизонтальность. Всё свидетельствовало о том, что нижний культурный слой стоянки Быки-2 концентрировался около борта какого-то понижения, испытывавшего затопление водами.

Всего на 20 кв. м было собрано 273 экз. расщеплённого кремня, включая чешуйки. Выделены характерные для этой культуры типы орудий. Это кремнёвые треугольники типа Быки с косо тронкированным основанием (самая древняя форма по материалам стоянок Быки), проколки с длинным жалом, двойные проколки, пластины с выемками, концевые скребки и резцы (Рис. 1: 3). Остеологическая коллекция составляет около тысячи костей крупных млекопитающих четырёх видов. Большинство костных остатков принадлежит северному оленю. Представлен при этом выборочный состав частей его скелета, где преобладают кости передних конечностей. Далее по мере убывания следуют остатки дикой лошади. Костные остатки таких животных как мамонт и песец представлены единичными находками. Большую часть остеологической коллекции (815 экз.) составляют неопределимые, в том числе обожжённые обломки. Костные остатки со стоянки Быки-2 имеют очень плохую сохранность, что сильно отличает их от материалов других стоянок быковской культуры, и вероятно, связано с особенностями вмещающего материала.

По битым костям копытных животных получена дата 21395 ± 315 (LE-13268). На сегодня она является единственной нижней датой быковской археологической культуры. Учитывая весь массив дат (Панин и др., 2024), можно сделать вывод, что стояночный участок Быки людьми быковской археологической культуры был обитаем в период от 21,5 тыс. кал. л. н. и ориентировочно до 18 тыс. кал. л. н. (датировка верхнего культурного слоя стоянки Быки-7). Поскольку речь идёт о небольших сезонных стоянках (Ахметгалеева, 2015; 2021), то мы, вероятно, наблюдаем в столь длительный период цикличные приходы родственных групп людей.

Исследования последних лет с использованием геофизических методов предоставили возможность для подтверждения целого ряда предположений о принципах локализации поселений в данном микрорегионе. Кроме того, более детальное изучение приуроченности стоянок Быки к древним природным объектам на стояночном участке, как и анализ новых археологических данных, позволили выдвинуть гипотезу о том, что на комплексе стоянок Быки наблюдается две группы локализации родственных поселений быковской археологической культуры. Дальнейшее изучение взаимосвязи между природными структурами и участками стоянок Быки является перспективным направлением в том числе для поиска новых стоянок.

Геохронологические исследования выполнены в рамках проекта РНФ № 22-77-00049, <https://rscf.ru/project/22-77-00049>. Археозоологические исследования выполнены в рамках задания ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметгалеева Н.Б., 2015. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта. 254 с.
- Ахметгалеева Н.Б., 2019а. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // Camera praehistorica. № 1 (2). СПб.: МАЭ РАН. С. 18–35.
- Ахметгалеева Н.Б., 2019б. Трасологическое исследование охотничьего вооружения стоянок верхнего палеолита Быки // КСИА. Вып. 255. С. 91–101.
- Ахметгалеева Н.Б., 2021. Стоянки охотников на копытных животных Быки в Посеймье: функциональные особенности // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 8. Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер». С. 122–131.
- Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д., 2008. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек. Адаптация. Культура. М.: ИА РАН. С. 44–55.
- Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д., 2020. Природно-климатический комплекс и формирование быковской археологической культуры // Eminak: Scientific Quarterly Journal. № 1 (29). Николаев: Науково-дослідний центр «Лукомор'є». Р. 69–179.
- Ахметгалеева Н.Б., Панин А.В., Куренкова Е.И., Зазовская Э.П., Бурова Н.Д., 2020. Проблемы радиоуглеродного датирования стоянок верхнего палеолита Быки в центре Русской равнины // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-Принт». С. 15–16.
- Григорьева Г.В., Филиппов А.К., 1978. Пенская позднелепелитическая стоянка (Курская область) // СА. Вып. 4. С. 162–175.
- Панин А.В., Ахметгалеева Н.Б., Шашерина Л.В., Бурова Н.Д., Воскресенская Е.В., Зазовская Э.П., Курбанов Р.Н., Куренкова Е.И., Бричева С.С., 2024. Хронология верхнепалеолитических стоянок Быки (центр Восточно-Европейской равнины) по данным ¹⁴С и ОСЛ датирования // Stratum Plus. № 1. Кишинёв: Университет «Высшая антропологическая школа». С. 203–230.
- Чубур А.А., 2001. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Изд. центр «Брянск-сегодня». 132 с.
- Akhmetgaleeva N.B., Burova N.D., 2021. The originality of the Byki sites among known LGM industries on the Russian Plain // Quaternary International. Volumes 581–582. P. 296–314.
- Akhmetgaleeva N.B., Bezudnyi V.G., Bricheva S.S., 2022. The dwellings of the Upper Paleolithic Byki sites and possible use of local landscape features // A life dedicated to the paleolithic: studies in honorem Marin Cărciumaru. Volumes 2. Târgoviște: Cetatea de scaun. P. 169–181.

**К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОТЛИЧИЯ СКРЕБКОВ КАМСКОЙ И ВОЛГО-КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

© 2024 г. Н.С. Батуева (nadiabat@yandex.ru), К.В. Никулина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

Аннотация. На территории Верхнего и Среднего Прикамья для эпохи неолита исследователями выделяются две культуры – камская и волго-камская. Часто памятники данной эпохи имеют смешанные слои, где одновременно залегают материалы обеих культур. Цель исследования рассмотреть типологию скребков для трех групп памятников неолита, относящихся к памятникам камской культуры, волго-камской и комплексам со смешанными слоями.

Ключевые слова: неолит, камская культура, волго-камская культура, Верхнее и Среднее Предуралье, скребки.

**ON THE ISSUE OF THE TYPOLOGICAL DIFFERENCE BETWEEN THE SCRAPERS
OF THE KAMA AND VOLGA-KAMA ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE NEOLITHIC
MONUMENTS OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION**

© 2024 N.S. Batueva (nadiabat@yandex.ru), K.V. Nikulina

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. In the territory of the Upper and Middle Kama region, for the Neolithic era, researchers distinguish two cultures – the Kama and Volga-Kama. Often, monuments of this era have mixed layers, where materials from both cultures are deposited at the same time. The purpose of the study is to consider the typology of scrapers for three groups of Neolithic monuments belonging to the Kama culture, Volga-Kama and monuments with mixed layers.

Keywords: Neolithic, Kama culture, Volga-Kama culture, Upper and Middle Urals, scrapers.

На территории Верхнего и Среднего Прикамья для эпохи неолита выделяются две культуры – камская и волго-камская.

На большей части памятников встречается смешение слоев (совместное залегание артефактов). Ранее было проведено изучение посуды по трем группам. Данное исследование помогло выделить черты, характерные для посуды камской и волго-камской культур, и черты смешения традиций, фиксирующиеся на смешанных памятниках (Батуева, 2023).

В настоящее время кажется актуальным провести исследование для каменных индустрий памятников неолита Верхнего и Среднего Прикамья. В связи с этим была начата работа по подробному изучению скребков на стоянках каменного века региона (Никулина, 2023; 2024).

Для данной территории было проанализировано 8 неолитических стоянок. К смешанным памятникам относятся – Чашкинское Озеро IIIа, Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро VI, Чашкинское Озеро IX, Чернушка; к камской культуре – Хуторская стоянка, Посёр; к волго-камской культуре – Чашкинское Озеро VIII.

Волго-камская культура представлена одним памятником – Чашкинское Озеро VIII. Коллекция скребков незначительна, в ходе работы было проанализировано всего 5 экземпляров. Материалом заготовки служил кремль (4 экз. /

80 %), кроме этого, отмечен единичный случай использования халцедона (20 %). В качестве заготовки использовались отщепы – 3 экз. (60 %), сколы – 2 экз. (40 %). В коллекции преобладают однолезвийные скребки – 3 экз. (60 %), двухлезвийные и многолезвийные скребки представлены единичными экземплярами (20 %). Большинство лезвий располагалось на дистальной части – 3 экз. (60 %). Стоит отметить скребок с двумя лезвиями, лезвия которого расположены на проксимальной и вдоль оси заготовки – 1 экз. (20 %). Один скребок с тремя лезвиями, у которого одно лезвие расположено на дистальной части, а два вдоль оси заготовки (20 %).

Изучение расположения рабочего лезвия относительно оси заготовки показало, что преобладает поперечное расположение – 3 экз. (60 %). В коллекции имеется скребок с двумя лезвиями, у которого одно лезвие поперечное, а другое продольное (20 %), а также скребок с тремя лезвиями, у которого одно лезвие поперечное, а два продольных (20 %).

На основании расположения скребкового лезвия были определены типы скребков: концевые формы – 3 экз. (60 %), концевые-боковые формы – 2 экз. (40 %). Два скребка имеют лезвия прямой формы (40 %), один – выпуклой формы (20 %). Один скребок с двумя лезвиями (выпуклое и прямое), а также в коллекции имеется скребок с тремя выпуклыми лезвиями (20 %). Практически все скребковые лезвия оформлены дорсальной ретушью – 4 экз. (80 %). Единичный экземпляр, лезвия которого оформлены дорсальной и вентральной ретушью (20 %). Измерение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь – 3 экз. (60 %), приостраивающая – 1 экз. (20 %). В коллекции имеется скребок, лезвия которых оформлены крутой и приостраивающей ретушью – 1 экз. (20 %).

Типологический анализ скребков волго-камской культуры показал, что преобладали однолезвийные скребки, изготовленные из кремня на отщепах. Большинство лезвий располагалось поперечно на дистальной части заготовки, чаще всего лезвия оформлены крутой дорсальной ретушью. Превалировали концевые формы скребков. Преобладали лезвия выпуклой и прямой формы.

Для камской культуры было проанализировано 47 экз. При исследовании выяснилось, что для изготовления скребков наиболее часто использовали кремень – 30 экз. (63,83 %), кварцитопесчаник – 8 экз. (17,02 %), халцедон – 4 экз. (8,51 %), яшма – 2 экз. (4,26 %), доломит – 2 экз. (4,26 %). Единичный случай использования в качестве сырья сланца на Хуторской стоянке (2,12 %). В качестве заготовки использовались отщепы – 40 экз. (85,11 %), сколы – 7 экз. (14,89 %). В коллекции преобладали однолезвийные скребки – 27 экз. (57,45 %), двухлезвийные – 16 экз. (34,04 %), многолезвийные – 4 экз. (8,51 %). В большинстве случаев лезвие располагалось на дистальной части заготовки – 23 экз. (48,94 %), проксимальной – 6 экз. (12,77 %), и на одном скребке лезвие располагалось вдоль оси заготовки (2,12 %). Также стоит отметить 12 скребков, лезвия которых располагались на дистальной части и вдоль оси заготовки (25,53 %), 5 скребков, лезвия которых располагались на проксимальной части и вдоль оси заготовки (10,64 %).

Расположение рабочего края относительно оси заготовки показало преобладание поперечного расположения – 25 экз. (53,19 %), продольное – 2 экз. (4,26 %). В коллекции имеются скребки с двумя лезвиями (поперечное и продольное) (29,8 %), 1 скребок с двумя продольными лезвиями (2,12 %), 1 скребок с двумя с поперечными лезвиями (2,12 %), а также 4 скребка с тремя лезвиями, у которых одно лезвие поперечное, а два других продольные (8,51 %).

Преобладали концевые формы – 26 экз. (55,32 %). Они, как правило, изготавливались на пластинчатых отщепах. Широко представлены угловые скребки – 13 экз. (27,66 %). Остальные скребки представлены единичными формами: концевые-боковые – 5 экз. (10,64 %), боковые – 3 экз. (6,38 %). Большая часть скребковых лезвий имеет выпуклую форму – 22 экз. (46,81 %), у одного скребка лезвие вогнутой формы (2,12 %), 4 скребка имеют лезвия прямой формы (8,51 %). Были отмечены скребки с двумя лезвиями, у которых одно лезвие прямое, а другое выпуклое – 6 экз. (12,77 %), 9 скребков с двумя выпуклыми лезвиями, один скребок с двумя вогнутыми лезвиями (19,15 %), а также 2 скребка с тремя лезвиями (выпуклое и прямое) (4,26 %), 2 скребка с тремя выпуклыми лезвиями (4,26 %).

Практически все скребковые лезвия оформлены дорсальной ретушью – 42 экз. (89,36 %), вентральной – 2 экз. (4,26 %). Встречаются скребки, лезвия которых оформлены дорсальной и вентральной ретушью – 3 экз. (6,38 %). Измерение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь – 27 экз. (57,45 %), отвесная – 5 экз. (10,64 %). В коллекции имеются скребки, лезвия которых оформлены отвесной и крутой ретушью – 14 экз. (29,79 %). Единичный экземпляр, лезвия которого оформлены крутой и приострающей ретушью (2,12 %).

Типологический анализ скребков памятников камской культуры показал, что в основном преобладают скребки, изготовленные на отщепе, с одним лезвием, расположенным на дистальной части, лезвия которых оформлены дорсальной ретушью. Большая часть скребковых лезвий имеет выпуклую форму. Материал изготовления скребков весьма разнообразен: кремль, кварцитопесчаник, доломит, яшма, халцедон и сланец. Преобладало поперечное расположение рабочего края относительно оси заготовки. Наибольшее распространение имели концевые типы скребков.

На смешанных памятниках было проанализировано 179 скребков. Для их изготовления наиболее часто использовался кремль – 158 экз. (88,27 %), халцедон – 14 экз. (7,82 %), яшма – 4 экз. (2,23 %), кварцитопесчаник – 2 экз. (1,12 %), единичный случай использования в качестве сырья сердолика на стоянке Чашкинское озеро VI (0,56 %). В качестве заготовки использовались отщепы – 141 экз. (78,77 %), сколы – 31 экз. (17,32 %), фрагмент пластины – 7 экз. (3,91 %). По количеству лезвий скребки делятся на однолезвийные – 91 экз. (50,84 %), двухлезвийные – 63 экз. (35,19 %), многолезвийные – 25 экз. (13,97 %). В большинстве случаев лезвие располагалось на дистальной части – 66 экз. (36,87 %), проксимальной – 19 экз. (10,61 %), вдоль оси заготовки – 23 экз. (12,85 %). Также стоит отметить 51 скребок, лезвия которых располагались на дистальной части и вдоль

оси заготовки (28,5 %), 20 скребков, лезвия которых располагались на проксимальной части и вдоль оси заготовки (11,17 %).

Кроме этого, было проанализировано расположение рабочего лезвия относительно оси заготовки. Преобладало поперечное расположение – 76 экз. (42,46 %), продольное – 13 экз. (7,26 %), также стоит отметить 2 скребка, где трудно было определить расположение рабочего края (без предпочтительной ориентации) (1,12 %). В коллекции также имеются скребки с двумя лезвиями, у которых одно лезвие поперечное, а другое продольное – 44 экз. (24,58 %), 12 скребков с двумя продольными лезвиями (6,7 %), 5 скребков с двумя поперечными лезвиями (2,8 %), один скребок имеет два лезвия без предпочтительной ориентации (0,56 %), один скребок имеет одно лезвие без предпочтительной ориентации, а другое продольное (0,56 %), 24 скребка с тремя лезвиями, у которых одно лезвие поперечное, а два лезвия продольные (13,41 %), 1 скребок с четырьмя лезвиями, у которых два лезвия поперечные, а два продольные (0,56 %).

Преобладали концевые формы – 82 экз. (45,81 %), концевые-боковые – 43 экз. (24,02 %), боковые – 24 экз. (13,41 %), угловые – 28 экз. (15,64 %), в коллекции встречаются 2 округлых скребка (1,12 %).

Большая часть скребковых лезвий имеют выпуклую форму – 66 экз. (36,87 %), один экземпляр имеет лезвие вогнутой формы (0,56 %), прямое лезвие – 21 экз. (11,73 %), у 3 скребков лезвия скошенной формы (1,68 %). В коллекции также имеются скребки с двумя лезвиями, у которых одно лезвие выпуклое, а другое вогнутое – 8 экз. (4,46 %), выпуклое и прямое – 28 экз. (15,64 %), вогнутое и прямое – 3 экз. (1,68 %), 20 скребков с двумя выпуклыми лезвиями (11,17 %), 3 скребка с двумя прямыми лезвиями (1,68 %), один экземпляр с двумя скошенными лезвиями (0,56 %). Также в коллекции имеются скребки тремя выпуклыми лезвиями (0,56 %), с тремя прямыми лезвиями (0,56 %), 5 скребков, у которых 2 выпуклых лезвия, а одно вогнутое (2,8 %), 15 скребков, у которых 2 выпуклых лезвия, а одно прямое (8,37 %), один скребок, у которого 2 прямых лезвия, а одно вогнутое (0,56 %), а также 2 скребка, у которых одно лезвие вогнутое, одно прямое, а другое выпуклое (1,12 %).

Практически все скребковые лезвия оформлены дорсальной ретушью – 156 экз. (87,15 %), вентральной – 7 экз. (3,91 %), также встречаются скребки, лезвия которых оформлены дорсальной и вентральной ретушью – 16 экз. (8,94 %). Измерение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь – 130 экз. (72,62 %), отвесная ретушь – 17 экз. (9,5 %), приостряющая – 5 экз. (2,8 %). В коллекции имеются скребки, лезвия которых оформлены крутой и приостряющей ретушью – 9 экз. (5,02 %), отвесной и приостряющей ретушью – 1 экз. (0,56 %), отвесной и крутой – 17 экз. (9,5 %).

Проведенный типологический анализ скребков из смешанных неолитических стоянок показал, что в основном преобладают скребки, изготовленные из кремня на отщепе, с одним лезвием, расположенным на дистальной части, лезвия которых оформлены крутой дорсальной ретушью. Большая часть скребковых лезвий имеет выпуклую форму. Преобладало поперечное расположение рабоче-

го края относительно оси заготовки. Основываясь на расположении скребкового лезвия, были определены типы скребков, преобладали концевые типы скребков.

Таким образом, проведенный типологический и сравнительный анализ скребков трех групп памятников региона позволяет нам выделить основные черты присущие для каждой. Стоит отметить, что для волго-камской культуры в связи с доступностью материалов и наличием ограниченного количества «чистых» памятников были обработаны скребки только стоянки Чашкинское Озеро VIII, что является слишком маленькой выборкой для определения культурных традиций целой культуры.

Важными отличиями смешанных памятников мы можем назвать наличие скребков на пластинах, для «чистых» памятников камской культуры нами были отмечены скребки на отщепах и сколах. Важными являются вопросы нанесения ретуши. Например, оформление скребков проксимальной ретушью было отмечено только в группах камской культуры и смешанных слоев. Кроме этого, изучение расположения рабочего лезвия относительно оси заготовки показало, что в группе камских памятников присутствует доля скребков с продольным расположением в отличие от волго-камской культуры. Кроме этого, стоит отметить скребки, где трудно было определить расположение рабочего края (без предпочтительной ориентации), что было отмечено только для смешанных комплексов. Для смешанных комплексов и для камских было отмечено наличие вогнутых лезвий, а для смешанных еще и скошенных. Важным отличием являются зафиксированные округлые скребки на памятниках Чашкинское озеро IX и Чернушка. В итоге нами была начата работа по сравнению каменной индустрии трех групп памятников. Выделенные отличия показали необходимость проведения дальнейшей работы по выявлению характерных черт для волго-камской и камской культур, а также для памятников со смешанными слоями.

Работа проведена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батуева Н.С., 2023. Традиции отбора сырья и составления формовочных масс керамических сосудов у населения Среднего Предуралья в эпоху неолита. Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. СПб. 422 с.
- Никулина К.В., 2023. Характеристика скребков поселения Чашкинское озеро IIIa // Вестник НАСА. № 1. Пермь. С. 11–20.
- Никулина К.В., 2024. Типологический анализ скребков с Хуторской стоянки // LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Уфа. С. 32–35.

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУЗНЕЦКО-САЛАИРСКОЙ ГОРНОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 г. **В.В. Бобров** (bobrov4545@mail.ru)

*Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

Аннотация. Особенности физико-географического положения Кузнецко-Салаирской горной области должны были бы привести к специфике процессов развития древних культур. Представленные в статье археологические материалы базовых памятников неолита (VII–IV тыс. до н.э.) позволяют предполагать три сценария развития неолита региона, наиболее сложный среди них характерен для Кузнецкой котловины, на которой выявлены памятники двух неолитических культур.

Ключевые слова: неолит, стратифицированные памятники, Кузнецко-Салаирская горная область.

STRATIFIED NEOLITHIC MONUMENTS OF THE KUZNETSK-SALAIR MOUNTAIN REGION

© 2024 **V.V. Bobrov** (bobrov4545@mail.ru)

*The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia,
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

Abstract. The geographical location of the Kuznetsk-Salair mountain region has likely influenced the development of ancient cultures in the area. The archaeological materials of the basic Neolithic monuments presented in the article (VII–IV thousand BC) suggest three possible scenarios for Neolithic development, with the most complex being characteristic of the Kuznetsk basin, where two different Neolithic cultures are represented.

Keywords: Neolithic, stratified monuments, Kuznetsk-Salair mountain region.

Кузнецко-Салаирская горная область по принципам географического районирования – часть страны гор Южной Сибири. Она расположена на северо-западе этой крупной горной экосистемы и граничит с лесостепью бассейна верхнего течения р. Оби, а на севере с таежной зоной западносибирской низменности. Одной из особенностей горной экосистемы Южной Сибири является наличие в каждой из ее областей межгорной котловины или котловин. В пределах рассматриваемой территории она представлена лесостепной с увалистым рельефом Кузнецкой котловиной. Расположение Кузнецко-Салаирской горной области на стыке с равнинным рельефом Западной Сибири, ее физико-географическое своеобразие должны были бы через адаптационные механизмы сказаться на процессах развития древних культур в дописьменный период истории. Но в хронологическом аспекте статья посвящена эпохе неолита – VII–IV тыс. до н.э. и представляет собой краткое научное обобщение всех известных к настоящему времени материалов стратифицированных памятников неолита Кузнецко-Салаирской горной области.

История археологического изучения эпохи неолита Кузнецко-Салаирской горной области насчитывает более 80-ти лет, начиная с раскопок первого памятника – Кузнецкого могильника в 1939 – 1940 гг. За это время открыто и раскопано 15 памятников, среди них 11 стоянок и 4 грунтовых могильника, которые можно пополнить материалами двух разрушенных могильников и одиночного захоронения. Таким образом, неолитических памятников известно немного и, учитывая

ландшафтное и природное своеобразие горной области, распространены они неравномерно (Рис. 1). Все неолитические стоянки связаны с таежным ландшафтом. Только две стоянки, обнаруженные на р. Ине в Кузнецкой котловине, расположены в лесостепи, но вблизи от горно-таежного Салаирского кряжа.

Картографирование памятников позволяет заключить, что обитатели горной области обживали (устраивали поселения), прежде всего, места с высоким содержанием природных ресурсов для жизни в условиях охоты, рыболовства и собирательства. Но хоронили умерших сородичей в лесостепи, на высоком берегу реки с видом на обширные пространства, что было обусловлено мировоззренческой установкой. Такое отношение к освоенному пространству в какой-то степени объясняется подвижным образом жизни неолитических охотников и рыболовов. Свидетельство тому отсутствие поселений со стационарными жилищами.

Один из районов сосредоточения неолитических памятников связан с берегами р. Томи в пределах границ Кузнецко-Салаирской горной области. Здесь обнаружено 2 стратифицированных памятника. Стоянка Бычье горло расположена в среднем Притомье на высокой террасе в устье ручья. Сведения о ней, оставленные В. Любченко и А. Садовым, ограниченные. Известно, что мощность отложений, содержащих артефакты, составляла более 1 м и что немногочисленные фрагменты керамической посуды залегали только в верхних горизонтах. Судя по сохранившимся материалам в музее Кемеровского университета, нижний уровень залегания находок представлен исключительно пластинами микроформ, а также орудиями на них в виде резцов, острий, перфораторов, концевых скребков. Значительную часть пластин составляют сечения. Пластинчатой индустрии соответствуют монофронтальные нуклеусы трапецевидного, клиновидного, конического типов. Орудийный набор на пластинах из верхних горизонтов практически идентичен, за исключением резцов. Его дополняют крупных размеров шлифованные топоры, тесла, скребки на отщепах. Керамика, сопровождающая этот комплекс, имеет аналогии в неолитической культуре лесостепного Приобья.

Стоянки Долгая-1 и Писаная-4 расположены на участках высокой поймы правого берега р. Томи. Морфологически и по гипсометрическим данным выделяется стоянка Долгая-1. Для нее характерно расположение культурного слоя на склоне. Не исключено, что большая часть стоянки уничтожена паводковыми водами. В нижнем горизонте культурного слоя выявлен небольшой керамический комплекс (фрагменты от 10 сосудов) с орнаментом в технике прочерчивания и отступающе-накольных оттисков. Композицию формировали зигзаг в зоне венчика, прямые горизонтальные и вертикальные линии отступающих наколов. Дополняют их такие орнаментальные элементы, как крупные круглые ямки и насечки. Этот комплекс находит аналогии в памятниках середины V тыс. до н.э. бассейна верхнего течения р. Оби. Особо следует выделить нож-клинок листовидной формы, идентичный изделиям из неолитических погребений Кузнецкой котловины (Марочкин, Юракова, 2014. С. 189–201).

Особое место среди неолитических памятников Кузнецко-Салаирской горной области и, прежде всего, нижнего течения р. Томи, занимает стоянка Писа-

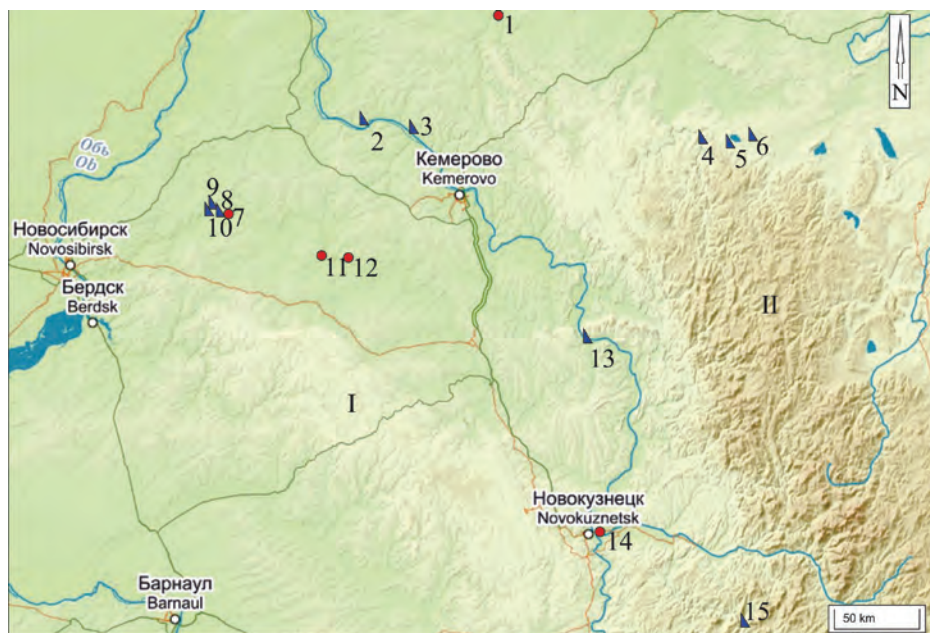

Рис. 1. Карта-схема расположения неолитических памятников Кузнецко-Салаирской горной области. I – Салаирский кряж; II – Кузнецкий Алатау. 1 – Яйский могильник; 2 – Долгая-1; 3 – Писаная-4; 4 – поселение Смирновский ручей; 5 – поселение Большой Берчикуль IV; 6 – поселение Тамбарское водохранилище; 7 – могильник Заречное 1; 8 – Изылы 2; 9 – поселение Иня 3; 10 – поселение Иня 11; 11 – Васьковский могильник; 12 – могильник Лебеди II; 13 – Бычье горло; 14 – Кузнецкий могильник; 15 – поселение Печергол 2.

ная-4 (Марочкин и др., 2021. С. 518). Скорее всего, это не одна, а несколько стоянок, в частности, эпохи неолита. Участок в пределах высокой поймы правого берега р. Томи демонстрирует стратиграфическую ситуацию с чередованием отложений, вызванных подъемом воды. Они маркируют как минимум 4 слоя, содержавшие артефакты от неолита до средневековья (Марочкин и др., 2021. Рис. 2). Полевые исследования этого памятника начались в 2020 г. преимущественно с целью выявления его границ. Соответственно, полученные материалы требуют детального анализа и стратиграфической проверки в процессе последующих раскопок. Но достоверно то, что среди неолитических материалов присутствует керамика идентичная стоянке Долгая I.

На юге Кузнецко-Салаирской горной области достоверно к стратифицированным памятникам, содержащим неолитические материалы, относится стоянка Печергол II (Бобров, 1994. С. 164–166). Она расположена на правом берегу р. Мрас-су в Горной Шории, на площадке высокой поймы (3–4 м над уровнем воды). Исследовано 150 кв. м. Первый слой имеет компрессионный характер. Он содержит материалы неолита, ранней и поздней бронзы, раннего железа и средневековья.

Комплекс раннего неолита связан со вторым культурным слоем. О каменной индустрии свидетельствует то, что ножевидные пластины и орудия на них составляют около 60 % находок. Среди орудий резцы разных типов, резчики (Бобров, 1994. Рис. 1: 15, 29), скребки, вкладыши в виде сечения пластин. Кроме резцовых сколов вторичная обработка представлена ретушью очень мелкой, равнофасеточной. Пластины получали с призматических, конических и клиновидных нуклеусов (Бобров, 1994. Рис. 2: 12–18). Все типы нуклеусов имеют один фронт снятия и фасетированную ударную площадку. Наконечники стрел, скребки (Бобров, 1994. Рис. 2: 1–6), комбинированные инструменты, ножи составляют другую группу каменных орудий. Нож листовидной формы из розового кварцитового песчаника связывает ранний комплекс Печергола II с неолитом Прибайкалья, предгорий Алтая и Кузнецкой котловины.

Археологически более информативны стоянки Кузнецкой котловины. Они исследованы В.А. Захом (2003). Стоянки Иня 3 и 11, Изылы 2 расположены на низких террасах р. Иня в нижнем ее течении. Неолитический слой залегал на глубине от 1,5 м до 1,8 м и был перекрыт речными отложениями, которые отделяли его от культурного слоя более позднего формирования. По данным В.А. Заха неолитический слой стоянок Иня 3 и 11 в геоморфологическом аспекте соответствует пойме (Зах, 2003. С. 37, 62). По данным споро-пыльцевого анализа Кузнецкая котловина представляла собой лесостепь со степными ксерофитными ассоциациями в виде полыни и семейства маревых.

Ранний неолит характеризует керамическая посуда яйцевидной и круглодонной форм, с примесью в формовочной массе песка, шамота, волоса животных. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, с внутренней его наносили очень редко только в зоне венчика (ряд овальных вдавлений, прочерченный зигзаг). Узор наносили в технике прочерчивания, отступающих наколов концом острой палочки или в виде овальных и круглых наколов, иногда использовали гладкий штамп. Представления об общей орнаментальной композиции нет из-за фрагментарности керамического материала. В керамическом комплексе привлекаем внимание посуда, украшенная отпечатками фигурного штампа. Группу естественных штампов составляли кости птиц, эпифизы, распиленные поперек трубчатые кости, а искусственных – штамп в виде прямоугольника и «лапы медведя». Скорее всего, посуду с таким орнаментом использовали в ритуальных целях. Оценивая общее восприятие декора неолитической посуды, отметим отсутствие равномерности линий, точности в пространственном расположении рядов, сбоя раппорта.

Находки из камня немногочисленные, так как стоянки расположены в сотне километров от мест высококачественного сырья. Производство орудий основано на пластине, близкой к микроформе (высота 1,0–3,5 см; ширина 0,4–1,0 см). Пластины получали с призматических монофронтальных нуклеусов. Среди пластин значительную серию составляют сечения для изготовления составных орудий. Треть пластин имеет вторичную обработку в виде ретуши. Преимущественно она нанесена по маргиналам с дорсальной или вентральной стороны. Среди орудий

на пластинах – концевые скребки, скобель, перфоратор. Сколом на углу сломанной пластины оформлены резцы. Наконечники стрел представлены листовидной, миндалевидной и треугольной формами. Многочисленную группу составляют скребки круглой формы (2–3 см) с пологим рабочим краем или лезвием с углом 30–45°. Шлифованные топоры имеют дуговидное лезвие и приостренный обушок.

В истории изучения неолита на территории бассейна верхнего течения р. Оби сложилось представление о существовании двух культур: кузнецко-алтайской (Окладников, Молодин, 1978; Молодин, 1977) и верхнеобской (Матюшенко, 1973). Если первая культура в материальном комплексе содержит типы орудий, характерные неолиту районов Байкала и р. Ангара, то вторая развивалась в традиции западносибирского неолита. Эта концепция не вызывает сомнения. Но полемическое состояние проблемы культурной принадлежности основано на том, что одна культура базируется на погребальных комплексах, а другая на материалах поселений. Материалы стоянок Кузнецкой котловины и нижнего течения р. Томи соответствуют характеристике верхнеобской неолитической культуры. На севере Кузнецко-Салаирской горной области эта тенденция менее выражена, особенно ближе к предгорьям Кузнецкого Алатау. Здесь, вероятно, следует наблюдать синкретизм западносибирской и байкальской неолитических традиций. К сожалению, неолит Минусинских котловин (соседней к востоку горной области) до настоящего времени слабо изучен, но есть основания предполагать воздействие байкальского неолита на его развитие (История Сибири, 2022. С. 266–270). Вернемся к зоне контакта, которая была достаточно обширной: от Кузнецкого Алатау до северных районов Восточных Саян. Обмен достижениями культур неолитических охотников и рыболовов шел в восточном и западном направлениях. Нельзя исключать, что обитатели южно-таежных районов среднего течения р. Оби длительное время сохраняли традиции байкальского неолита в производстве и типах каменных орудий. Примером являются материалы могильника ранней бронзы на Старом Мусульманском кладбище (Кирюшин, 2004). Можно полагать, что в Горной Шории развитие неолитической культуры имело относительную самостоятельность, которая была обусловлена физико-географическими особенностями региона.

Таким образом, представленные в статье археологические материалы базовых памятников позволяют предполагать три сценария развития неолита на территории Кузнецко-Салаирской горной области. Но наиболее сложное содержание имеет сценарий для Кузнецкой котловины, где представлены памятники двух неолитических культур. При этом Кузнецкая котловина составляла восточную часть ареала этих культур. В настоящее время известны многие памятники, содержащие неолитические материалы, требующие еще полевых и аналитических исследований. В будущем они дадут возможность уточнить и дополнить представление о неолите этой своеобразной горной области.

Работа выполнена в рамках государственного задания Проект АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., 1994. Этапы освоения Горной Шории (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Вып. 1. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. С. 164–176.
- Зах В.А., 2003. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 168 с.
- История Сибири, 2022. Том 1. Каменный и бронзовый век. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 660 с.
- Кирюшин Ю.Ф., 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ. 295 с.
- Марочкин А.Г., Сизев А.С., Юракова А.Ю., Гаврилов Д.А., Хайрулина К.Д., 2021. Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской Писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 27. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 511–519.
- Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., 2014. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История и Филология, Том 32. Вып. 3. Археология и этнография. Новосибирск: НГУ. С. 189–201.
- Матющенко В.И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. Вып. 9. Томск: ТГУ. 181 с.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 171 с.
- Окладников А.П., Молодин В.И., 1978. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 11–21.

**«КРЕМНЁВЫЕ МАСТЕРСКИЕ» В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ МСТЫ:
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ**

© 2024 г. **Е.А. Борисевич** (*ek.razheva.novsu@mail.ru*), **В.Ю. Сяуборов**
*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий
Новгород, Россия*

Аннотация. Статья посвящена истории открытия и изучения группы памятников в окрестностях д. Ёгла Боровичского района Новгородской области, в среднем течении р. Мсты, которые были интерпретированы исследователями как «кремнёвые мастерские». Дается предварительный анализ соответствия указанных памятников современным представлениям о мастерских.

Ключевые слова: кремнёвые мастерские, каменный век, река Мста, Новгородская область.

**«FLINT PROCESSING WORKSHOPS» IN THE MIDDLE REACHES OF THE MSTA RIVER:
THE HISTORY OF DISCOVERY AND RESEARCH**

© 2024 **E.A. Borisevich** (*ek.razheva.novsu@mail.ru*), **V.Yu. Syuborov**
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to the history of the discovery and research of a group of sites in the vicinity of the Yogla village (Borovich district, Novgorod region), in the middle reaches of the Msta river, which were interpreted by researchers as «flint processing workshops». A preliminary analysis of the correspondence of these sites to modern ideas about workshops is given.

Keywords: flint processing workshops, Stone Age, the Msta river, Novgorod region.

История изучения археологических памятников, связанных с производственной активностью древнего населения, в частности мастерских по изготовлению орудий, насчитывает не одно десятилетие. Фундамент современного понимания неолитических мастерских в русскоязычной археологической литературе заложен работами Л.Я. Крижевской и М.Р. Касимова (Касымов, Крижевская, 1969) (Подробнее историографию вопроса см., например, Кулаков, 1993; Колесник и др., 2022. С. 16–18).

Под мастерской понимается тип памятника археологии, где происходило специализированное изготовление каких-либо изделий. Основным критерием для его определения является преобладание отходов производства. Набор прочих признаков не является универсальным и зависит от региональных особенностей. Тем не менее, при сравнительном анализе предложенных различными исследователями классификаций мастерских (Касымов, Крижевская, 1969; Колесник и др., 2022; Тарасов, 2022. С. 17) можно выделить следующие признаки:

- 1) памятники располагаются вблизи источников сырья;
- 2) отходы производства составляют большую часть инвентаря, итоговый продукт практически отсутствует;
- 3) технологический контекст позволяет реконструировать технологию производства;
- 4) следы долговременных жилищ отсутствуют.

Несмотря на продолжительную историю изучения древностей каменного века на территории Новгородской области (Ражева, 2019), памятников, интерпре-

Рис. 1. Памятники эпохи камня в окрестностях д. Ёгла.

Кремнёвые мастерские: 1 – Ёгольская; 2 – Первая Золотовская; 3 – Вторая Золотовская; 4 – Ровненская; 5 – Первая Ануфриевская; 6 – Вторая Ануфриевская; 7 – Третья Ануфриевская; 8 – Четвертая Ануфриевская.

Стоянки: 9 – Ануфриевская Грядка; 10 – Ануфриевская; 11 – Ёгольская.

тируемых как мастерские, здесь известно только два. Они расположены практически друг напротив друга на обоих берегах реки Мсты в окрестностях д. Ёгла и д. Ануфриево (Рис. 1). Их открытие и изучение связано с именами С.Н. Орлова и инициативной группы боровичских краеведов: С.Н. Поршнякова, Г.И. Ивановского, В.В. Гарновского, П.Г. Николаева (Орлов, 1970). Однако атрибуция указанных комплексов мастерскими вызывает вопросы. Так, например, М.П. Зимина не упоминает их в своих сводах памятников каменного века в бассейне Мсты (Зимина, 1981, 1993). В рамках данной работы, опираясь на опубликованные и архивные материалы, мы сделаем попытку рассмотреть соответствие указанных объектов критериям, которые в современной науке утвердились для данного типа памятника.

На дюнной гряде левого берега р. Рудихи (приток Мсты) к северу от д. Ануфриево, в 10 км к ЮВ от Боровичей, ещё с 1928 г. было известно местонахождение с большим количеством дебитаж, небольшим количеством орудий и практически полным отсутствием керамического материала (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 107. Л. 26) В начале 1960-х гг. группой боровичских краеведов было предпринято сплошное археологическое обследование ближайших окрестностей г. Боровичи. Ими было осмотрено и указанное местонахождение,

собрано множество сколов, массивных отщепов, пластин. Водами реки, врезавшейся в ледниковые и каменноугольные отложения здесь обнажены известняки, содержащие серый кремнь. По предположению краеведов, камень с реки поднимался на дюнную площадку, где и производилось его первичное расщепление. Малое количество готовых изделий в сборах подтолкнуло краеведов к выводу, что обнаруженный памятник является «кремнёвой мастерской». Они отмечают, что дальнейшая обработка заготовок и изготовление орудий могли осуществляться в других местах. Например, ножевидные пластины из идентичного по цвету и качеству кремня находили на берегах оз. Болонье в 36 км к В от д. Ануфриево (ГАНО. Ф. Р-4066. Оп. 3. Д. 30).

В ходе дальнейших исследований в ближайшей округе краеведами найдено ещё шесть пунктов, которые они посчитали мастерскими, а также три небольших поселения (ОПИ НГОМЗ. Ф. Р-9. Оп. 1. Ед. хр. 621, 625, 694). В 1966 г. «кремнёвые мастерские» в д. Ануфриево вместе с С.Н. Орловым и боровичскими краеведами осматривала М.П. Зимина, в те годы проводившая раскопки в ур. Репищи (низовья р. Уверь, правого притока Мсты, в окрестностях с. Перелучи Боровичского района Новгородской области (Зимина, 1981)). Однако, по всей видимости, данная группа памятников её не заинтересовала.

В 1965 г. «кремнёвая мастерская» была найдена и на правом берегу р. Мсты, на распаханной площадке второй надпойменной террасы, в южной части д. Ёгла. В 1966 г. С.Н. Орловым на памятнике были произведены раскопки, в связи с существовавшей угрозой его разрушения. На основе данных публикации (Орлов, 1970), отчёта (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3278) и дневниковых записей С.Н. Орлова и Г.И. Ивановского (ОПИ НГОМЗ) установлено, что в раскопе общей площадью около 200 кв. м был зафиксирован культурный слой мощностью до 1 м. Верхнюю часть напластований составлял задернованный тёмно-серый гумусированный песок (от 0,2 до 0,7 м). Комплекс находок, включавший в себя фрагменты гончарной керамики XI–XII вв., позволил предположить здесь существование поселения древнерусского времени. В предматериковой, непо потревоженной распашкой части отложений фиксировался светло-жёлтый песок с примесью перегноя и пятен золы (мощностью от 0,2 до 0,3 м), местами в заполнении встречались обожжённые камни. Практически все кремнёвые находки происходят из этого горизонта. Он был признан слоем «кремнёвой мастерской». На основании одного неорнаментированного фрагмента лепной керамики, аналога которому известны на памятниках позднего неолита, происходящего из слоя, вышележащего горизонту «мастерской» памятник был датирован «развитым неолитом» (Орлов, 1970. С. 96). Материковые отложения представлены светло-жёлтым песком «делювиального происхождения».

Ближайшие аналогии памятнику С.Н. Орлов видел в мастерских Верхнего Поволжья, исследованных Л.Я. Крижевской, в раскопках одной из которых он принимал участие в 1940 г. (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3278. Л. 15).

В ходе раскопок было найдено около 34 тыс. кремнёвых находок (свыше 29 тыс. из слоя, еще около 5 тыс. в осыпи берега). Из общего количества для сдачи в музей было отобрано 6205 предметов «которые дают полное представление о характере памятника». Остальные находки оставлены на месте раскопа (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3278. Л. 6–7). Согласно музейной описи в настоящее время в фондах НГОМЗ хранится 6232 предмета из раскопок в Ёгле, около ста депаспортизированных предметов найдено и атрибутировано по характеру сырья в фондах музея археологии НовГУ. Возможно, часть коллекции попала в археологический музей школы № 7 г. Боровичи и Боровичский музей.

Тем не менее, имеющийся материал позволяет предварительно оценить, насколько рассматриваемая группа памятников, и в особенности «кремнёвая мастерская» в д. Ёгла, соответствуют указанным выше критериям мастерской.

1) Памятники располагаются на берегах р. Мсты в окрестностях д. Ёгла и д. Ровное – т.е. в непосредственной близости к выходам т.н. «ровненского известняка» (ровненской свитой тарусского горизонта визейско-серпуховских отложений нижнего карбона северо-западного крыла Московской синеклизы (Савицкий и др., 2012. С. 34)). В его толще фиксируются конкреции и линзы кремня, которые предположительно могли служить сырьём для изготовления орудий.

2) Опубликованные и архивные данные, а также предварительное знакомство с коллекцией позволяют говорить о том, что продуктов первичного расщепления на памятниках абсолютное большинство. Например, из более чем 30 тысяч предметов, найденных при раскопках Ёглы, лишь около ста являются заготовками орудий, законченными же орудиями и вовсе признаны только пять скребков.

3) Технологический анализ материалов коллекций на данном этапе исследования не проводился.

4) Анализ имеющихся источников не позволяет с уверенностью говорить о наличии на памятниках жилищных конструкций, очагов и иных сооружений. Хотя и С.Н. Орлов отмечает наличие в слое Ёгольской «кремнёвой мастерской» зольных пятен, углей и пережжённого камня, ничего об их характере и происхождении из сохранившейся отчётной документации сказать нельзя.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что памятники, расположенные на берегах Мсты, в окрестностях д. Ёгла, действительно являются «кремнёвыми мастерскими». Однако, окончательное решение данного вопроса требует более тщательного изучения материалов с привлечением к работе узконаправленных специалистов, проведение технологического анализа коллекций, поиск предметов из «ровненского» кремня в материалах других памятников, а также проведения дополнительных полевых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зими́на М.П., 1981. Неолит бассейна р. Мсты (публикация материалов). М.: Наука. 210 с.
- Зими́на М.П., 1993. Каменный век бассейна р. Мсты. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 268 с.
- Касымов М.Р., Крижевская Л.Я., 1969. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. Вып. 1. М.: Наука. С. 265–268.

Колесник А.В., Манько Н.В., Дегерменджи С.М., 2022. Неолитические кремнеобрабатывающие мастерские Донбасса // Археология Волго-Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья: Сборник статей в честь 60-летия А.В. Кияшко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. С. 16–27.

Кулаков С.А., 1993. Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб.: Фарн. С. 3–13.

Орлов С.Н., 1970. Мастерская каменного века в среднем течении р. Мсты // СА. Вып. 3. М.: Наука. С. 87–98.

Ражева (Борисевич) Е.А., 2019. История археологического изучения эпохи каменного века на территории Новгородской области // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании: 3-й молодежный конвент. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 312–315.

Савицкий Ю.В., Коссовая О.Л., Евдокимова И.О., Вевель Я.А., 2012. Опорный разрез нижнего карбона р. Мсты // Путеводитель экскурсии 21–24 сентября 2012 г. III Всероссийского совещания «Верхний палеозой России: региональная стратиграфия, палеонтология, гео- и биособытия». СПб., ВСЕГЕИ. 55 с.

Тарасов А.Ю., 2022. Материальное производство и обмен в Северо-Восточной Европе периода позднего неолита / энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб. 39 с.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ
И ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

© 2024 г. **А.В. Вискалин** (alvisk@mail.ru)

Ульяновск, Россия

Аннотация. Критический анализ имеющихся данных позволяет сделать следующие выводы. Распространение остродонной керамики на территории Восточной Европы могло произойти не позже середины 8 тыс. лет ВР. Версия о среднеазиатских истоках остродонной елшанской керамики не имеет достаточного подтверждения. Материалы более поздней остродонной елшанской керамики предлагается выделить в самостоятельный этап. Отнесение плоскодонной керамики луговского типа к завершающему этапу елшанской культуры требует дополнительного обоснования.

Ключевые слова: ранний неолит, елшанская культура, Приуралье и Среднее Поволжье, хронология, периодизация, происхождение.

**SOME ISSUES OF CHRONOLOGY, PERIODIZATION AND THE ORIGIN
OF THE ELSHAN'S CULTURE**

© 2024 **A. V. Viskalin** (alvisk@mail.ru)

Ulyanovsk, Russia

Abstract. A critical analysis of the available data allows us to draw the following conclusions. The spread of sharp-bottomed ceramics in Eastern Europe could have occurred no later than the middle of 8 thousand years BP. The version about the Central Asian origins of the sharp-bottomed Elshan ceramics does not have sufficient confirmation. It is proposed to separate the materials of the later sharp-bottomed Elshan ceramics into an independent stage. The attribution of flat-bottomed ceramics of the Lugovsky type to the final stage of the Elshan's culture requires additional justification.

Keywords: early Neolithic, Elshan's culture, Urals and Middle Volga region, chronology, periodization, origin.

Открытие в лесостепном Приуралье на рубеже 70–80 гг. керамики с приотстренными днищами, получившей название керамики елшанского типа, вызвало пересмотр сложившихся хронологических схем. Несколькими годами позже к елшанской культуре были отнесены комплексы плоскодонной керамики красногородковско-луговского типа и выделены в ее развитии 2 этапа: ранний с остродонной керамикой и поздний – с плоскодонной. Появление новых памятников на правом берегу Волги привело к расширению елшанской культуры на территорию Среднего Посурья и Примокшанья. Нахождение остродонной керамики далеко за пределами Среднего Поволжья и Приуралья поставило вопрос о существовании особого елшанского очага гончарства, внесшего заметный вклад в неолитизацию Восточной Европы. Активные научные исследования елшанской культуры сопровождаются оживленной полемикой. В данной работе речь пойдет о некоторых взаимосвязанных дискуссионных вопросах, касающихся хронологии, периодизации и происхождения елшанской культуры.

К числу таких вопросов относится время появления и истоки остродонной керамики. Первоначально время ее появления было датировано бореальным пе-

риодом (8600 лет ВР) (Мамонов, 1994. С. 23). Позже – рубежом 8–7 тыс. лет ВР (Выборнов, 2008. С. 207). Несколько лет назад А.А. Выборнов вновь «омолаживает» возраст восточной группы до середины 8 тыс. лет ВР, взяв за основу самые молодые радиоуглеродные даты по керамике стоянки Ивановка и даты по рогу позднемезолитической стоянки Кочкари I (Выборнов, Кулькова, 2021. С. 46).

Не исключая возможности омоложения остродонной керамики в Приуралье, все же следует признать, что используемые для этого «молодые» даты по органике в керамике стоянки Ивановка, в силу их ненадежности, могут рассматриваться исключительно как предварительные, а даты мезолитической стоянки Кочкари I «отбивают» верхний рубеж мезолита в Поволжье, а не в Приуралье.

В этой связи хочется напомнить, что зона распространения ранней остродонной керамики выходит за пределы Среднего Поволжья и Приуралья. Ее присутствие зафиксировано на раннем этапе буго-днестровской культуры, датированном серединой 8 тыс. лет ВР (Котова, 2002. С. 23, 103). При этом украинские специалисты не торопятся отказываться от принятой хронологии (Манько, 2016. С. 263). Острые донца отмечены в слоях 11–13, 20 Ракушечного Яра, надежно датированных по пищевому нагару первой четвертью 7 тыс. лет ВР (слои 11–13), первой половиной 8 тыс. лет ВР (слой 20) (Белановская, Тимофеев, 2004. С. 17). Елшанские керамические традиции проявляются в материалах раннего неолита (фаза «а-2») сертейской культуры Днепро-Двинского междуречья, верхневолжской и валдайской культур, датированных серединой 8 тыс. лет ВР (Мазуркевич и др., 2016. С. 325).

Иными словами, в середине 8 тыс. лет ВР остродонная керамика «засветилась» не только в Приуралье, но и на Нижнем Дону, Буго-Днестровском и Днепро-Двинском междуречье, Верхней Волге. По этой причине вопрос о сроках и динамике распространения остродонной керамики на территории Восточной Европы на сегодня полностью закрытым считать нельзя.

Появление остродонной керамики в Приуралье А.А. Выборнов связывает с миграцией населения ранней кельтеминарской культуры с территории Восточного Прикаспия (Джебел) и Южного Приаралья (Дарьясай), что нашло поддержку Н.Л. Моргуновой, а позже – К.М. Андреева. Оппоненты данной теории (Котова, Манько, Ставицкий, Вискалин) обращают внимание на различие керамики и кремневого инвентаря елшанской культуры и дарьясайских стоянок, отсутствие у среднеазиатской остродонной керамики хронологического приоритета над приуральской. Истоки остродонной керамики они пытались найти в раннем неолите Северного Причерноморья и Приазовья, тесно связанного своим происхождением с Малой Азией.

Причиной развернувшейся дискуссии явилась ограниченность доступных данных, затрудняющих проведение качественного сравнения. Ситуация стала меняться под влиянием результатов многолетней Узбекско-французской археологической экспедиции по неолитизации Центральной Азии, уточняющих хронологию, периодизацию и хозяйственный уклад кельтеминарской культуры. Как показывают их наблюдения, наиболее ранняя кельтеминарская керамика содер-

жит растительную примесь в тесте и представляет собой преимущественно сферические и полусферические сосуды, небольшие реберчатые сосуды с округлым и уплощенным дном, орнаментированные прочерченными линиями и наколами. Керамику сопровождает пластинчатый инвентарь, включающий в себя разнообразные геометрические микролиты и кости домашних животных: быка, овцы/козы, верблюда. Датировка раннего этапа установлена радиоуглеродной датой стоянки Аяккагитма (7190±20BP–Gif/LSM 11205). Круглодонная керамика с примесью органики, микролитический кремневый инвентарь и животноводство являются вполне типичными для раннеземледельческих культур ближневосточного региона (Сверчков, 2021. С. 136, 137, 143). Сосуды с конусовидным дном и примесью шамота появляются лишь на этапе кельтеминарской культуры, преимущественно на ее северной периферии и в сопредельных районах Центрального и Восточного Казахстана (Брюне, 2014. С. 43–45). Примечательно, что здесь же наблюдается устойчивое развитие отщеповых индустрий (Сверчков, 2021. С. 141).

Связать происхождение елшанской культуры с ранней кельтеминарской мешает отсутствие у последней таких признаков как шипо/остродонность и ямочно-жемчужные пояски. Отдельные признаки сходства кельтеминарской посуды с елшанской носят общестадийный характер и являются отголоском влияния ближневосточных центров. Непреодолимые сложности возникают и при сопоставлении елшанского отщепово-пластинчатого кремня с микролитическим кельтеминарским кремнем (Андреев, 2023. С. 7, 8).

По причине кризиса теории среднеазиатского импульса 10 лет назад мною было высказано предположение о формировании елшанской культуры в результате движения населения с территории слабоизученного Центрального и Восточного Казахстана, в свою очередь испытавшего влияние раннеэнеолитических культур Забайкалья и северного Китая и Японии. Для ранних этапов этих культур возрастом от 15 до 11 тыс. лет ВР характерна остродонная и шиподонная керамика, украшенная ямочно-жемчужными поясками (Жучиховская, 2020. С. 21; Kuzmin, 2015. Р. 1–15). Здесь следует заметить, что для раннеэнеолитической посуды Ближнего Востока и Южной Европы устойчивое сочетание таких признаков как шипо/остродонность и ямочно-жемчужные пояски не характерно.

На Среднюю Волгу, в Посурье и Примокшанье остродонная керамика, по мнению А.А. Выборнова, проникает в последнюю четверть 8 тыс.лет ВР и существует здесь до начала 7 тыс.лет ВР. Основанием для этого являются полученные по методу AMS радиоуглеродные даты со стоянок Чекалино IV, Вьюново озеро I, Имерка VII. «Классическую» елшанскую остродонную керамику от более ранней отличает примесь шамота, ребро на тулове, наплыв на венчике, более частое использование ямочно-жемчужного пояска, усложнение орнаментации и использование разнообразных наколов и прочерченных линий. Источник описанных выше новаций исследователи видят в саморазвитии или влиянии соседних регионов. Охват новациями практически всех сторон керамического производства при сохранении преемственности с ранней елшанской керамикой позволяет поставить

вопрос о выделении «классической» или поздней елшанской керамики в качестве второго этапа елшанской культуры.

Проблема своеобразия «классической» елшанской керамики тесно связана с проблемой происхождения и культурной принадлежности плоскодонной керамики луговского типа, датируемой А.А. Выборновым рамками 6800–6500 лет ВР. Луговская керамика изготовлена из илистых глин с примесью шамота, имеет закрытые и слабопрофилированные горшковидные формы сосудов, на некоторых из которых присутствует сглаженное ребро на тулове и наплывы на венчиках. С «классической» елшанской керамикой ее сближает сходная рецептура глиняного теста, встречаемость ребра, наплывов и ямочно-жемчужных поясков, а отличает – плоскодонность и практически полное отсутствие орнамента.

Происхождение керамики луговского типа А.А. Выборнов связывает с влиянием неолита Нижнего Поволжья. Его позицию неизменно разделяет К.М. Андреев. Сомнение в правильности данной теории вызывает невозможность стратиграфического разделения остродонной и плоскодонной керамики на стратифицированных памятниках (Мамонов, Ластовский, Моргунова), необъяснимая избирательность заимствования только плоских днищ, а не всего комплекса признаков, широкая распространенность плоскодонной неорнаментированной керамики, выходящей далеко за пределы Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия (Вискалин). Одним из наиболее вероятных источников формирования подобной керамики исследователи называют Ракушечный Яр (Мазуркевич и др., 2013. С. 94) и Нижнее Подонье (Вискалин, 2009. С. 166).

В этом отношении особый интерес представляет керамика стоянки Усть-Ташелка, имеющая системное сходство с керамикой ракушечнойярской культуры. Она также изготовлена из илистой глины с примесью шамота. Поверхность сосудов хорошо заглажена. Основными формами являются округлобокие плоскодонные горшки, часть из которых с ребром на тулове. Среди округлых, уплощенных и приостренных венчиков встречаются скошенные вовнутрь и с наплывом-утолщением изнутри. Хотя основная масса керамики не орнаментирована, но отмечено использование двузубого штампа, скобковидного, треугольного, округлого наколов, прочерченной линии, широкой проглаженной полосы, зубчатого штампа, сквозных сверленных отверстий. Керамика выглядят достаточно однородной, что не исключает наличие небольшого количества более поздней примеси.

С нижними слоями Ракушечного Яра керамику Усть-Ташелки сближает редкая орнаментация, формы сосудов, виды наколов, оттиски двузубого и гребенчатого штампов, отсутствие ямочно-жемчужных поясков. С «классической» елшанской и луговской – сближает примесь шамота, биконичность, наплывы на венчиках, виды наколов. Отличием от «классической» елшанской и луговской керамики является почти полное отсутствие ямочно-жемчужного пояса, более развитые и разнообразные формы сосудов.

По органике в керамике стоянки Усть-Ташелка получено 4 радиоуглеродных даты. Первая пара дат ложится во 2 четверть 8 тыс. лет ВР, вторая – на начало 7 тыс. лет ВР. Учитывая допустимость резервуарного эффекта, к первой паре дат

можно ввести поправку в 500 лет и датировать последней четвертью 8 тыс. лет ВР. Допустимость такой корректировки подтверждает ее синхронизация с керамикой «классической» елшанской (ребро, наплывы, шамот) и ранней нижнедонской культурами (зубчатый штамп, наплывы и внутренний скос венчика), датируемых концом 8 – началом 7 тыс. лет ВР (Котова, 2002. С. 27, 95). Принимая во внимание нахождение в ближайших окрестностях Усть-Ташелки стоянок с керамикой луговского типа (Луговое III, Елшанка XI), нельзя исключить, что пара поздних дат получена по черепкам заведомо более молодой луговской керамики. Небольшой хронологический приоритет керамики Усть-Ташелки позволяет предположить ее участия в формировании как «классической» елшанской, так и луговской керамики.

Последний вопрос касается культурного статуса керамики луговского типа. По мнению профессора А.А. Выборнова, формирование данного вида керамики произошло при доминировании елшанских традиций, и поэтому она должна входить в состав елшанской культуры. Но даже простое сопоставление елшанской и луговской керамики показывает, что из числа «родовых» елшанских признаков в керамике луговского типа остается, пожалуй, лишь ямочно-жемчужный пояс, а остальные утрачиваются (форма сосудов и донца, примесь в тесте, прочерченный орнамент). Отсутствие орнаментации на керамике луговского типа считать наследием елшанских традиций нельзя, т.к. в раннем неолите данный признак распространен далеко за пределами Приуралья и носит стадийный характер. По этой причине отнесение керамики луговского типа к елшанской культуре требует дополнительного обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев К.М., 2023. Происхождение елшанской культуры и проблема изучения каменной индустрии раннего неолита лесостепного Поволжья // От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 7–8.
- Белановская Т.Д., Тимофеев В.И., 2003. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 14–21.
- Брюне Ф., 2014. О новом исследовании неолитической кельтеминарской культуры (Узбекистан) // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том I. Самарканд: МИЦАИ. С. 38–62.
- Вискалин А.В., 1966. Культурно-хронологические группы раннего неолита Волго-Уральской лесостепи // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: Триада, 2009. С. 159–170.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.
- Выборнов А.А., Кулькова М.А., 2021. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. № 3 (37). С. 42–54.
- Жучиковская И.С., Мильникова Л.Н., 2020. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы для учебного курса «Керамика как археологический источник») // Вестник НГУ. Серия: История, философия. Т. 19. № 7. Археология и этнография. С. 10–33.
- Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях. 268 с.
- Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 27–109.

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2016. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII–III тыс. до н.э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток. С. 317–352.

Мамонов А.Е., 1994. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур). Самара: СГПУ. С. 3–25.

Манько В.А., 2016. Абсолютное датирование некоторых неолитических культур на территории Украины // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свисток. С. 261–279.

Сверчков Л.М., 2021. Возвращение к вопросу о роли кельтеминарской культуры в истории Евразии эпохи неолита – ранней бронзы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 3. № 3. С. 133–165.

Kuzmin Y.V., 2015. The origins of pottery in East Asia: updated analysis (the 2015 state-of-the-art) // Documenta praehistorica XLII. Ljubljana. P. 1–11.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВЫЛЫС ТОМ 3 В ИЖМА-ТОМСКОМ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

© 2024 г. А.В. Волокитин (volkt54@mail.ru), Н.А. Волокитина

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
Сыктывкар, Россия*

Аннотация. Стоянка Вылыс Том 3 входит в состав Ижма-Томского геоархеологического микрорайона. Сходство в использованном сырье, технике раскалывания, распределении пластин по ширине, орудийном наборе с материалами мезолитических памятников Очью катище и Вылыс Том 2, расположенных рядом, позволяет предполагать сезонные перемещения одних и тех же коллективов в зависимости от гидрорежима реки.

Ключевые слова: стоянка, мезолит, р. Ижма, европейский Северо-Восток, кремневый инвентарь.

MESOLITHIC SITE VYLYS TOM 3 IN IZHMA-TOM GEOARCHAEOLOGICAL MICROREGION

© 2024 A.V. Volokitin (volkt54@mail.ru), N.A. Volokitina

*Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre UB RAS, Syktvykar,
Russia*

Abstract. The Vyls Tom 3 Mesolithic site is a part of the Izhma-Tom geoarchaeological microregion. The raw materials used, the splitting technique, the distribution of blades by width, the tool kit are similar to the materials of the nearby Mesolithic sites Vyls Tom 2 and Ochyu katishche. This allows us to assume seasonal movements of the same collectives depending on the hydro regime of the river.

Keywords: site, Mesolithic, Izhma river, European North-East, flint inventory.

Мезолитическая стоянка Вылыс Том 3 расположена на правом берегу среднего течения р. Ижма, на останце надпойменной бортовой террасы в окрестностях поселка Том Ижемского района Республики Коми. Стоянка входит в Ижма-Томский геоархеологический микрорайон, где раскопками изучено шесть мезолитических памятников.

В долине р. Ижма систематические археологические исследования были начаты в 1964–1965 гг. В.Е. Лузгиным (Лузгин, 1972). В 1986 г. работы были про-

должны Т.В. Истоминой (Истомина, Волокитин, 1993). В 2003 г. разведочные изыскания в среднем течении реки проведены А.Л. Багиным и А.В. Волокитиным (Багин, Волокитин, 2004). В ходе данных обследований в окрестностях пос. Том было открыто и частично исследовано значительное количество стоянок от эпохи мезолита до раннего средневековья, в том числе мезолитические стоянки Турун-нюр 1 (Лузгин, 1972. С. 23–27, 78–79) и Лек-Леса 1 (Волокитин, 2005). Исследования многослойного хорошо стратифицированного памятника Вылыс Том 2 были проведены А.В. Волокитиным в 2010–2013, 2015, 2017 гг. К настоящему времени здесь выявлено четыре культурных горизонта. Первый культурный горизонт относится к позднему периоду существования ананьинской общности раннего железного века (VI–III вв. до н.э.), второй – к неолиту. Третий и четвертый горизонты, сходные по технико-техническим показателям каменной индустрии, отнесены к мезолиту (Волокитин, Волокитина, 2022).

Разведочные и раскопные работы в окрестностях пос. Том в 2017–2023 гг. проведены Н.А. Волокитиной. Были выявлены и исследованы раскопками три мезолитических стоянки: Очью катище (28 кв. м), Вылыс Том 4 (33 кв. м) и Вылыс Том 3 (52 кв. м).

Стоянка Вылыс Том 3 была выявлена в 2018 г., раскапывалась в 2021, 2023 гг. Она расположена на одной из грив второй надпойменной боровой террасы и имеет соответствующее боровым археологическим памятникам неглубокое залегание находок, которое, как правило, не превышает 0,40 м. Малая глубина залегания культурных остатков является причиной того, что даже незначительное повреждение поверхности террасы обнажает их и способствует разрушению. Находки приурочены к белесому подзолу (лесная почва) и верхам иллювиального горизонта. Лесная дорога, проходящая по гриве, повредила верхний слой подзола, там отсутствует моховой покров (ягель), образовался техногенный серый слой, в котором также были обнаружены находки. Находки из дорожного, подзолистого и иллювиального горизонтов составляют единый комплекс.

В юго-восточной части стоянки в самых верхах подзола были обнаружены немногочисленные артефакты раннего железного века (рубеж I тыс. до н.э. и I тыс. н.э.), приуроченные к пятну/линзе гумусированного слоя диаметром 1 м и мощность до 0,05 м. Линза включала очень мелкие фрагменты костей и керамики, а также пять мелких кремневых отщепов. Находки за пределами линзы не зафиксированы. Каких-либо признаков смещения с мезолитическим инвентарем не выявлено.

Основная часть мезолитических находок залегала на глубине около 0,35 м. Вскрыто скопление находок диаметром 4–5 м, включавшее помимо артефактов скопления угольков и мелкие фрагменты кальцинированных костей (264 ед.). В пределах данного объекта находки распределялись по вертикали на 0,50 м. Скорее всего это объясняется биотурбацией. Были собраны материалы для датирования – радиоуглеродная дата 8150 ± 90 C14 л. н. (LU-10576). В северном направлении на расстоянии 2 м от данного пятна выявлены две небольших концентрации материала диаметром менее 1 м.

Рис. 1. Вылыс Том 3, связи по кремневому сырью: 1 – нуклеус, 2 – обломок пластины, 3 – резец, 4–5 – двулезвийные скребки, 6–7, 9 – скребки, 8 – скребло-острие.

Общее число находок мезолитической стоянки Вылыс Том 3 из камня 1247 экз. В коллекции помимо кремневых изделий (1186 экз.) имеется 37 предметов из кварцитопесчаника, три из эпидозита и два из песчаника. Эпидозит представлен осколками и отщепами, кварцитопесчаник – обломками и осколками галек, есть также крупный отбойник. Отметим крупное, абразивное орудие с характерными бороздами, очевидно, от обработки острий из кости. Из опоки изготовлен шлифованный топор. Обушок его обломан, по обоим фасам в районе лезвия фиксируются снятия (Волокитин, Волокитина, 2022а). Найдены отщепы из опоки (20 ед.), причем некоторые из них имеют следы шлифовки, то есть, сняты с данного топора. Такая же ситуация со шлифованными орудиями и отщепами, снятыми с них, зафиксирована в материалах мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2.

Из общего числа пластин (246 экз., включая орудия из них), ширину удалось измерить у 223 экз. Отмечено малое количество (5 ед.) микропластин, примерно равное число узких и средних пластин и очень большое количество пластин шириной более 15 мм. Много очень крупных пластин (обломков, сегментов и сечений), где ширина более 20 мм. Вторичная обработка выявлена на 151 изделии, что составляет 19 % от общего числа находок из кремня, за исключением чешуек и мелких осколков.

Преобладает светло-серый и серый кремнь, выделяются предметы из серо-желтого и розовато-красного кремня. Следует отметить, что из красного кремня изготовлены мелкий нуклеус в заключительной стадии расщепления, два небольших двулезвийных скребка, есть резец на углу сломанной заготовки и проксимальный сегмент пластины, а также обломки сколов. Все они изготовлены из одного куска кремня (Рис. 1: 1–5). Это так называемые связи по сырью. Аналогичным образом из одного темно-серого с белым куска сырья изготовлены три одинарных скребка на крупных пластинах и очень крупное комбинированное орудие: скребло-острие (Рис. 1: 6–9). Отмечено, что изделия, изготовленные из одного куска породы, располагались в обоих случаях на ограниченной площади. В регионе аналогичные «конкретные ситуации», то есть, связи по сырью, концентрация скребков, выявлены на вычегодских мезолитических стоянках Парч 1 и Парч 2 (Волокитин, 2006).

В коллекции стоянки все нуклеусы (8 экз.) мелкие и очень мелкие в заключительной стадии расщепления. Есть целая пластина с полностью отретушированным правым краем. Обломки очень крупных пластин, сечения таких же пластин имеют нерегулярную ретушь. Выделяются своими небольшими размерами два орудия с усеченными ретушью концами. Есть скребла, иногда в комбинации со скребками. Ретушных резцов три экземпляра. Резцов на углу сломанной заготовки шесть экземпляров. Есть нуклеусы-резцы (4 экз.). Помимо двух двойных скребков из красного кремня и трех скребков из темно-серого кремня есть скребок на отщепе, а также два скребка с дивергентными краями, обработанными дорсальной ретушью. Среди острий отмечены обломок и приостренная пластина. Два острия изготовлены из очень крупных пластин. На широких дистальных кон-

цах у одного из них – «скребковое лезвие», у другого – заполировка от интенсивной работы. Эти орудия имеют прямые аналогии в числе находок мезолитических слоев археологического памятника Вылыс Том 2 (Волокитин, Волокитина, 2022. С. 56. Рис. 2).

Следует отметить, что крупные пластины из коллекции стоянки Вылыс Том 3 имеют гладкие площадки. Такие площадки сохранились даже на двух описанных выше орудиях, условно названных остриями.

Наличие в коллекции стоянки Вылыс Том 3 шлифованного топорика, крупных острий, абразивов, осколков эпидозита, сходные показатели распределения пластин по ширине прямо указывают на его связь с мезолитическими горизонтами многослойного памятника Вылыс Том 2, расположенного в непосредственной близости. Существенно, что на стоянке Вылыс Том 3 процент предметов с вторичной обработкой высок, как и на памятнике Вылыс Том 2. Имеются основания предполагать, что стоянка Вылыс Том 3, а также исследованная в 2019 г. стоянка Очью катище (Волокитин, Волокитина, 2021) оставлены тем же населением, что и мезолитические горизонты памятника Вылыс Тома 2. Существовали они в период высокой водности, когда низкая пойма, где находилась стоянка Вылыс Том 2, затопливалась.

Также очевидно сходство перечисленных стоянок с индустриями более древних стоянок Парч 1 и Парч 2 на Вычегде (Волокитин, 2006). Оно проявляется в технике раскалывания, распределении пластин по ширине, преобладании коротких сечений пластин, а также наличии в составе орудийного набора скребел, обушковых форм, ретушных резцов, нуклеусов-резцов.

Работа выполнена в рамках плановой темы сектора культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока Института ЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН на 2022–2025 гг. «Особенности формирования населения севера Европейской части России в эпоху камня, раннего металла и средневековья по данным археологии» № ГР 121042600199–5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багин А.Л., Волокитин А.В., 2004. Разведочные работы на Ижме // Археологические открытия 2003 г. М.: Наука. С. 12–14.
- Волокитин А.В., 2005. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia. С. 198–205.
- Волокитин А.В., 2006. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 126 с.
- Волокитин А.В., Волокитина Н.А., 2021. Стоянка Очью катище на р. Ижма // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 4 (№ 50). С. 5–12.
- Волокитин А.В., Волокитина Н.А., 2022. Вылыс Том 2 – многослойный археологический памятник в долине р. Ижмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 42. С. 92–105.
- Волокитин А.В., Волокитина Н.А., 2022а. Мезолит Ижма-Томского геоархеологического микрорайона: Северное Приуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XX. Пермь: ПГГПУ. С. 49–57.

Истомина Т.В., Волокитин А.В., 1993. Материалы к археологической карте Ижемского района // Научные экспедиции и исследования Коми края: Тез. докл. V науч. краеведческой конф. Республики Коми. Сыктывкар. С. 50–54.

Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.: Наука. 128 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА СРЕДНЕЙ КАМЫ

© 2024 г. Д.А. Демаков (demakov-denis@mail.ru)

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Россия

Аннотация. В статье раскрывается ряд проблем, стоящих сейчас перед исследователями мезолита Средней Камы. В связи с возрождением интереса к мезолиту данной территории сделаны первые шаги по изучению уже известных мезолитических поселений, намечены перспективы для дальнейшей работы. Полученные результаты позволяют как реконструировать жизнь мезолитического населения, так и сравнить их с материалами мезолитических памятников Верхнекамья.

Ключевые слова: мезолит, Средняя Кама, археологический памятник, раскопки, перспективы.

PROBLEMS OF STUDYING THE MESOLITHIC OF THE MIDDLE KAMA

© 2024 D.A. Demakov (demakov-denis@mail.ru)

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. The article reveals a number of problems currently facing researchers of the Mesolithic of the Middle Kama. Due to the revival of interest in the Mesolithic of this territory, the first steps have been taken to study the already known Mesolithic settlements, and prospects for further work have been outlined. The results obtained will allow both reconstructing the life of the Mesolithic population and comparing them with the materials of the Mesolithic monuments of the Upper Kama region.

Keywords: Mesolithic, Middle Kama, archaeological site, excavations, prospects.

Средняя Кама в рамках нашего исследования представляет собой бассейны р. Камы, Яйвы, Чусовой, Сылвы и простирается от г. Усолье на севере (верхний бьеф Камского водохранилища) до устья р. Сивы. Руслу рек Среднего Прикамья были сильно изменены при строительстве Камского и Воткинского водохранилищ, что повлияло как на сохранность известных памятников археологии, так и на открытие новых (Демаков, 2024. С. 33–35).

На данный момент здесь известно 67 памятников как «чистых» (датирующихся только мезолитом – 14 объектов), так и многослойных (содержащих в себе слои, и артефакты мезолитического времени – 53 объекта).

Выделяются 3 основных этапа изучения мезолита Пермского Предуралья:

Первый этап – конец 1940-х – 1960-е гг.;

Второй этап – 1970-е – начало 2000-х гг.;

Третий этап – современные исследования (2010-е гг. – наши дни) (Лычагина, 2022. С. 33–35).

Если на первом и втором этапе открывались и изучались мезолитические памятники как на Средней, так и на Верхней Каме, то на современном этапе иссле-

дований сложилась ситуация, когда изучению подвергались в большинстве своем памятники только в бассейне Верхней Камы (Лычагина и др., 2023; Лычагина, 2019).

В настоящий момент интерес к мезолиту Средней Камы вновь возрождается. Однако существует ряд проблем, затрудняющих понимание облика мезолита изучаемой территории:

- 1) слабая изученность известных памятников;
- 2) малое количество «чистых» мезолитических комплексов;
- 3) недостаток археологических исследований на современном методическом уровне;
- 4) уничтожение части мезолитических памятников в ходе заполнения Камского и Воткинского водохранилищ;
- 5) отсутствие абсолютных датировок.

Поставленные проблемы требуют решения, и первые шаги в этом направлении уже сделаны.

В 2018 г. на поселении Огурдино I под руководством Е.Н. Митрошина изучен небольшой раскоп площадью 36 кв. м. Раскопки проводились на современном методическом уровне с просеиванием грунта и трехмерной фиксацией находок. На основании результатов работ 2018 г. памятник можно охарактеризовать, как долговременное или часто посещаемое место охотников эпохи мезолита. К сожалению, мезолитические памятники подобного типа в Прикамье практически не изучены. Коллекция 2018 г. выглядит более микролитичной по сравнению с материалами раскопок прошлых лет. Скорее всего, это связано с методикой раскопок. Применение просеивания грунта со всей площади раскопа позволило обнаружить большое количество микро- и мелких пластин (Митрошин, Лычагина, 2020. С. 61–62).

В 2023 г. на поселении Камо-Жулановка IV под руководством Д.А. Демакова изучен раскоп небольшой площади (24 кв. м). Работы проводились на современном методическом уровне с просеиванием отвалов и трехмерной фиксацией артефактов. Территория памятника разрушается от антропогенной деятельности (лесозаготовительные работы, отдых местных жителей) и воздействия Воткинского водохранилища.

Найденный в ходе раскопок каменный инвентарь, состоящий из 93 артефактов (из них 68 единиц в подъемном материале, обнаруженном на пляже Воткинского водохранилища), близок к материалам, полученным в ходе раскопок 1951 г. поселения Камо-Жулановка I, и подтверждает, что памятник относится к развитому этапу камской мезолитической культуры, предварительно датируется в пределах VII тыс. до н.э. Из берегового обнажения памятника были отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа (Демаков, 2023).

Приведенные примеры изучения мезолитических памятников, расположенных в бассейне Средней Камы, показывают перспективность изучения мезолита данной территории. В связи с этим в ближайшие годы требуется проведение как исследований уже известных археологических объектов мезолитического перио-

да, так и разведочных работ по поиску новых мезолитических стоянок и поселений.

Анализ расположения памятников мезолита бассейна Средней Камы с помощью пространственно-классификационной системы, разработанной Е.А. Зайцевой, показал, что берега р. Камы и рек первого порядка, как уже говорилось выше, сильно пострадали в ходе строительства Камского и Воткинского водохранилищ. Поиск новых мезолитических памятников здесь перспективен на правых берегах рек первого, второго и третьего порядков, в их нижнем и среднем течении. Объекты, возможно, занимают площадки террас высотой 9–18 м и располагаются в светлохвойных и смешанных лесах в подзолистых почвах (Демаков, 2023. С. 93).

Перспективными для археологических раскопок являются памятники с «чистыми» мезолитическими комплексами (стоянки Голый Мыс I и Усть-Половинная, поселение Камо-Жулановка IV) и многослойные поселения (Огурдино, Шумково, Абрамово, Нердва).

Перейдем к выводам. Наше исследование показывает, что хоть и существует большой спектр проблем в изучении мезолита Средней Камы, однако в последние годы интерес к нему возрождается, проведены первые археологические раскопки на современном методическом уровне. Археологические разведки и раскопки, отбор естественнонаучных проб, работа с уже полученными материалами позволят реконструировать хозяйственную деятельность, природное окружение мезолитического населения Средней Камы, на фоне которого происходила их жизнь. Итогом работ выступит сравнение полученных результатов с материалами, добытыми в ходе изучения мезолитических памятников Верхней Камы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демаков Д.А., 2023. Среда обитания и селитебные предпочтения населения Верхнего и Среднего Прикамья (мезолит-бронзовый век). Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. Барнаул. 399 с.
- Демаков Д.А., 2024. Отчет о раскопках поселения Камо-Жулановка IV в Осинском городском округе Пермского края в 2023 году // Архив МАЭ ПГГПУ.
- Лычагина Е.Л., 2019. Исследования мезолитической стоянки Чашкинское Озеро X в окрестностях г. Березники // Археологические открытия. 2017 год. С. 318–320.
- Лычагина Е.Л., 2022. Мезолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Пермь: ПГГПУ. С. 33–50.
- Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Батуева Н.С., Лантева Е.Г., 2023. Косинские мезолитические стоянки Верхнего Прикамья. Пермь: ПГГПУ. 161 с.
- Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., 2020. Мезолитический комплекс поселения Огурдино (по материалам раскопок 2018 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 17. С. 53–62.

**РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ – СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

© 2024 г. **Е.Н. Дубовцева** (ket1980@yandex.ru)

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Массив ^{14}C -дат памятников Западносибирской тайги увеличивается, но доверие к ним не возрастает. Для выявления надежных датировок проведен анализ данных по определенным критериям. Проанализировано 252 даты. В ходе исследования уточнены хронологические границы этапов неолита и энеолита, выявлены периоды, требующие дополнительного изучения источников и их датирования.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, неолит, Западная Сибирь.

**RADIOCARBON CHRONOLOGY OF NEOLITHIC MONUMENTS OF THE TAIGA ZONE
OF WESTERN SIBERIA: NEW DATA – OLD PROBLEMS**

© 2024 **E.N. Dubovtseva** (ket1980@yandex.ru)

Institute of History and Archaeology UB RAS, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The database of ^{14}C -dates of monuments of the West Siberian taiga is increasing. In order to identify reliable dates, the data were analyzed according to certain criteria. 252 dates were analyzed. In the course of the study the chronological boundaries of the Neolithic stages were clarified, the periods requiring additional study of the sources and their dating were revealed.

Keywords: radiocarbon dating, Neolithic, Western Siberia.

Первые радиоуглеродные датировки для неолитических памятников таежной зоны Западной Сибири были получены в 70-е гг. XX века, но лишь к началу XXI века накопленные данные позволили сделать первые обобщения. Анализ показал, что около 20 % имеющихся к тому времени радиоуглеродных дат не соответствуют датируемым памятникам, что связано в первую очередь с тафономической неопределенностью (Косинцев и др., 2004). В последующие годы количество неолитических дат постепенно увеличивалось, появились новые методы датирования, расширился спектр анализируемых материалов, постепенно в научный оборот начали вводиться калиброванные значения радиоуглеродных дат. Вопреки ожиданиям это не решило вопросы, связанные с определением хронологических позиций культурных образований, а в ряде случаев даже привело к обострению дискуссий. В качестве примера можно привести дискуссию о возрасте памятников Зауралья и Западной Сибири с плоскодонной посудой и правомерности включения в боборыкинскую культуру амнинского, сатыгинского типов, комплексов Приишимья и Барабы.

Несмотря на это радиоуглеродные даты играют заметную роль в разработке современных периодизаций (Дубовцева, Косинская, 2021; Клементьева, 2023). Однако острые вопросы остаются, они касаются хронологических рамок неолита, времени появления в тайге и протяженности существования отдельных культурных образований: еттовского, мулымьинского (сатыгинского), умытйинского, быстринского, барсовогорского типов, плоскодонной посуды с накольчатой орнаментацией («северного кошкино»). ^{14}C даты являются весомыми аргументами в этих дискуссиях, поэтому выявление надежных и ненадежных датировок является

ся актуальной задачей. Часто в оценке дат применяются эмоциональные и субъективные суждения, основным критерием является соответствие даты сопутствующему археологическому материалу и представлениям исследователя о времени существования исследуемого памятника.

Менее субъективный способ отбраковать те данные, которые явно вводят в заблуждение, заключается в оценке достоверности даты по определенным критериям (Seitsonen et al., 2012). Такие критерии позволяют определить вероятность связи датированного образца с археологическим объектом и деятельностью человека, соответствие даты археологическим находкам и стратиграфии, учитывают количество дат для объекта и их сопряженность, тафономическую определенность, материал образца и стандартное отклонение полученной даты.

В данной работе рассматривается серия из 252 дат, полученных для памятников неолита Сургутского и Нижнего Приобья, Кондинской низменности и прилегающих районов Зауралья, почти все они опубликованы (наиболее полная сводка представлена в: Академическая история Югры, 2024. С. 281–314). Принимая во внимание утверждение «врут не даты – врут образцы», предварительно была изучена история отбора образцов по опубликованным и архивным материалам. Даты получены в различных российских (советских) и зарубежных лабораториях жидкостно-сцинтилляционным (186 дат) и AMS-методом (66 дат). Большинство дат в выборке (80 %) получены по углю. Помимо угля, даты получены по кости животных (1 %) и человека (2 %), нагару на керамике (8 %), остаточной органике в керамике (8 %). Собственный возраст образца может быть искажающим фактором, так как благодаря немногочисленным датировкам современных рыб из водоемов таёжной зоны Западной Сибири установлено, что величина ошибки резервуара может варьироваться от 200 до 1000 лет (Дубовцева и др., 2023). Можно предположить, что даты по нагару, а также костям рыб и человека, подвержены пресноводному резервуарному эффекту и могут быть удревнены на эти значения. Эффект старого дерева также может исказить данные, но ошибка скорее всего не превышает 150–300 лет (срок жизни сосны и ели – основных строительных пород в тайге). Большее влияние на достоверность установленного возраста оказывает тафономическая неопределенность мелких частиц угля. Для большинства ранних дат (чтобы соответствовать требуемому объему) предоставлялись сборные образцы из слоя, что часто приводило к их загрязнению и искажению реального возраста объекта. Еще одной проблемой анализируемой выборки является преобладание одиночных дат и большой разброс значений для серий дат из одного объекта.

После изучения истории образцов была проведена процедура ранжирования. В соответствии с предложенной методикой по каждому критерию дата получала оценку от 0 до 4, затем баллы суммировались. В результате даты были разделены на три группы.

В группу надежных вошли 43 даты, которые набрали 20 и более баллов. Они послужили основанием для датировки отдельных культурных образований и рассматриваются как реперные точки на хронологической шкале.

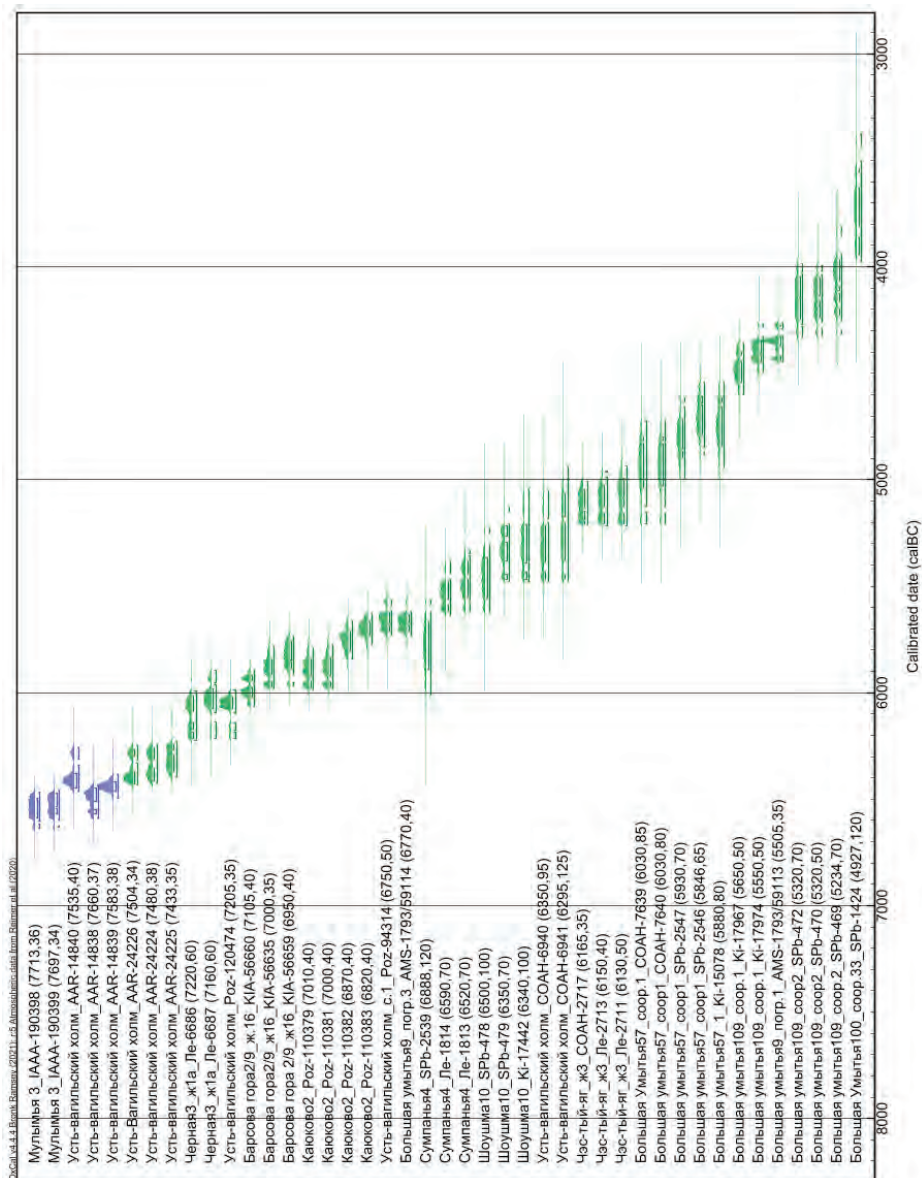

Рис. 1. Радиоуглеродные датировки неолита таёжной зоны Западной Сибири. Надёжные данные (калибровка всех дат произведена нами с помощью программы Oxcal v4.4.4. Bronk Ramsey (2021); r:5 Int Cal20 Atmospheric data Reimer et al. (2020)). Зеленая заливка – материал образца уголь, синяя – нагар на посуде.

В группу странных были объединены 195 дат с оценкой 11–19 баллов, те из них, которые совпадали на расстоянии 2σ с надежными датами, были включены в дальнейший анализ. Оценка сопряженных дат в большинстве случаев была от 17 до 19, от надежных они, как правило, отличаются большим доверительным интервалом и меньшим количеством совпадающих значений в серии. Судьбу тех дат, которые не сопряжены с надежными, возможно решить лишь при дальнейших исследованиях, возможно, при появлении новых данных их оценка изменится.

Группу ненадежных дат составили 14 образцов, набравших при суммарной оценке 0–10 баллов. Они были исключены из дальнейшего анализа, также были исключены 14 дат, выходящих за пределы исследуемых периодов. Невалидные даты составили 11 % от выборки.

Надежные и сопряженные с ними даты позволяют уточнить хронологию отдельных памятников и культурных образований, вместе с тем становятся очевидными пробелы в радиоуглеродном датировании отдельных районов или хронологических периодов. Так стало ясно, что для изучения культурно-исторических процессов позднего неолита и энеолита необходимы и исследования новых источников, и введение их в научный оборот, а также получение дополнительных дат.

Кратко приведем предварительные результаты анализа надежных дат (Рис. 1).

Начальный этап неолита в западносибирской тайге связан с мулымьинскими (сатыгинскими) и амнинскими древностями.

Даты мулымьинских (сатыгинских) комплексов указывают на появление керамики в таёжной зоне во второй половине VII тыс. до н.э. (6600–6000 кал. л. до н.э.), но большинство надежных дат получено по костям человека и нагару на керамике и возможно подвержены резервуарному эффекту, другая группа дат этого типа относится к интервалу 5800–5200 кал. л. до н.э. Даты по углю из очагов и деревянных конструкций, а также хвойному опадку на полу жилищ амнинского типа укладываются в интервал 6200–5700 кал. л. н. К раннему неолиту относятся и памятники каюковского типа, также входящие в круг раннеэнеолитической плоскодонной посуды, надежные даты этих поселений относятся к интервалу 6100–5650 кал. л. до н.э., сопряженные даты расширяют диапазон – 6200–5500 кал. л. до н.э. В этот интервал попадают и три даты с памятников шоушминского типа 5600–5200 кал. л. до н.э., схожих с каюковскими в орнаментации посуды. Таким образом, начало неолита в таёжной зоне относится к последней четверти VII тыс. до н.э. Надежные даты, демонстрирующие более глубокие значения, скорее всего, удревнены за счет пресноводного резервуарного эффекта. Расширение рамок западносибирского неолита до VIII тыс. до н.э. пока не выглядит убедительным.

Древности егтовского типа раннего неолита на сегодняшний день не обеспечены надежными датировками, пересекающиеся интервалы имеющихся дат 5700–5500 кал. л. до н.э.

Переход от раннего к среднему этапу неолита в бассейне Конды связан с памятниками сумпаньинского типа. Две из трех надежных дат поселения Сумпанья IV относятся к интервалу 5600–5300 кал. л. до н.э., с ними сопряжены 8 дат с других сумпаньинских памятников. Эти данные совпадают с датами поселений

Шоушма 10, Большая Умытъя 8 и 9. На двух последних памятниках сумпаньинская посуда встречается совместно с керамикой шоушминского и умытъянского типов и составляет с ними единый комплекс (Клементьева, 2023). Возможно, эти два памятника отражают процесс зарождения умытъянской традиции в бассейне р. Конды.

Средний этап неолита связан с древностями быстринской культуры, умытъянского, чэс-тый-ягского и чилимкинского типов, которые объединены в быстринско-умытъянский культурно-хронологический горизонт (Дубовцева, Клементьева, 2022). Границы этого горизонта дискуссионные из-за сильного разброса значений внутри серии, представленной 56 датами. Две из них на основе ранжирования признаны невалидными. Надежные даты связаны с умытъянскими памятниками бассейна р. Конды и поселением Чэс-Тый-Яг, где получены серии сопряженных дат. Надежные даты равномерно распределены на хронологической кривой от 5200 до 3900 кал. л. до н.э. 13 дат древнее указанного интервала, 6 из них получены по нагару на керамике, одна по остаточной органике в посуде и, вероятно, не отражают реальный возраст события. В Сургутском Приобье к среднему неолиту относятся памятники барсовогорского типа и памятники с плоскодонной посудой и разреженной накольчатой орнаментацией. К сожалению, они не имеют надежных дат и часто единичны. Разброс дат как внутри памятников, так и между ними может достигать более тысячи лет. Назрела необходимость пересмотра типологии керамики и хронологии барсовогорского типа, а также дополнительного датирования комплексов с плоскодонной накольчатой посудой и памятников с посудой, украшенной в гребенчатой манере, типа Барсова Гора I/8а.

Поздний неолит в бассейне р. Конды представлен памятниками ушьянского типа. Серия состоит из 9 дат. Единственная надежная дата с поселения Большая Умытъя 100 получена из сооружения 33 по общей органике в керамике. Она совпадает на расстоянии 2σ с 7 другими датами, так что серия достаточно однородна. Существование памятников ушьянского типа относится к интервалу 4300–3350 кал. л. до н.э. В Сургутском Приобье к этому периоду относятся три даты поселений Нёх-урий 3.1 и Барсова Гора IV/5 (жилище 10), они слишком малочисленны и не могут считаться надежными. Верхний рубеж эпохи неолита не слишком отчетлив. Наиболее ранние радиоуглеродные датировки для энеолитических памятников таёжной зоны относятся к середине-второй половине IV тыс. до н.э. (Храмцов и др., 2023).

В заключение следует отметить, что представленная работа является лишь одним из этапов анализа и интерпретации радиоуглеродных данных, целью которого является группировка, первичная критика и отсеивание ненадежных данных. На следующих этапах предстоит более глубокий критический анализ контекстов, искажающих факторов и проведение статистических процедур.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН, соглашение № 075-03-2024-620 от 18 января 2024 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическая история Югры: в 8 т. / Под общ. ред. Р.Г. Пихоя, 2024. Том 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н.э. Ханты-Мансийск: Изд. Дом «Новости Югры». С. 277–317.

Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю., 2022. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. № 2 (75). С. 139–148.

Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., 2021. Хронология и периодизация неолита таежной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Триада. С. 11–29.

Дубовцева Е.Н., Пиецонка Х., Шрайбер Т., 2023. Новые данные о хронологии укрепленных поселений охотников, рыболовов и собирателей таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. № 3 (80). С. 119–130.

Клементьева Т.Ю., 2023. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды. Дисс... канд. ист. наук. Том 2. Екатеринбург. С. 59–66.

Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М., 2004. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 18–32.

Храмцов М.В., Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н., Мызников С.А., 2023. Каменный инвентарь энеолитического поселения Толум-1 в бассейне р. Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (62). С. 14–25.

Seitsonen O., Nordqvist K., Gerasimov D.V., Lisitsyn S.N., 2012. «The good, the bad, the weird»: stone age and early metal period radiocarbon dates and chronology from the Karelian isthmus, north-west Russia // Geochronometria. 39 (2). P. 101–121.

**К ДИСКУССИИ О ЮЖНЫХ «СЛЕДАХ» В ПРОЦЕССЕ НЕОЛИТИЗАЦИИ
ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

© 2024 г. **Д.Н. Еньшин** (*Dimetrius666_72@mail.ru*)

Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Представлены материалы ранненеолитических комплексов Нижнего Приишмья (VII тыс. до н.э., Западная Сибирь) через призму вероятности участия южного компонента в неолитизации региона. Сделан вывод о недостаточности данных для ответа на этот вопрос и перспективности дальнейшего изучения технологии раннего гончарства, и механизмов его появления на исследуемой территории.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Зауралье, неолитизация, гончарные традиции, южный компонент

**ON THE DISCUSSION OF THE SOUTHERN «TRACES» IN THE PROCESS OF NEOLITHIZATION
OF THE FOREST-STEPPE ZONE OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA**

© 2024 **D.N. Yenshin** (*Dimetrius666_72@mail.ru*)

Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russia

Abstract. The materials of the Early Neolithic complexes of the Lower Ishim region (7th millennium BC, Western Siberia) are presented through the prism of the likelihood of the participation of the southern component in the Neolithization of the region. It is concluded that there is insufficient data to answer this question and the prospects for further study of the technology of early pottery and the mechanisms of its appearance in the study area.

Keywords: Western Siberia, Trans-Urals, neolithization, of pottery traditions, southern component

На сегодняшний день ранний неолит Зауралья и Западной Сибири представлен двумя крупными гончарными традициями. К первой относится традиция изготовления сосудов баночной и горшечной форм с плоскими доньшками и оригинальным орнаментом, включающим сложные геометрические фигуры и композиции, выполненные в прочерченной, накольчатой и отступающе-прочерченной техниках (*далее – традиция 1*). Вторая (*далее – традиция 2*) составлена круглодонными (реже остродонными) емкостями баночной формы, с наплывами на внутренней стороне под венчиком, линейно-волнистым орнаментом, выполненным преимущественно в отступающе-прочерченной (отступающей, отступающе-накольчатой) технике.

С традицией 1 соотносятся ранненеолитические комплексы Барабы (барабинская неолитическая культура, по В.И. Молодину), Нижнего Приишмья (комплексы Мергенского АМР, ранний этап боборыкинской культуры, по Д.Н. Еньшину), комплексы среднетаежной зоны бассейнов Оби и Иртыша, Северного Зауралья (амнинский тип, каюковская культура, мулымьинский культурный тип памятников, сатыгинский тип керамики, по Е.Н. Дубовцевой и Т.Ю. Клементьевой) (Молодин и др., 2020; Еньшин, Скочина, Илюшина, 2023; Дубовцева, 2021; Клементьева, 2023). Традиция 2 представлена кошkinsкой и козловской (кокшаровско-юринской) культурами Зауралья (Шорин, Шорина, 2020).

Вопросы генезиса этих традиций находятся в дискуссионном поле не один десяток лет, и ключевым моментом дискуссий является участие «южного компо-

нента». Формирование гончарства культур, составивших традицию 2, приходится на середину – вторую половину VII тыс. до н.э. и связывается с процессом культурной диффузии – передачей технологии по цепочкам экзогамных связей с южных территорий, в ходе которой она претерпела значительные изменения (Шорин, Шорина, 2020. С. 50; Мосин, 2020. С. 145). При этом прямых аналогий данной традиции на сопредельных южных территориях не зафиксировано.

Хронологическим приоритетом в традиции 1 обладают комплексы лесостепной зоны – Бараба (барабинская культура), Нижнее Приишимье (материалы мергенского АМР), которые появляются параллельно в первой половине VII тысячелетия до н.э. По мнению В.И. Молодина, барабинская культура является автохтонной, включая гончарную составляющую (Молодин и др., 2020). Иная ситуация складывается с ранненеолитическими поселениями Приишимья.

Нижнее Приишимье расположено на стыке ареалов распространения гончарных традиций 1 и 2 в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири. На северо-восточном побережье озера Мergenь сосредоточен ряд поселений, которые маркируют два культурно-хронологических среза в пределах VII тысячелетия до н.э. Первый (первая половина VII тыс. до н.э.) иллюстрирует начало заселения долины Ишима в неолите носителями традиции 1 (ранние комплексы пос. Мergenь 3, 7, 8). Второй (конец VII тыс. до н.э.) демонстрирует проникновение в Приишимье носителей традиции 2 из лесостепного Зауралья и их сосуществование с проживавшим здесь населением (носители традиции 1) в одних жилищах (пос. Мergenь 6).

На начальном этапе изучения неолитических комплексов оз. Мergenь В.А. Захом они были отнесены к раннему неолиту и включены в боборыкинскую культуру. Данное население, по мнению исследователя, появилось в долине Ишима в результате миграции из районов Приаралья и Прикаспия (Зах, 2009). Системные исследования прошедшего десятилетия позволили существенно расширить источниковую базу и скорректировать эти выводы.

Культурно-хронологический срез 1 демонстрирует следующие элементы «неолитического пакета». Жилищные котлованы округлой формы (площадью до 68 кв. м), углубленные до 1 м, с противлежащими нишами-выступами и канавами в полах. Преимущественно открытые толстостенные плоскодонные сосуды горшечной и баночной формы, с округлым срезом венчиков, орнаментом, выполненным в накольчатой или прочерченной технике, расположенным в верхней трети емкостей. Около трети изделий не орнаментированы. Основными элементами декорирования выступают прямая линия, разреженные ямочные вдавления, зигзаг. Около половины орнаментированных емкостей имеют композиции, усложненные геометрическими фигурами (треугольники, ромбы, параллелограммы), ромбической сеткой и т.д.; доминирующим сырьем в каменной индустрии выступает местный русловой кварцевый песчаник (45–80 %). Кроме него присутствуют породы, относящиеся к Южно-Уральской яшмовой провинции, Казахскому мелкосопочнику. Комплекс пластинчатый с преобладанием изделий шириной до 1 см (до 59 %), характеризуется сочетанием мезолитических и ранненеолитических

черт. Срез 2 демонстрирует смешение домостроительных традиций (переход на подквадратные формы котлованов с сохранением конструктивных особенностей, характерных для хроносреза 1 – противолежащие ниши, канавы в полах и др.), вариативность сооружений (по внутреннему устройству, размерам, назначению), признаки структурирования поселения (близкая к кругу планировка пос. Мергенъ 6), появление круглоплановых объектов, предположительно, ритуального значения (комплекс Мергенъ 5 состоит из сооружения, окруженного рвом, человеческих погребений, системы ям с останками животных и т.д.); Керамическая коллекция представлена 4 группами. Группа I соотнесена с комплексом предшествующего хроносреза, но уже обладающая ярко выраженными чертами боборыкинской культурной традиции. Группа II отнесена к кошкинской культуре Зауралья. В группу III выделены преимущественно плоскодонные сосуды горшечной, реже баночной формы, отличительными чертами которых являются декоративные валики на внешней поверхности, а также примесь дресвы в формовочных массах. IV группу представляют емкости, обладающие признаками смешения этих традиций. Каменный инвентарь по-прежнему носит выраженный пластинчатый характер, но баланс сырьевых приоритетов смещается – доля использования местных кварцевых песчаников снижается (32 %), а доля импорта возрастает (яшмы и яшмоиды около 50 %, кремни, серпентиниты и др. – 18 %) (Зах, Скочина, 2010). Сохраняются южно-уральские и казахстанские сырьевые связи. Доля микролитичности опускается до 40 %.

Технологический анализ сосудов обоих хронологических срезов и традиций показал, что они находились на достаточно высокой ступени развития (использование в качестве сырья илистых глин, составление формовочной массы по рецепту «шамот + органический раствор»; обжиг при температуре каления (не ниже 650 °C), и их можно отнести к культурно-исторической зоне гончарства, зарождение которого было основано на использовании илов в качестве сырья для производства посуды (Васильева, 2011), но не к начальному его этапу. Данный факт исключает возможность миграции носителей традиции 1 из районов Прикаспия, где на сегодняшний день выделен центр автохтонного возникновения гончарства в середине VII тыс. до н.э., базирующийся на использовании илов (материалы пос. Кугат IV, Каиршак III, Байбек) (Выборнов и др., 2020. С. 147). К югу (зона степей современного Северного Казахстана, Тургайская ложбина) не выявлено керамических комплексов VII тыс. до н.э. Самой ранней здесь является маханджарская традиция, но она появляется лишь с VI тыс. до н.э. и отличается в технологическом и морфологическом плане от плоскодонной посуды традиции 1 мергенского АМР (Шевнина, 2018). Вместе с тем, в материалах пос. Мергенъ 6 (хроносрез 2) у некоторых сосудов отмечены шейки, схожие по форме с типичными маханджарскими (реберчатые). Аналогии такой форме И.В. Шевнина прослеживает в материалах стоянок Среднеазиатского междуречья, прежде всего в оюклинской посуде (Шевнина, 2018. С. 70–71). В оюклинских комплексах встречаются и плоскодонные профилированные емкости с прочерченным и накольчатым орнаментом, и для них характерны котлованы жилищ округлых форм. Однако

даты с ранних памятников этой территории позднее чем западносибирские (Выборнов, Ставицкий, 2022. С. 86). Вызывает соблазн и поиск отдаленных южных корней для столь сложного ритуального комплекса, включающего появление отдельных сооружений на поселениях с выраженными маркерами ритуальных действий – человеческие погребения в полах, использование человеческих черепов, приклады различных орудий с использованием охры и белой глины, захоронения в полах жилищ и в отдельных ямах частей животных – голов, крупных частей ног и т.д., и наконец появление круглоплановых объектов/святилищ. В то же время не стоит исключать и стадиального характера такого рода проявлений мифоритуальных представлений древнего населения.

Таким образом, вопрос южных «следов» в процессе неолитизации лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири остается открытым. Констатация сформировавшегося облика технологии гончарства в обеих рассматриваемых ранне-неолитических традициях определяет перспективность дальнейшего поиска их истоков и механизмов появления на данной территории.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева И.Н., 2011. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 103–124.
- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г., Нестерова Л.А., 2020. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25. № 1. С. 141–151.
- Выборнов А.А., Ставицкий В.В., 2022. Проблемы изучения ранне-неолитических жилищ Нижнего и Среднего Поволжья // Поволжская археология. № 3(41). С. 83–94.
- Дубовцева Е.Н., 2021. Традиции керамического производства в неолите Севера Западной Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Илюшина В.В., 2023. Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тысячелетия до н.э. поселений Мергенского АМР (Нижнее Приишимье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (63). С. 5–17.
- Зах В.А., 2009. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука. 320 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н., 2010. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (13). С. 4–11.
- Клементьева Т.Ю., 2023. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн реки Конды. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., 2020. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 69–93.
- Мосин В.С., 2020. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Волги до Оби: хронологический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 139–149.
- Шевнина И.В., 2018. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Социально-гуманитарные науки». Т. 18. № 4. С. 63–74.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2020. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // *Stratum plus*. № 2. С. 31–56.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ В ГОРНОМ КРЫМУ

© 2024 г. М.Г. Жилин (mizhilin@yandex.ru)

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Одной из основных проблем при изучении каменного века Горного Крыма является незначительная изученность территории и малочисленность опорных памятников, кроме того исследователями не были разработаны критерии технико-морфологической характеристики каменной индустрии для выделения позднего мезолита и раннего неолита. Данные проблемы могут быть решены при применении комплексного мультидисциплинарного анализа новых материалов и музейных коллекций.

Ключевые слова: мезолит, неолит, Горный Крым.

SOME PROBLEMS OF THE TRANSITION FROM THE MESOLITHIC TO THE NEOLITHIC IN THE MOUNTAINOUS CRIMEA

© 2024 M.G. Zhilin (mizhilin@yandex.ru)

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

Abstract. One of the main problems in the study of the Stone Age of the Mountainous Crimea is the insignificant study of the territory and the small number of supporting monuments, in addition, researchers have not developed criteria for the technical and morphological characteristics of the stone industry to distinguish the Late Mesolithic and Early Neolithic. These problems can be solved by applying a comprehensive multidisciplinary analysis of new materials and museum collections.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Mountainous Crimea.

Большинство памятников позднего мезолита и раннего неолита Горного Крыма было открыто и исследовано до Великой Отечественной войны. Среди них лишь две пещерные стоянки – Таш-Аир 1 и Замиль-Коба 2 имеют надёжную стратиграфию, где слои раннего неолита отделяются от нижележащих мезолитических слоёв и перекрывающих слоёв позднего неолита. Первая монографически опубликована Д.А. Крайновым (Крайнов, 1960). Материалы второй до сих пор не опубликованы. Крайняя малочисленность опорных памятников является первой и основной проблемой, существенно затрудняющей изучение перехода от мезолита к неолиту в Горном Крыму.

Второй, не менее важной и сложной проблемой является неразработанность критериев, согласно которым разные исследователи относят одни и те же памятники и культурные слои многослойных стоянок к позднему мезолиту или раннему неолиту. Наиболее показателен в этом отношении верхний мезолитический слой стоянки Алимовский навес, который автор раскопок А.Д. Столяр без каких-либо сомнений относил к финалу мезолита (Столяр, 1961). Ю.Г. Колосов (1971) и некоторые другие археологи так же уверенно относят его к первому этапу неолита Горного Крыма (Яневич, 2004).

Неразработанность технико-морфологической характеристики каменной индустрии позднего мезолита и раннего неолита Горного Крыма не даёт возможности провести их четкое сопоставление.

Периодизация памятников Крыма от позднего мезолита до энеолита была намечена ещё А.А. Формозовым (1962). В целом она верна до сих пор. Сложнее обстоит дело с их хронологией. Надёжные радиоуглеродные даты для позднего мезолита – раннего неолита Крыма пока ещё единичны. Без этого говорить о времени и протяжённости перехода от мезолита к неолиту в Крыму можно лишь в общем виде на уровне прошлого века.

Совершенно не ясны вопросы развития хозяйства на переходе от мезолита к неолиту в Горном Крыму. Прежний тезис о значительной роли производящего хозяйства в форме развитого свиноводства на уровне современных знаний не выдерживает критики. Достоверных свидетельств о производящем хозяйстве в раннем неолите Крыма пока не известно.

Таковы только основные проблемы изучения перехода от мезолита к неолиту в Горном Крыму. Для их решения необходимы, прежде всего, новые раскопки имеющихся опорных памятников на современном уровне и поиск новых стратифицированных стоянок, а также комплексный мультидисциплинарный анализ как новых материалов, так и музейных коллекций из старых раскопок. А это требует больших затрат времени и материальных ресурсов...

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00236 «Стоянки финального палеолита и мезолита балки Замиль в Крыму».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колосов Ю.Г., 1971. Неоліт Криму // Археологія Української РСР. Т. 1. Київ: Наукова думка. С. 129–137.
- Крайнов Д.А., 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. № 91. М.: Наука. 188 с.
- Столяр А.Д., 1961. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА. Вып. 84. С. 33–44.
- Формозов А.А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. М. № 102. С. 89–123.
- Яневич О.О., 2004. Таш-Аірська неолітична культура Гірського Криму (сучасний стан дослідження) // Кам'яна доба України: Збірка наукових статей. Вип. 5. Київ: Шлях. С. 169–190.

Клады каменного века на территории Карелии© 2024 г. **А.М. Жульников** (rockart@yandex.ru)*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения данных о составе кладов каменных изделий и об особенностях их обнаружения на территории Карелии, что позволило выполнить первичную классификацию и установить хронологию этого важного вида археологических источников. В качестве кладов ценных вещей, не представленных в составе погребального и поселенческого инвентаря древних охотников и рыболовов Фенноскандии, автором рассматриваются скульптурные каменные навершия-скипетры, являющиеся на территории региона исключительно случайными находками.

Ключевые слова: клад каменных изделий, навершия-скипетры, мезолит, неолит, энеолит.

STONE AGE TREASURES ON THE TERRITORY OF KARELIA© 2024 **A.M. Zhulnikov** (rockart@yandex.ru)*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*

Abstract. The article presents the results of the study on compositions of caches of lithic artefacts, and on peculiarities of their localization in Karelia. The investigation allowed to perform a primary classification and establish the chronology of this important category of archaeological sources. Sculptural stone finials-scepters are considered by the author as caches of valuable items. Such artefacts are not presented between funerary and settlement inventory of ancient hunters and fishermen of Fennoscandia and represented in the region exclusively as accidental finds.

Keywords: cash of lithic artefacts, finial-scepter, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic.

На данный момент в археологической литературе для периода каменного века не существует устоявшегося определения клада (Сериков, 2018. С. 531). Исследователи подчеркивают важность изучения этого источника, отмечая, что термин «клад» для первобытности является условным. Так, по мнению А.В. Колесника, специфика этого типа археологического памятника обусловлена преднамеренным отбором и депонированием в древности определенных предметов. Тем не менее, кладами не могут считаться вещи, использованные в качестве погребального инвентаря (Колесник, 2012. С. 29). Замечу, что и скопления отходов производства каменных орудий вряд ли стоит рассматривать в качестве кладов. Таким образом, в состав целенаправленно отобранных и определенным образом сокрытых (не в захоронениях) в древности предметов, интерпретируемых в настоящее время как клады, входят в первую очередь ценные для первобытного человека вещи. В современных исследованиях причины сокрытия и функция кладов во многом познаются путем изучения их состава и контекста обнаружения (Колесник, 2012; Сериков, 2018).

В настоящее время на территории Карелии зафиксировано 15 кладов каменных изделий, происходящих с 10 археологических памятников (Рис. 1):

1. Больничный I. На территории раннеэнеолитического поселения А.М. Жульниковым выявлено три клада. Первый клад найден в ямке, заполненной охрой: заготовка топора без шлифовки, заготовка тесла с двумя зашлифованными гранями, два зашлифованных тесла, одно из которых со следами использования.

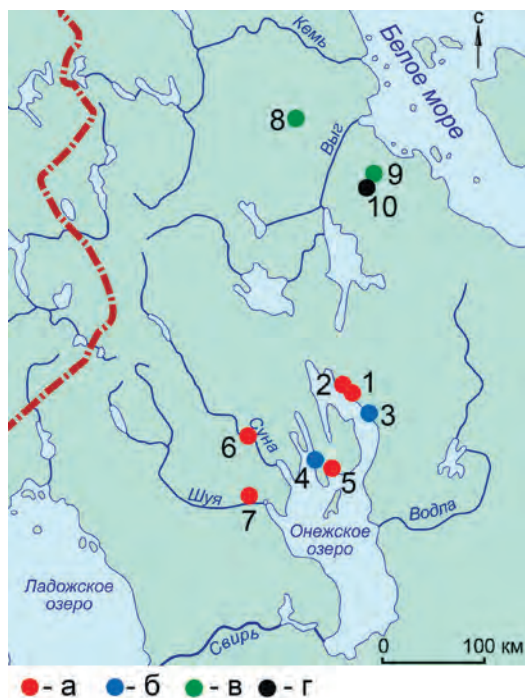

Рис. 1. Клады каменных изделий на территории Карелии: а – мезолитические – раннеэнеолитические клады; б – финальноэнеолитические – раннеэнеолитические клады; в – энеолитические клады; г – клады эпохи бронзы. 1, 2 – Оровнаволок XIV, XV; 3 – Челмужская Коса XII; 4 – Пегрема I; 5 – Больничный I; 6 – Тухталампи I; 7 – Чална XII; 8 – Тунгуда XV; 9 – Видостров IV; 10 – Сумозеро XV.

в яме от несущего столба в юго-западном углу находился сланцевый топор, а в аналогичной по предназначению яме в северо-западном углу – обломок мотыги или пешни для льда (Филатова, 2015. С. 55).

4. Оровнаволок XV. На мезолитическом поселении в юго-восточных углах трех каркасных жилищ, в заполненных охристым слоем ямах для угловых столбов, В.Ф. Филатовой обнаружены сланцевые орудия: в жилище 1 – топор и тесло, в жилище 2 – мотыга и тесло, в жилище 3 – обломок тесла или топора (Филатова, 2015. С. 54).

5. Чална XII. В культурном слое позднеэнеолитической стоянки, датированной радиоуглеродным методом 6376–6067 calBC (SPb-3603), А.М. Жульниковым зафиксировано скопление из трех заготовок сланцевых рубящих орудий (тесел?) без следов шлифовки, изготовленных из одного массива камня (судя по характерным внешним признакам).

Два зашлифованных топора и заготовка орудия из сланца (без следов шлифовки), составляющие второй клад, располагались в культурном слое длинными сторонами параллельно друг другу. Третий клад состоял из уложенных в яму (без охристого заполнения) двух заготовок крупных сланцевых кирок.

2. Тухталампи I. В шурфе, заложенном А.М. Жульниковым на берегу озера Тухталампи, найдено пять сланцевых артефактов, расположенных друг над другом. Верхний уровень образовывали тесло и топор, уложенные вплотную параллельно друг другу. Ниже них находилось три заготовки, видимо, рубящих орудий. Иные находки на этом участке берега озера, несмотря на тщательную шурфовку, не обнаружены. Характер заготовок и частично выполненная шлифовка рубящих орудий позволяют предполагать мезолитический возраст клада.

3. Оровнаволок XIV. По данным В.Ф. Филатовой, в жилище на мезолитическом поселении

6. Пегрема I. На этом поселении А.П. Журавлевым (впервые в Карелии) был обнаружен клад сланцевых изделий, находившихся в яме (у обрыва берега) на поселении с раннеэнеолитической ромбоямочной керамикой. Он состоит из шести заготовок кирок, четырех заготовок топоров, двух заготовок тесел, шести заготовок неопределенных рубящих орудий. Заготовки в яме были плотно прижаты друг к другу. Изделия подвергнуты грубой обивке, следы шлифовки отсутствуют (Журавлев, 1973).

7. Челмужская Коса XII. Клад выявлен А.М. Жульниковым в культурном слое нео-энеолитической стоянки в виде компактного скопления кремневых предметов. По условиям залегания он связан с комплексом ромбоямочной керамики финала неолита – начала энеолита. Состоит из 36 изделий: 29 преформ, изготовленных бифасиальной техникой, и семь крупных отщепов. Со всех изделий удалена известковая корка, они имеют сходные размеры.

8. Тунгуда XV. Клад обнаружен А.М. Жульниковым в яме, заполненной охристым песком, под стенкой полуземляночного жилища. Клад включает следующие изделия: тесло и стамеску из сланца; кварцитовую шлифовальную плитку; кремневые нож, скребок, скобель, наконечник стрелы (заготовка?), проколка; пять крупных кремневых отщепов (Жульников, 2005. С. 74).

9. Видостров IV. Скопление находок обнаружено А.М. Жульниковым на завалуненном участке берега оз. Сумозеро: сверленная кварцитовая кирка, сланцевое тесло русско-карельского типа, кремневый кинжал, напоминающий по форме бронзовые ножи сейминского типа, три крупных кремневых отщепа (Жульников, 2005. С. 84–85).

10. Сумозеро XV. В наземном жилище с сетчатой керамикой эпохи бронзы, исследованном А.М. Жульниковым, рядом с кострищем зафиксировано два клада. Первый клад состоял из восьми кремневых наконечников стрел, ориентированных остриями в одном направлении, уложенных вплотную друг к другу. Второй клад включает бронзовый нож и 11 кремневых изделий: пять наконечников стрел, одна подвеска из наконечника стрелы, три скребка, нож, проколка (Жульников, 2005. С. 94).

Вышеперечисленные клады каменных изделий, найденные на территории региона, относятся к разным периодам каменного века, встречаются они и на поселениях эпохи бронзы. По контексту обнаружения и составу кладов они могут быть разделены на три группы: первая состоит из готовых орудий (сочетание разных по функции изделий или отдельные предметы), оставленных в определенных частях жилищ (в углах, под стеной, у кострища); вторая группа представляет собой запасы полуфабрикатов из сланца или кремня, спрятанные в ямах на территории поселений; третья группа включает преднамеренно депонированные древними людьми как на поселениях, так иногда и за их пределами готовые сланцевые рубящие орудия, сочетающиеся с их заготовками.

Среди иных ценных вещей, явно преднамеренно укрытых древними людьми за пределами поселений, следует отметить найденные на территории Фенноскандии и ряда иных регионов каменные скульптурные намершия (все они – случай-

ные находки!), представляющие собой топоры, клевцы или кирки, украшенные изображениями в виде головы медведя, лося и т. д. В отличие от костяных или роговых лосиноголовых жезлов, часто встречающихся в захоронениях или в культурном слое поселений на территории Северной Европы, каменные скульптурные наконечники в погребальном инвентаре не представлены. На территории Карелии, в основном у западного побережья Онежского озера, найдено 15 каменных скульптурных наконечников. Такого типа изделия, имеющие вид парадного оружия, видимо, являлись знаками военной власти – своего рода церемониальными скипетрами. Наличие в обществах охотников и рыболовов установленной по этнографическим источникам системы выборности военных предводителей, видимо, объясняет тот факт, почему каменные скульптурные наконечники не обнаружены в могильниках, исследованных на территории Фенноскандии. Среди военных ритуалов современных жителей Севера Евразии и Северной Америки, в контексте определения функции наконечников-скипетров, интерес представляет символическое заключение мира путём погребения или повреждения оружия. Выражение «закопать топор войны» как символический способ заключения мира у североамериканских индейцев широко вошло в современный язык. Не исключено, что некоторые каменные наконечники-скипетры Северной Европы, в древности намеренно прятались или закапывались именно во время ритуала, символизирующего прекращение вооруженных столкновений (Жульников, 2012. С. 72).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жульников А.М., 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, КГКМ. 305 с.
- Жульников А.М., 2012. К вопросу о хронологии и функции скульптурных наконечников из камня // История и археология Русского Севера. Вологда: Древности Севера. С. 69–72.
- Журавлев А.П., 1973. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // СА. № 1. С. 247–249.
- Колесник А.В., 2012. Портативные кремневые «клады-приношения» каменного века и энеолита. Аспект Юго-Восточной Украины // Донецкий археологический сборник. Выпуск 16. Донецк: Издательство Донецкого университета. С. 29–46.
- Серигов Ю.Б., 2018. Клады каменных изделий на территории Урала (вопросы классификации, хронологии и семантики) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 531–551.
- Филатова В.Ф., 2015. Некоторые предположения о социальном устройстве и верованиях в обществе эпохи мезолита в бассейне Онежского озера // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН. С. 52–64.

**ВАЖНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НОВОКАМЕННОГО ВЕКА
В БАСЕЙНЕ КОНДЫ**

© 2024 г. **Т.Ю. Клементьева** (*KlementjevaT@yandex.ru*), **А.А. Погодин**

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург, Россия*

Аннотация. В докладе подведены итоги изучения неолита р. Конды: обозначена хронология эпохи в рамках последней трети VII – середины IV тыс. до н.э. и охарактеризованы периоды развития культуры неолитического населения. Перспективным направлением исследования остается установление механизмов неолитизации и культурной динамики.

Ключевые слова: неолитизация, Западная Сибирь, керамика, периодизация

**IMPORTANT RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING THE NEOLITHIC
IN THE KONDA BASIN**

© 2024 **T.Yu. Klement'eva** (*KlementjevaT@yandex.ru*), **A.A. Pogodin**

*Institute of History and Archaeology UB RAS, Ekaterinburg, Russia
SAC «AV COM – Nasledie» Ltd., Ekaterinburg, Russia*

Abstract. The report summarizes the results of the study of the Neolithic of the Konda river: the chronology of the epoch within the last third of the VII – middle of the IV millennium BC is indicated and the periods of cultural development of the Neolithic population are characterized. A promising area of research remains the establishment of mechanisms of neolithization and cultural dynamics.

Keywords: neolithization, Western Siberia, ceramics, periodization.

За последнее десятилетие мультидисциплинарными исследованиями в бассейне р. Конды прослежено развитие культуры таежного населения в интервале с рубежа мезолит–неолит от последней трети VII тыс. до н.э. до перехода к эпохе раннего металла в конце IV тыс. до н.э. Актуальная периодизация разработана на материалах более 300 памятников; раскопки 22 из них дали стратифицированные комплексы с котлованами жилищ, наземных построек, ям могильников и одиночных захоронений, и значительную серию ¹⁴C-дат. Расширение хронологии за рамки изучаемой эпохи важно для сравнения категорий неолитической культуры с комплексами мезолита и раннего металла. Такой подход позволил установить качественные изменения в культуре таежных охотников и рыболовов, определить начало и окончание эпохи неолита. По трансформации традиций производства керамики, являвшихся приоритетными, каменных орудий и домостроения предложено выделение трех периодов неолита: раннего, среднего и позднего. Комплексы со сходным типом посуды объединены в культурные типы памятников (*далее – КТП*): мулымьинский, умытйинский, шоушминский, сумпаньинский, ушьинский (Клементьева, 2024).

В VIII–VII тыс. до н.э. стоянки и поселения мезолита расположены по всему бассейну р. Конды. Контакты групп охотников и рыболовов с едиными условиями ведения хозяйства, проживавших в значительно удаленных местах, отразились в близости их материальной культуры. Увеличение числа поселений в конце мезолита связано с естественным приростом населения.

Начало неолита маркируется распространением керамики в последней трети VII тыс. до н.э. Ранний период эпохи представлен мулымьинским КТП. Гончарная технология появляется уже в «готовом» виде. Древнейшая посуда – это плоскодонные горшки и банки с накольчатым и прочерченным орнаментом, с валиками и налепами. Используются местные запесоченные, ожелезненные, реже илистые глины с добавлением некалиброванного шамота и органического раствора. Создание сосудов выполнялось на плоскости лоскутным налепом, известна лепка с применением формы-емкости. Индустрия камня раннего неолита сохраняет мезолитические черты. Вместе с тем, появляются и новые виды изделий: крупные пластины с краевым ретушированием, ретушированные наконечники стрел с черешком, а также шлифованные тесла с огранкой взамен мезолитических тесел с желобками или «ушками» (Погодин, 1994). С появлением гончарного производства система хозяйства таежных сообществ не изменилась. Охота и рыболовство оставались основой жизнедеятельности на протяжении всего неолита. Домашним животным являлась собака. Население раннего неолита проживало в наземных постройках и в полуземлянках из одного или двух котлованов, соединенных переходом. Опоры перекрытия ставились по углам и вдоль стен, по центру находились очаги, а под полом, вблизи стен, хозяйственные ямы. Выход из жилищ обустроивался в виде коридоровидного тамбура. Погребальные памятники раннего неолита на р. Конде не идентифицированы. Отдельные погребения VII тыс. до н.э., например, захоронение черепа на поселении Леуши IX, изучены в контексте мезолита (Клементьева, Погодин, 2020).

Средний период неолита от начала VI тыс. до н.э. до второй половины V тыс. до н.э. представлен умытыньским КТП с округлодонной тонкостенной посудой с волнисто-прочерченным и шагающе-гребенчатым орнаментом, и шоушминским КТП с толстостенными сосудами с плотным отступающе-накольчатым декором. Традиции отбора исходного пластичного сырья для формовочных масс остаются прежними, основной примесью также является шамот. В VI тыс. до н.э. численность населения в таежной зоне увеличивается, а количество поселений возрастает. Стабильность в хозяйстве приводит к совершенствованию домостроения, гончарства и обработки камня. Многообразие типов керамики в VI тыс. до н.э. обусловлено внутренними и внешними факторами. Плоскодонная посуда немнёлского типа представляется продолжением местных ранненеолитических традиций гончарства, а округлодонная умытыньская – результатом их эпохальной трансформации. Kontakтами с зауральским населением объясняется появление на р. Конде памятников шоушминского типа. Взаимодействие групп с умытыньскими и шоушминскими гончарными традициями дало синкретичные комплексы сумпаньинского типа. В ряде жилищ VI тыс. до н.э. комплекс включал посуду умытыньского и шоушминского типов и/или сумпаньинского, шоушминского и немнёлского типов. В V тыс. до н.э. комплексы жилищ уже однородны и содержат только посуду умытыньского типа.

В VI тыс. до н.э. наряду с двухкамерными полуземлянками строят и большие по площади однокамерные землянки с коридоровидным выходом, с углу-

бленным центром и «уступами-плечиками» вдоль стен. Кровля построек опиралась на столбы вдоль стен и по центру, песчаные стены укреплялись. Очаги в жилищах сооружались по центру или у стен рядом с нишами. Стало традицией обильное посыпание жилого пространства охрой. На памятниках умытгинского типа начала VI тыс. до н.э. – конца V тыс. до н.э. изучены укрепленные жилища, хозяйственные площадки за изгородью и комплекс по обжигу посуды. Поселки включали одно, два и более сооружений. Памятники с округлодонной, тонкостенной посудой, украшенной по краю пояском ямок / отверстий, по тулову – горизонтальными узорами из прочерченных волнистых линий и шагающе-гребенчатых оттисков, известны в бассейнах рек Северной Сосьвы и Конды, в Сургутском Приобье, исследуются в контексте быстринско-умытгинского культурно-хронологического горизонта (далее – КХГ) (Дубовцева, Клементьева, 2022). Индустрия камня среднего периода определяется как кварцево-сланцевая. В VI–V тыс. до н.э. отмечен расцвет абразивной обработки. Триада из шлифованных иволистных наконечников стрел, ножей с треугольным клинком и тесел трапецевидной формы – яркий маркер быстринско-умытгинского КХГ. Генезис триады отражает оптимальную адаптацию к сырьевой базе региона уже с раннего неолита (Дубовцева и др., 2019).

Погребальный обряд биритуальный – ингумация или кремация останков на стороне с их помещением в грунтовые могилы. Захоронения совершались на поселениях или крупных могильниках с рядной организацией. Тела, вероятно, пеленались, укладывались в могилы в позе вытянуто на спине, головой преимущественно на СЗ. Охрой засыпалось все тело умершего, более интенсивно – голова. Ассортимент вещей невелик: каменные тесла, стамеска, наконечник стрелы, скребки, сколы и отщепы, украшения из смолы, изделия из человеческого черепа, керамика шоушминского типа. Посуда намеренно ломалась, некоторые орудия подновлялись перед помещением в могилу.

Поздний период неолита, длившийся до середины IV тыс. до н.э., представлен ушынским КТП, генетически связанным с умытгинским КТП. В последней трети V тыс. до н.э. при сохранении базовых традиций производства посуды, камнеобработки, домостроения и погребального обряда происходит смена орнаментального стиля. Вместе с печатно-гребенчатой техникой орнаментации появляются новые типы украшений и орудий: каплевидные подвески из кости и камня, наконечники кельтеминарского типа, гребенчатые штампы из камня и керамики. Новации позднего неолита не связаны с массовым притоком населения из южных регионов. Их логично рассматривать как явление, эпохальное для таежной зоны севера Западной Сибири и Зауралья, лесостепной зоны Тюменского Притоболья.

Выводы о непрерывности поступательного развития культуры кондинского населения от позднего мезолита до эпохи раннего металла базируются на преемственности в развитии материальной культуры и консервативности погребального обряда. Одной из концептуальных проблем изучения неолита бассейна р. Конды является определение критериев эпохи, т.н. «неолитического пакета». Единственный универсальный признак начала эпохи в таежной зоне – это керамика, другие

маркеры вариативны для каждого региона. Так, шлифованные орудия, тесла и ножи в раннем неолите тайги Западной Сибири не являются новацией, а отражают лишь один из этапов развития абразивной обработки камня, существовавшей с мезолита и достигшей расцвета в среднем периоде неолита. Как инновации, определяющие специфику неолитизации региона, рассматриваются укрепленные поселения с круговой планировкой и культовые холмы (Чаиркина, Пиецонка, 2021). Но география этих типов памятников различна – первые известны на правобережье Оби, вторые – в Зауралье и бассейне р. Конды. «Неолитический пакет» мулымьинского КТП отличается от комплексов «плоскодонного неолита» Западной Сибири наличием черешковых наконечников стрел на пластинах. Полагаем, что на современном этапе исследования единственным общим признаком является плоскодонная керамика. Выделение «пакета» признаков проблематично из-за малочисленности и оригинальности памятников раннего неолита.

Дискуссионными остаются и механизмы неолитизации. Распространение в VII тыс. до н.э. комплексов с плоскодонной посудой в лесостепной и таежной зонах Западной Сибири понимается как явление общеисторического и стадияльного характера (Молодин и др., 2020). Согласно другой точки зрения, инновации, определившие начало неолита, появились в таежной зоне Западной Сибири в результате миграций, связанных с климатическими изменениями – глобальным похолоданием 8200 лет назад (Чаиркина, Пиецонка, 2021). Весомых аргументов, подтверждающих гипотезу о появлении керамики в среднетаежной зоне Западной Сибири в результате миграций из ближайших центров древнейшего гончарства, расположенных в Средней Азии (Сверчков, 2021), Среднем Прииртышье (Молодин и др., 2020) и Северном Прикаспии (Васильева, Выборнов, 2016), пока нет. Полагаем, что общность таких эпохальных явлений, как распространение гончарства в конце VII тыс. до н.э. и смена орнаментального стиля со второй половины V тыс. до н.э., может быть объяснена в парадигме «археологической непрерывности», поддерживаемой А.А. Выборновым и его коллегами (Андреев, Выборнов, 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев К.М., Выборнов А.А., 2017. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3 (20). С. 91–100.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. № 3 (17). С. 104–123.
- Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю., 2022. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. № 2 (75). С. 139–148.
- Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Пиецонка Х., 2019. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки ранненеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. Т. 8. № 2 (27). С. 149–159.
- Клементьева Т.Ю., 2024. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 26 с.
- Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., 2020. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. Т. 9. № 1 (30). С. 131–141.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., 2020. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 69–93.

Погодин А.А., 1994. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. 22–25 марта 1994. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 173–176.

Сверчков Л.М., 2021. Возвращение к вопросу о роли кельтеминарской культуры в истории Евразии эпохи неолита – ранней бронзы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 3. № 3. С. 133–165.

Чаиркина Н.М., Пиецонка Х., 2021. Экологический фон инноваций раннего неолита Севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. № 3 (72). С. 6–14.

**БЕЛОГОРСКИЙ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЙ КОМПЛЕКС КАМЕННОГО ВЕКА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДОНБАССЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)**

© 2024 г. **А.В. Колесник** (akolesnik2007@mail.ru), **С.М. Дегерменджи,**
Н.В. Манько

*Донецкий государственный университет, Донецк
Донецкий республиканский краеведческий музей, Донецк*

Аннотация. В данной работе авторами представлена предварительная информация касательно Белогорского кремнеобрабатывающего комплекса – крупного скопления мастерских в Северо-Западном Донбассе, датирующихся, преимущественно, мезо-неолитическим временем и относящихся к памятникам «стояночного» типа. Приводится общая характеристика памятника, а также история его изучения.

Ключевые слова: Донбасс, мезолит, неолит, кремнеобрабатывающий комплекс.

**BELOGORSKY FLINT-PROCESSING COMPLEX OF STONE AGE
IN THE NORTH-WESTERN DONBASS (PRELIMINARY INFORMATION)**

© 2024 **A.V. Kolesnik** (akolesnik2007@mail.ru), **S.M. Degermendzhi,**
N.V. Manko

*Donetsk State University, Donetsk
Donetsk Republic Museum of Local History, Donetsk*

Abstract. In this article the authors present preliminary information about the Belogorsky flint-processing complex – a large cluster of flint-workshops in the North-Western Donbass, dating mainly from the Mesolithic-Neolithic period and belonging to the sites of the «parking» type. The general characteristic of the site, as well as the history of its study are given.

Keywords: Donbass, Mesolithic, Neolithic, flint-processing complex.

В неолитическую эпоху в пределах Донбасса и его мелового обрамления складывается один из крупнейших в Европе центров по добыче и переработке кремневого сырья. Каркас этих центров в Восточной Европе составляют крупные скопления древних производственных памятников в Западной Белоруссии, в Волго-Окском междуречье и в пределах Большого Донбасса. Донецкий центр отчетливо структурирован, он состоит из основного ядра памятников в Северо-Западном Донбассе и ряда изолированных центров второго порядка по периферии в пределах полосы обнажений пород верхнемелового генезиса (Колесник, 2017). В пределах Северо-Западного Донбасса выделяются отдельные комплексы, возник-

шие в районах месторождений качественного кремня. Как минимум выделяются Краснянский (Колесник и др., 2023), Белогорский и Краматорский горно-кремнеобрабатывающие комплексы, а также комплекс в балке Редкодуб. Формирование этих комплексов началось в эпоху палеолита и завершилось в неолите-энеолите, в пределах полной «исторической карьеры» кремня.

Предпосылкой формирования горных и кремнеобрабатывающих комплексов в Северо-Западном Донбассе послужили геологические источники кремня в поверхностном залегании, локализованные в виде групп локальных месторождений на берегах рек и балок в пределах Бахмутско-Торецкой котловины. Производственное значение имел кремень из отложений Широковской свиты (K2šr), включая неразрывную толщу сливающихся между собой литологически идентичных и визуально неразличимых отложений туронского (K2t – до $93,6 \pm 0,8$ млн лет) и коньякского (K2k – до $89,3 \pm 1$ млн лет) ярусов верхнего мела в коренном или пеоотложенном состоянии.

Кремень из туронских отложений представляет собой стекловидную, хорошо перекристаллизованную кварцево-опаловую массу серого, тёмно-серого (до чёрного) цвета, полупрозрачную в тонком слое с небольшим количеством органических включений, выгодно отличающуюся относительно хорошим качеством, позволяющим получать правильные сколы при небольшом числе отходов в контексте различных технологий каменного века. Коньякский кремень также отличается хорошо перекристаллизованной пластичной массой, имеющей интенсивную буровато-коричневую окраску с относительно посредственными пластическими свойствами.

Скопления кременобрабатывающих мастерских у с. Красное и Клещеевка Артёмовского муниципального округа (Колесник и др., 2023), с одной стороны, и в бассейне р. Наумихи, с другой, относятся к дистанцированным обнажениям, принадлежащим различным крыльям юго-восточной оконечности Краматорско-Часовярской синклинали и выполненным кремнесодержащими турино-коньякскими отложениями верхнего мела. Скопление многочисленных кременобрабатывающих мастерских каменного века в верховьях долины р. Наумихи (правобережного притока р. Казенный Торец) локализуется между с. Белая Гора и с. Первое Мая (Озеряновка) Константиновского муниципального округа ДНР. Впервые обратила внимание на данные мастерские преподаватель Донецкого государственного университета Д.С. Цвейбель в середине 1960-х гг. Полное обследование этого района было осуществлено А.В. Колесником и В.В. Мартыновым в 1987 г. Было установлено простираание памятников каменного века полосой протяженностью около 6 км. Наивысшая их концентрация у северо-восточной части с. Белая Гора составляет ядро Белогорского кремнеобрабатывающего комплекса (Рис. 1). Памятники древней кремнеобработки концентрируются вокруг высокого мелового скального обнажения без видимых следов древних горных работ. Высота этого обнажения до 15 м. Скала разрабатывалась в Новейшее время для добычи мелового сырья, напротив скалы в 300 м к востоку от водокачки сохранился фундамент небольшого производства по получению извести. Кремень на гравитационной осыпи на

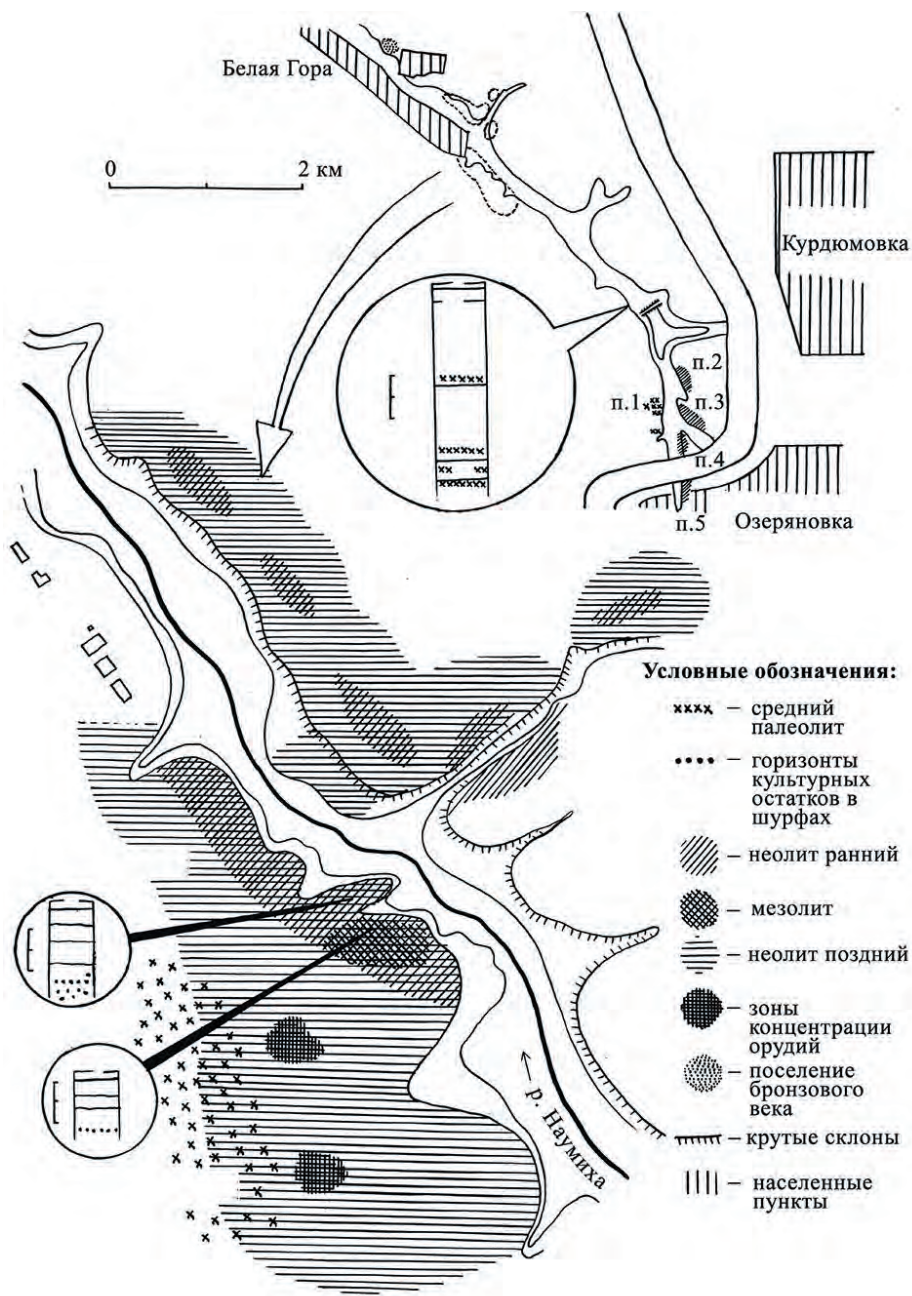

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянок и мастерских по первичному расщеплению кремня каменного века в рамках Белогорского кремнеобрабатывающего комплекса в Северо-Западном Донбассе (по: Kolesnik, 1997).

этом и других участках мелового склона реки в виде средних (до 10–15 см) и мелких (до 7–10 см) округлых конкреций с ветвистыми отростками, с тонкой кальцитово-коркой. Количество трещин и включений в кремневой массе небольшое, пластические свойства кремня с точки зрения технологии расщепления вполне удовлетворительные.

Мастерские расположены на обоих берегах реки, но наиболее крупные по площади распространения расщепленных кремней памятники отмечены на левом террасированном берегу. Высота этой террасы над уровнем воды около 4 м. Композиционно Белогорский кремнеобрабатывающий комплекс каменного века состоит из скоплений мастерских возле с. Белая Гора и с. Озеряновка, с расстоянием между ними около 4 км по руслу Наумихи; между скоплениями отмечены отдельные мастерские с дискретными границами. Скопление мастерских на Ю-В окраине с. Белая Гора имеет выраженный центр на террасовой площадке на участке вокруг водокачки (Рис. 1). Само Белогорское скопление фактически состоит из слившихся воедино «пятен» культурных остатков в виде рассеянных на поверхности кремневых заготовок нуклеусов, орудий и дебритажа с выраженными зонами концентрации разновременного материала. Деление на отдельные памятники и их участки производилось в поле по топографическим критериям. Освоение долины реки началось в среднем палеолите (стоянка Курдюмовка). Формирование комплекса мастерских произошло в начале позднего палеолита и продолжилось вплоть до конца неолитической эпохи.

Шурфовкой и последующими раскопами в пределах Белогорского скопления установлены культурные слои позднего палеолита, мезолита и неолита. На участке Белая Гора 2-Д и Белая Гора 3 в 1988 г. С.М. Дегерменджи, А.Ф. Гореликом, А.В. Колесником и И.А. Снежко были проведены раскопочные работы (36 кв. м и 36 кв. м соответственно). Мастерская БГ-2-Д содержит культурный слой мезолита-неолита и переотложенные культурные остатки позднего палеолита, с материалами стрелецкого типа (Коваль, Колесник, 1999).

Материалы комплекса частично введены в научный оборот. На сегодняшний день опубликованы материалы мастерских Белая Гора 5-а (Дегерменджи, Коваль, 2000) и Белая Гора 12 (Колесник, 2019), датирующихся мезо-ранне-неолитическим временем. Наиболее массовыми являются находки, связанные с первичным расщеплением кремня, – одно- и двуплощадочные нуклеусы, в том числе предназначенные для снятия пластин отжимным способом, а также отходы их производства – различные технические отщепы и сколы. Вместе с тем состав технических сколов указывает на то, что основной процесс расщепления нуклеусов (в особенности тех, что были предназначены для пластинчатых снятий и отжима), вероятно, происходил отдельно на других участках комплекса. В коллекциях обеих мастерских также содержится небольшое количество изделий хозяйственно-бытового назначения, в том числе связанных с деревообрабатывающим производством: скребков, скребел и заготовок небольших топоришков (последние сопровождаются техническими сколами подживления лезвий). Известна также

небольшая серия микролитических изделий, помимо всего прочего, содержащая несколько косоусечённых острий на отщепах.

В целом, подобный смешанный инвентарь исследованных раскопами участков Белогорского кремнеобрабатывающего комплекса позволяет говорить о них не только как о мастерских нуклеарного типа с полным циклом расщепления, но и как о памятниках «стояночного» типа, где могли проводиться определенные хозяйственно-бытовые операции, связанные с деятельностью, продиктованной особенностями местных природно-климатических условий. Отметим, что ближайшие неолитические местонахождения стояночного типа выявлены С.И. Татариновым в бассейне р. Бахмутка в 6–7 км к востоку от Белой Горы у сёл Отрадовка, Николаевка Вторая, Николаевка и Дача Артёмовского муниципального округа. Культурная принадлежность обеих мастерских до конца не выявлена, однако состав коллекции изделий из мастерской Белая Гора 12 позволяет отчасти соотнести её с кругом памятников кукурекской позднемезолитической культуры (Колесник, 2019. С. 301–302).

Кроме того, орудия Белогорского комплекса нашли своё отражение в работах, посвященных вопросам палеотехнологического характера. Так, в рамках исследования производственного инвентаря нео-энеолитических кремнеобрабатывающих мастерских Донбасса выборка из порядка 190 каменных отбойников, обнаруженных в районе Белой Горы (порядка 50 % от общей выборки всего исследования) позволила разработать региональную типологию отбойников, в рамках которой лежит их корреляция по ряду категорий, включая морфологические и весовые различия (Колесник, Манько, 2019).

Горно-кремнеобрабатывающие и кремнеобрабатывающие комплексы Северо-Западного Донбасса, включая Белогорский, в мезо-неолитическое время выполняли специализированную производственную нагрузку в рамках системы расселения племен в бассейне среднего течения Северского Донца. Основной массив стоянок известен в долине реки на левом берегу, в то время как в кремненосных районах на правом берегу располагались преимущественно мастерские по первичному расщеплению кремня этого времени. Это позволяет утверждать, что в указанный период на данной территории были заложены основы экономического районирования, предполагающие развитие системы древних коммуникаций и института обмена пищевыми и непищевыми ресурсами.

Работа выполнена в рамках государственной бюджетной темы «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», номер госрегистрации 124012400356-4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дегерменджи С.М., Коваль Ю.Г., 2000. Кремневый комплекс местонахождения Белая Гора 5-а в Донбассе // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк. С. 60–65.
- Коваль Ю., Колесник О., 1999. Пізньопалеолітична майстерня Біла Гора 3 в Донбасі (попереднє повідомлення) // Археологічна збірка. Херсон. С. 99–107.

Колесник А.В., 2017. Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб. 53 с.

Колесник А.В., 2019. Мезо-неолитическое местонахождение Белая Гора 12 в Северо-Западном Донбассе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского. С. 294–303.

Колесник А.В., Манько Н.В., 2019. К типологии каменных отбойников из нео-энеолитических мастерских Донбасса // Tyragetia, serie nouă, vol. XIII [XXVIII], nr. 1., Arheologie. Istorie Antică. Chişinău. С. 81–98.

Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Манько Н.В., 2023. Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе. Ростов-на-Дону: Изд-во «Донской дом». 197 с.

Kolesnik A., 1997. Donbass (South-East Ukraine) – an important East European centre of flint-working // Man and flint. Proceeding of the VII th International Flint Symposium. Warszawa-Ostrowiec Swietokrzyski. P. 209–216.

НЕОЛИТ СЕВЕРО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

© 2024 г. П.М. Кольцов (Petrkoltsov52@mail.ru)

Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выделения неолита как исторической и археологической эпохи, а также северокаспийской культурно-исторической общности, включающей локальные неолитические культуры с общей генетической подосновой, хозяйственно-культурным типом, основанным на сходстве путей развития.

Ключевые слова: неолит, Северо-Каспийский регион, микролитическая индустрия, северокаспийская культурно-историческая общность, джангарская культура.

NEOLITHIC OF THE NORTH CASPIAN REGION

© 2024 P.M. Koltsov (Petrkoltsov52@mail.ru)

Kalmyk State University, Elista, Russia

Abstract. The article deals with the problems of distinguishing the Neolithic as a historical and archaeological epoch, as well as the North Caspian cultural and historical community, including local Neolithic cultures, with a common genetic basis, economic and cultural type based on the similarity of the path of development.

Keywords: Neolithic, North Caspian region, microlithic industry, North Caspian cultural and historical community, Dzhangar culture.

Выявление универсалий и особенностей культурно-исторического процесса на территории Северного Прикаспия в неолитическую эпоху представляет для исследователей особый интерес. Данная территория не раз становилась ареной многих исторических событий. Здесь зарождались и развивались своеобразные этнокультурные образования каменного века. В мезолите это носители микролитической индустрии, вобравшие в себя передовые для того времени технологии и традиции, уходящие корнями в культуры Передней Азии, верхний палеолит и мезолит Кавказа. В неолите племена Северо-Каспийского региона демонстрируют мезолитические традиции в изготовлении каменных орудий труда и самобытную керамику с накольчато-прочерченной орнаментацией.

Источники по неолиту северокаспийской области вплоть до 70-х годов XX века с исторической точки зрения были малоинформативными. Тем не менее исследователи, несмотря на развешанный характер стоянок, а также несовершенную на то время методическую и методологическую базу, предпринимали попытки выделения первых археологических культур и установления хронологии памятников каменного века (Мелентьев, 1975). Несмотря на предварительный характер этих построений, исследователи верно отметили, что Северный Прикаспий является самостоятельным очагом сложения культур каменного века, обладающих региональной спецификой.

По мере накопления археологического материала по неолиту Северного Прикаспия назрела необходимость установить целостную картину культурно-исторического процесса в регионе на основе комплексного анализа всей имеющейся источниковой базы и исследовательских работ.

Прежде всего следует обратиться к научной терминологии как к понятийному аппарату и внести определенную ясность в ее содержание. Термин «неолит» изначально обозначал финальную часть каменного века. При этом следует заметить, что термин не может быть расплывчатым, размытым или ограниченным. Его содержание в силу специфики археологического знания обязано меняться, а само существование термина – дань уважения тем исследователям, которые впервые его предложили.

Для понимания специфики неолита как этапа в системе археологической периодизации рассмотрим разные точки зрения. Английский археолог В.Г. Чайлд начало неолитической эпохи связывал с переходом первобытного общества к производящему хозяйству. Это историческое событие он назвал «неолитической революцией» (Чайлд, 1949. С. 33). Действительно, процесс перехода от присваивающего хозяйства к примитивному земледелию и одомашниванию животных носил «революционный» характер», заложивший фундамент дальнейшей человеческой цивилизации. Данное определение раскрывает экономический базис неолита, но не затрагивает технологического содержания археологической эпохи. Дж. Леббок наполнил содержание неолита и тем, и другим, т.е. основными признаками эпохи он называл изобретение глиняной посуды, а также внедрение новых способов вторичной обработки – шлифование, пиление и сверление (Леббок, 2011). С последним утверждением Дж. Леббока не согласился Г.Д. Кларк, справедливо считая, что шлифование, сверление и пиление были освоены человеком еще в мезолите (Clark, 1975). Следовательно, по мнению исследователя, только появление керамической посуды остается основным аргументом начала «неолита».

С тех пор близкое понимание «неолита» прочно вошло в научный оборот, в том числе и российской археологии. Первым, кто писал о каменном веке в России, был А.С. Уваров, который важнейшим признаком перехода к неолитическому времени считал керамику, открытие гончарства (Уваров, 1881. С. 252).

Поиск новых идей в 20–30-е годы XX века в российской археологии советского периода был многовекторным. Наряду с сохранением такого уваровского признака перехода к неолитическому времени как керамика, «открытие гончар-

ства», В.А. Городцов добавил преобладание микролитической техники в каменной индустрии (Городцов, 1910. С. 28).

Сосуществование керамики и микролитического каменного инвентаря вело к разрушению «классического» определения неолита как «эпохи шлифованных орудий». В 1924 году П.П. Ефименко, рассматривая проблему микролитической индустрии, писал: «...приходится считаться с указанием В.В. Гольмстен, что в районе ее наблюдений мелкая кремневая индустрия постоянно сопровождается керамикой. А если это так, присутствие керамики свидетельствует о более позднем возрасте этих находок» (Ефименко, 1924. С. 226).

Особое место в дискуссии о характере каменной индустрии неолита заняли труды исследователей Нижнего Поволжья Т.М. Минаевой (Минаева, 1929) и И.В. Сеницына (Сеницын, 1931). Это далеко не полный перечень исследователей, которые касались проблематики неолитической эпохи.

Условный итог об основных характеристиках неолита XX века был подведен в академическом издании «Неолит Северной Евразии» (Неолит Северной ..., 1996). Для большинства исследователей последних двух десятилетий керамика продолжает оставаться главным признаком начала неолита.

В начале XXI века в характеристику неолита добавилось определение «неолитизация», но это тема отдельного исследования.

К настоящему времени степень изученности степного неолита позволила установить хронологию памятников, определить их место в системе культур южного неолита, глубже понять специфику культурно-исторических процессов в североприкаспийской зоне.

Для Северного Прикаспия в пределах Волго-Уральского междуречья были выделены следующие культуры каменного века: сероглазовская (Мелентьев, 1975. С. 112–117), кайрашакско-тентексорская (Васильев, Выборнов, 1988. С. 8–11).

В пределах Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий выделена орловская культура (Юдин, 1988. С. 142–172). В Северо-Западном Прикаспии обосновано существование джангарской неолитической культуры (Кольцов, 2004. С. 115–123).

Северо-восточная часть Прикаспия представлена памятниками айдабольской группы (Бижанов, 1996), оюклинской (Астафьев, 2014. С. 134–190) и тюлюзской культур.

Указанные выше культуры (за исключением основной группы памятников Северо-Восточного Прикаспия) с накольчато-прочерченной керамикой и кремневой микролитической индустрией, с преобладанием в орудийном комплексе геометрических изделий свидетельствуют об их принадлежности к одной культурной традиции.

Объединение неолитических культур Северо-Каспийского региона в северокаспийскую культурно-историческую общность строится на общей генетической подоснове культур и сходство путей их развития. Последнее утверждение основывается на трех устанавливаемых измерениях: археолого-культурного (состоит из специфики приемов вторичной обработки и морфологии каменного инвентаря,

технологии изготовления керамики, орнаментальной техники в виде наколов в отступающей манере и в сочетании наколов с прочерченными линиями), хронологического и территориального. Этому способствовали также близкий хозяйственный уклад и постоянные контакты населения.

Изложенную выше точку зрения поддержал Е.В. Козин. Он писал, что «общность культурной традиции, отраженной наличием особого геометрического стиля орнамента, выполненного в характерной только для этого региона накольчато-прочерченной и отступающе-накольчатой технике орнаментации, отвечает признакам, предполагающим существование особой культурной области. Название «североприкаспийская культурно-историческая область» более точно характеризует географические рамки этого культурного феномена» (Козин, 2002. С. 168).

На востоке и северо-востоке Прикаспия выделенная нами культурно-историческая общность граничит с айдаболскими памятниками Устюрта (Бижанов, 1996. С. 19), оюклинской (Астафьев, 2014. С. 134–190) и тюлузской культурами Мангышлака (Мелентьев, 1975. С. 116).

Культурная принадлежность неолитических памятников Казахстана до сих пор является предметом дискуссии. Достаточно посмотреть на историографию данного вопроса. В 50-е годы XX в. по неолиту Казахстана уже имелась источниковедческая база, состоящая из многочисленного подъемного материала, но вопросы их культурной атрибуции затрагивались опосредованно, в основном, в процессе полемики о связях уральского и среднеазиатского неолита. Причем если одни исследователи отмечали определенную близость неолитических памятников обеих областей, то другие объединяли их в урало-среднеазиатскую этнокультурную общность (Чернецов, 1968. С. 41–53).

Более конкретно о культурной принадлежности неолитических памятников степных и полупустынных районов Казахстана высказался А.А. Формозов. Неолитические памятники Приаралья он выделяет в западноказахстанский вариант кельтеминарской культуры (Формозов, 1949. С. 50).

Н.Д. Праслов на основании анализа инвентаря стоянок с района Бекбеке считает их самостоятельной неолитической культурой, обнаруживающей сходство с кельтеминарской и прикарабугазской культурами (Праслов и др., 1969. С. 54–60).

Л.Я. Крижевская на основе тех же материалов выделяет памятники Северо-Восточного Прикаспия в особую урало-среднеазиатскую область (Крижевская, 1972. С. 271–279).

Проблема культурной принадлежности стоянок Северо-Восточного Прикаспия не может быть решена до получения более качественного материала. Об этом же в свое время писал А.В. Виноградов: «...до проведения новых более углубленных исследований можно оставить открытым вопрос о культурной принадлежности стоянок... собственно Северо-Восточного Приаралья» (Виноградов, 1968. С. 166).

Приведенные выше материалы по неолиту северокаспийской области свидетельствуют о том, что восточная граница северокаспийской культурно-исторической области находится далеко за р. Урал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев А.Е., 2014.* Неолит и энеолит полуострова Мангышлак // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VI. Астана: Полиграфкомбинат. 359 с.
- Бижанов Е.Б., 1996.* Каменный век Устюрта. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент. 42 с.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь: учеб. пособие. Куйбышев. 112 с.
- Виноградов А.В., 1968.* Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука. 180 с.
- Городцов В.А., 1910.* Бытовая археология. Курс лекций, прочитанных в Московском Археологическом институте. М.: Московский Археологический институт. 475 с.
- Ефименко П.П., 1924.* Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. Т. 13. Вып. 3–4. РАЖ. С. 211–228.
- Козин Е.В., 2002.* Неолит Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 27 с.
- Кольцов П.М., 2004.* Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: «Новый хронограф». 156 с.
- Крижевская Л.Я., 1972.* К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА, № 185. Л.
- Леббок Д., 2011.* Доисторические времена или Первобытная эпоха человечества. М.: Либроком. 504 с.
- Мелентьев А.Н., 1975.* Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 141. М.: Наука. С. 112–117.
- Минаева Т.М., 1929.* Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. Вып. 36. Ч. 1. Труды НВОНОК. С.3–27.
- Неолит Северной Евразии, 1996. М.: Наука. 379 с.
- Праслов Н.Д., Постников Г.Б., Ротшильд Е.В., 1969.* Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии // КСИА. Вп. 117. М.: Наука. С. 54–60.
- Синицын И.В., 1931.* Кремневые орудия Калмыцкой области // Известия НВИК. Т. IV. С. 81–91.
- Уваров А.С., 1881.* Археология России. Каменный период. Т. I. М. С. 23, 24, 251.
- Формозов А.А., 1949.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. 25. С. 49–58.
- Чайлд Г., 1949.* Прогресс и археология. М.: Иностранная литература. 195 с.
- Чернецов В.Н., 1968.* К вопросу о сложении уральского неолита // История и этнография Средней Азии. М. С. 41–53.
- Юдин А.И., 1988.* Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ. С. 142–172.
- Clark G.D., 1975.* The earlier stone age settlement of Scandinavia. Cambridge University Press. 285 p.

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО ВАРИАНТА
ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ**

© 2024 г. **А.И. Королёв** (arkorolev@gmail.com), **А.А. Шалапинин**

*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия*

Аннотация. В работе рассматривается проблема происхождения средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности. На основании сопоставления с материалами красноостовского, чекалинского и токского типов волосовской керамики Гундоровского поселения делается вывод о многокомпонентном процессе сложения энеолита лесной зоны Среднего Поволжья.

Ключевые слова: красноостовский тип, средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности, чекалинский тип, токский тип.

**THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE MIDDLE VOLGA VERSION
OF THE VOLOSOVO CULTURAL-HISTORICAL COMMUNITY**

© 2024 **A.I. Korolev** (arkorolev@gmail.com), **A.A. Shalapinin**

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract. The paper examines the problem of the origin of the Middle Volga version of the Volosovo cultural and historical community. Based on a comparison with materials of the Krasnomostovsky, Chekalinsky and Toksky types, Volosovo ceramics from the Gundorovsky settlement, a conclusion is made about a multicomponent process of composition of the Eneolithic of the forest zone of the Middle Volga region.

Keywords: Krasnomostovsky type, Middle Volga variant of the Volosovo cultural-historical community, Chekalinsky type, Toksky type.

Волосовские памятники на Средней Волге были открыты в 50-е гг. XX вв. К настоящему времени благодаря работам А.Х. Халикова, В.В. Никитина, В.П. Третьякова и Б.С. Соловьева средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности является изученным наиболее полно. Детально проработан вопрос об участии памятников красноостовского типа в сложении волосовских памятников в указанном регионе (Никитин, 2011. С. 213–217). Материалы красноостовского типа согласно результатам радиоуглеродного датирования предшествуют волосовским комплексам (Кондратьев, Шалапинин, 2011. С. 259–263). Первые датируются 4700–3500BC (95,2 %) или 4330–4280BC и 4270–3950BC (68,2 %). Время существования вторых определяется 4500–2800BC (95,4 %) или 4000–3500BC и 3100–2900 BC (68,2 %). К общим элементам культуры финально-энеолитического и энеолитического населения следует отнести конструкцию жилищ, формы наконечников стрел, скребков, ножей, рубящих орудий. Керамику объединяет яйцевидная и слабопрофилированная форма сосудов, прямые и отогнутые наружу венчики, орнаментация, состоящая из отпечатков гребенчатого штампа, ямок. По данным технико-технологического анализа к общим чертам красноостовского и волосовского гончарства следует отнести использование пластичного/незапасоченного сырья и сырья в увлажненном состоянии, массовое применение органических растворов. При этом между посудой указанных типов

имеются существенные различия. Красностовская посуда имеет специфическую ямочную орнаментацию, примесь шамота в тесте и др. Для волосовской керамики характерны: Т-образные венчики, орнаментация по срезу и с внутренней стороны сосудов, веревочная орнаментация, расчески поверхности, примесь пуха-пера и дробленной раковины в тесте, илистая глина в качестве исходного пластичного сырья (Андреева, Шалапинин, 2022. С. 127–145).

В литературе неоднократно поднимался вопрос об иных источниках формирования волосовской культуры на Средней Волге. Интерес вызывает гипотеза о лесостепных истоках данной культуры (Халиков, 1960. С.70–71; Васильев, Габышев, 1982. С.11). В качестве источников ее формирования рассматриваются материалы хвалынской культуры (Васильев, Габышев, 1982. С.11), токского типа (Моргунова, 2010. С.184–193), чекалинского типа и материалы волосовского типа Гундоровского поселения (Королёв, 2015. С.126–135; Археология Волго-Уралья, 2021. С.104–105). Керамика токского типа датируется 4900–4500BC и 4300–3500BC (95,4 %) или 4800–4600BC и 4100–3600BC (68,2 %). Время существования чекалинских материалов определяются 5700–5400BC и 5000–3500BC (95,4 %) или 4900–3700BC (68,2 %). Хронологические рамки керамики волосовского типа Гундоровского поселения определяются в 4500–3700 BC (95,2 %) или 4340–4030BC и 4020–4000BC (68,2 %). Таким образом, материалы эпохи раннего металла лесной зоны находятся на более поздних хронологических позициях относительной памятников позднего энеолита лесостепи.

Токская и чекалинская посуда имеют яйцевидную и профилированную формы сосудов, прямые, отогнутые наружу венчики, изредка приближенные к Т-образным, округлые днища, орнаментацию по срезу венчика, расчески поверхности, примесь раковины в тесте. Сосуды орнаментированы отпечатками веревочки, гребенчатого штампа, ямками различных форм. По данным технико-технологического анализа, токская керамика изготавливалась из илов и илистых глин (Васильева, 2006. С.19). Исходным пластичным сырьем чекалинской посуды с поселения Лебяжинка VI являлась илистая глина (Васильева и др., 2019. С. 31).

Керамика Гундоровского поселения изготавливалась с добавлением в тесто дробленной раковины и пуха-пера. Сосуды имели в основном горшковидную и реже баночную формы. Венчики прямые, отогнутые наружу, Т- и Г-образные. Орнаментация в основном состоит из оттисков гребенчатого штампа. Встречаются также отпечатки рамчатого штампа, веревочки и ямки различных форм.

Таким образом, ряд специфических черт волосовской керамики лесной зоны Среднего Поволжья, отличающих ее от красностовской посуды, находит параллели в материалах лесостепи. К таковым следует отнести форму сосудов и венчиков, орнаментацию по срезу, отпечатки веревочки, зубчатую зачистку поверхности, примесь раковины и пера-пуха в тесте, исходное пластичное сырье. Сходство со средневожскими волосовскими материалами наблюдается и в каменном инвентаре. Орудия изготовлены преимущественно на отщепах. Близки скребки на массивных отщепах, острия с плечиком, листовидные и ромбовидные наконечники, крупные двусторонне ретушированные ножи, долота желобчатые

и без желобка, кремневые фигурки, сланцевые подвески. Исходя из вышеизложенного, актуальным остается вопрос о многокомпонентном процессе сложения средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева О.В., Шалапинин А.А., 2022.* Сравнительный анализ красномостовской и ранней волосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. Вып. 268. М.: ИА РАН. С.127–145. Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 83–105.
- Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982.* Взаимодействие энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ. С. 3–23.
- Васильева И.Н., 2006.* Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 17–23.
- Васильева И.Н., Королёв А.И., Шалапинин А.А., 2019.* Энеолитический керамический комплекс поселения Лебяжинка VI: морфология и технология // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 28–42.
- Кондратьев С.А., Шалапинин А.А., 2011.* К проблеме хронологического соотношения комплексов позднего неолита-энеолита лесной зоны Среднего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 13. № 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С.259–263.
- Королёв А.И., 2015.* О культурных связях лесного и лесостепного населения Среднего Поволжья в энеолите // Археология и этнография Марийского края. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 126–135.
- Моргунова Н.Л., 2010.* К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного-лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара: ООО «Офорт». С.184–193.
- Никитин В.В., 2011.* Поздний неолит в лесной полосе бассейна Волги (к проблеме истоков волосовской культуры и её локальных вариантов) // Тверской археологический сборник. Выпуск 8. Том I. Тверь: Триада. С.213–217.
- Халиков А.Х., 1960.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 188 с.

ОСОБЕННОСТИ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ НА СТОЯНКЕ ФИНАЛЬНОГО МЕЗОЛИТА – РАННЕГО НЕОЛИТА КАРАВАЙХА 4 В БАССЕЙНЕ ОЗ. ВОЖЕ (ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2024 г. **Н.В. Косорукова** (natalikcher@mail.ru), **В.А. Лукинцева**,
Т.С. Гринина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Аннотация. Памятник Каравайха 4 находится в бассейне озера Воже, датируется финальным мезолитом – ранним неолитом. Для кремневого инвентаря характерно сочетание пластинчатой и отщеповой техники. Представлены нуклеусы для пластин, наконечники стрел и другие орудия на пластинах, скребки на отщепах, единичные трапеции. Аналогии встречены в Онежском Оленеостровском могильнике и ряде ранненеолитических памятников Европейского Северо-Востока.

Ключевые слова: финальный мезолит, ранний неолит, кремневый инвентарь, бассейн озера Воже.

FEATURES OF THE FLINT INVENTORY ON THE FINAL MESOLITHIC – EARLY NEOLITHIC SITE KARAVAIKHA 4 IN VOZHE LAKE BASIN (VOLOGDA REGION)

© 2024 **N.V. Kosorukova** (natalikcher@mail.ru), **V.A. Lykintseva**, **T.S. Grinina**

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Abstract. The site Karavaikha 4 is located in the Lake Vozhe basin, it was dated as final Mesolithic – early Neolithic. The combination of blade and flake techniques is typical for flint inventory. There were presented cores for blades, arrowheads and other tools on blades, scrapers on flakes, and singular trapezes. Analogies were met in Onega Olenestrovsky cemetery and in a number of Early Neolithic sites from European North-East.

Keywords: final Mesolithic, early Neolithic, flint implements, Lake Vozhe basin.

Торфяниковый памятник Каравайха 4 находится на севере Вологодской области, в бассейне оз. Воже недалеко от известного Караваевского могильника, раскопки которого проводил А.Я. Брюсов в 1938–1955 гг. (Брюсов, 1961). Памятник Каравайха 4 представляет собой место ловли рыбы, так как здесь выявлены рыболовные конструкции и другие свидетельства рыболовства (Косорукова, 2018. С. 128–131). Но в то же время здесь хорошо представлены и разные категории инвентаря, обычные для поселенческих памятников: орудия из камня и кости, керамика, отщепы и обломки кремня и сланца, кости животных и рыб.

Памятник датируется эпохой финального мезолита – раннего неолита, радиоуглеродные даты охватывают довольно большой диапазон: 6390–4408 cal BC (Косорукова и др., 2018. С. 78–86), что свидетельствует о длительности жизнедеятельности на данном – мысовом – участке берега или островке, располагавшемся при впадении реки в небольшое озеровидное расширение. В то же время характер находок в целом и относительно небольшая насыщенность слоя не свидетельствуют о смешанности комплекса. Находки залегают в основном в тонкой прослойке песка под слоями торфа и сапропеля, а также встречаются в нижней части сапропеля и изредка – в средней и верхней его части. Радиоуглеродная дата, полученная по образцу из нижней части торфа, перекрывающего сапропель, относит начало заболачивания к первой половине – середине V тыс. до н.э., т.е., артефакты, от-

носящиеся ко второй половине V тыс. до н.э. и более поздние уже не могли быть, по-видимому, здесь погребены (за исключением наконечников стрел), и выявленный инвентарь может считаться относительно «чистым» комплексом в пределах 1,5–2-х указанных тысячелетий.

Каменный инвентарь представлен изделиями из кремня и сланца, изделия из кремня более многочисленны. Кремень использовался разного качества. Большинство предметов, в т.ч. обломки кремня, обломки со следами снятий, разные сколы, а также некоторые изделия со вторичной обработкой – отщепы и обломки с ретушью, скребки – изготовлены чаще из серого, темно-серого, серо-синего, вероятно, местного кремня не очень хорошего качества. Можно отметить наличие серии пренуклеусов на небольших относительно плоских обломках такого кремня с участками галечной корки. Но также использовался черный и светло-серый кремень хорошего качества, из которого сделаны пластины, наконечники стрел и некоторые другие изделия, встречены артефакты и из черного блестящего кремня. Необходимо отметить, что иногда один и тот же обломок кремня имеет разный цвет: от светло-серого до синевато-серого и черного, т.е. некоторые изделия из черного кремня в итоге могли быть получены из тех же самых галек местного сырья.

В числе кремневых орудий представлены нуклеусы, обломки кремня со следами снятий, нуклевидные обломки, пластины и микропластины, в т.ч. с ретушью и/или следами использования, единичные вкладыши из микропластин, наконечники стрел, скребки, резцы, проколки, отщепы и обломки с ретушью.

Среди нуклевидной группы довольно многочисленны аморфные, сработанные нуклеусы с негативами коротких неправильных пластин и отщепов, а также обломки кремня со следами снятий и нуклевидные обломки. Представлены и остаточные нуклеусы вертикального снятия с негативами пластинчатых сколов и правильных микропластин, а также встречены нуклеусы более правильной формы; так, в одном экземпляре имеется карандашевидный нуклеус из черного блестящего кремня с замкнутым скалыванием и негативами от правильных микропластин, диаметр площадки которого составляет всего 6 мм; нуклеус явно сломан, его длина – 2,5 см (Рис. 1: 24). Еще один нуклеус изготовлен из серого кремня, конусовидный, с почти замкнутым скалыванием и негативами от микропластин; округлая площадка имеет следы подправки и фиксируются негативы от отжима пластин с нижнего конца нуклеуса (Рис. 1: 27).

Кроме нуклеусов и нуклевидных обломков технику расщепления характеризуют технологические сколы, в т.ч. ребристые, и сколы подправки площадки нуклеусов («таблетки»), снятые с конусовидных или подконусовидных нуклеусов, предназначенных для получения пластин. Для характеристики техники расщепления важны и «нырнувшие» сколы, представляющие обломки конусовидных нуклеусов для микропластин (Рис. 1: 25–26). Размеры нуклеусов и сколов, в основном, небольшие, но наличие длинных пластин и ребристых сколов до 8–12 см длиной (Рис. 1: 34–36) говорит о том, что использовались и более крупные «отдельности» кремневого сырья.

Техника расщепления направлена как на получение пластин, так и отщепов. Несомненно, что древние обитатели были знакомы с довольно сложной техникой отжима, направленной на получение пластин, в т.ч. правильных микропластин, хотя кажется странным, что в то же время костяных вкладышевых орудий на памятнике почти не найдено, они буквально единичны и невыразительны (в отличие от мезолитического памятника Погостище 15, расположенного в этом же регионе, где они представлены устойчивой серией). Для чего тогда на Караваихе 4 могли использоваться правильные микропластинки? Причем визуально они определены как вкладыши. Имеющиеся в коллекции нуклеусы в основном одноплощадочные, но, вероятно, ранее они могли быть и двуплощадочными, так как прием встречного скалывания зафиксирован на отдельных нуклеусах, а также на пластинах и микропластинах. Известно, что в некоторых случаях прием встречного снятия может применяться для подправки нижнего конца конусовидных нуклеусов. Здесь мы видим, что имело место и снятие микропластин с двух противоположных концов нуклеуса.

Среди изделий из кремня наиболее интересны наконечники стрел, количество которых (считая обломки) составляет около 40 экз. Наконечники представлены разными типами: это изделия на пластинах с минимальной обработкой ретушью острия и насада, а также наконечники с частичной или почти полной двусторонней обработкой, по форме близкие листовидным. Большинство наконечников сделано на пластинах, среди них также имеются некоторые отличия в способе обработки ретушью: встречены изделия с плоской ретушью на брюшке и полукрутой на спинке в области насада (черешка) и острия, но также есть и с мелкой полукрутой ретушью на брюшке (Рис. 1: 11–15, 17–18). Такие наконечники нередко называют постсвидерскими, как правило, они характерны для мезолита, но известны и в раннем неолите. Меньшим количеством представлены изделия с двусторонней обработкой, среди которых также есть разные варианты: 1) одна сторона (чаще, спинка) покрыта ретушью почти полностью, а на брюшке ретушь только по краям или даже ее нет совсем; 2) ретушь покрывает орудие с двух сторон, но не полностью; 3) ретушь покрывает всю поверхность изделия с двух сторон. В некоторых случаях сложно определить характер заготовки для таких изделий, вероятно, это уже не пластины (Рис. 1: 16). Выше было сказано, что понятие условной «чистоты» комплекса не распространяется на наконечники, точнее, оно не относится ко всем артефактам данной категории. Ведь стрела может пробить торф, особенно, если мощность его была еще невелика. Так, среди костяных наконечников стрел встречен 1 экз. с ромбическим пером, который залегал в вертикальном положении, и такой тип наконечника характерен для более позднего времени. Вероятно, и некоторые (единичные) кремневые наконечники с полной двусторонней обработкой ретушью могли попасть в слой аналогичным

Рис. 1. Караваиха 4. Изделия из кремня: 1–7 – микропластинки и вкладыши; 8, 10, 19–21, 34–35 – пластины, в т.ч. с ретушью или следами использования; 9 – проколка; 11–18 – наконечники стрел; 22–23 – трапеции; 24–27 – нуклеусы и их обломки (нырнувшие сколы); 28–31 – скребки; 32 – скобель; 33 – резец; 36 – ребристый скол.

образом. В то же время наконечники с частичной двусторонней обработкой, наиболее вероятно, следует относить к раннему неолиту, т.е. к основному комплексу.

На пластинах, кроме наконечников стрел, сделаны немногочисленные в коллекции резцы, по типу, как правило, угловые (Рис. 1: 33), а также проколки (Рис. 1: 9). Встречены пластины с ретушью или со следами использования, в т.ч. микропластинки-вкладыши (Рис. 1: 4, 6). Все скребки сделаны на отщепах (Рис. 1: 28–31), выглядят довольно грубовато, среди них есть однолезвийные, угловые (ретушированные по двум смежным краям), с ретушью, занимающей $\frac{3}{4}$ периметра и весь или почти весь периметр. Среди последних можно выделить скребки подокруглой формы (Рис. 1: 30–31). Немногочисленные по сравнению со скребками скобели оформлены также на отщепах и обломках (Рис. 1: 32). Небогатый набор кремневых орудий дополняют единичные сверла и провертки на отщепах, а также многочисленные отщепы и обломки с ретушью. Особенностью комплекса является наличие двух геометрических микролитов в форме трапеций (Рис. 1: 22–23).

В бассейне озера Воже исследованы пока только единичные памятники эпох мезолита и раннего неолита, в отличие от, например, таких, правда, значительно более крупных регионов, как Волго-Окское междуречье или Европейский Северо-Восток, где известно и исследовано не только довольно большое количество памятников, но выделены и разные культуры или типы памятников в пределах данных эпох. Несомненно, что в бассейне оз. Воже это еще впереди, поэтому пока приходится находить аналогии на соседних территориях. Уже неоднократно было отмечено наличие некоторых параллелей в инвентаре памятника Караваиха 4 с материалами Оленеостровского могильника на Онежском озере (Гурина, 1956), который датируется поздним мезолитом. Особенно это относится к кремневым наконечникам стрел. С другой стороны, параллели для данной категории инвентаря, как и ряда других орудий, можно найти в материалах некоторых памятников Европейского Северо-Востока, в частности, на стоянках Прилукская на Северной Двине и Черноборская III на р. Ижме в бассейне р. Печоры, которые относятся к раннему неолиту (Верещагина, 2010). Таким образом, в целом датировка памятника Караваиха 4 методами естественных наук не противоречит и выявленным аналогиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов А.Я., 1961. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Кн. изд-во. С. 72–162.
- Верещагина И.В., 2010. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Европейский Дом. 232 с.
- Гурина Н.Н., 1956. Оленеостровский могильник. Материалы и исследования по археологии СССР. № 47. М.-Л.: Наука. 429 с.
- Косорукова Н.В., 2018. Рыболовный инвентарь на стоянке Караваиха 4 в бассейне озера Воже // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб.: ИИМК РАН. С. 128–131.
- Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пиецонка Х., 2018. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник. № 3 (60). Екатеринбург. С. 78–86.

**РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ С ЯНТАРЁМ
БЛИЗ ОЗЕРА САХТЫШ (ЦЕНТР РУССКОЙ РАВНИНЫ)**

© 2024 г. **Е.Л. Костылёва** (elkos-ty-le-va@mail.ru), **А.В. Уткин**

*Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
Независимый исследователь, Иваново, Россия*

Аннотация. Рассматриваются результаты радиоуглеродного датирования по костным останкам захоронений волосовской культуры с янтарными украшениями из могильников Сахтыш II и IIa. Поправки дат на резервуарный эффект изменили первоначальные представления об относительно раннем возрасте погребений с янтарём. Все они могут быть отнесены к позднему этапу развития волосовской культуры.

Ключевые слова: энеолит, волосовская культуры, результаты AMS датирования погребений с янтарём.

**RADIOCARBON CHRONOLOGY OF BURIALS WITH AMBER NEAR LAKE SAKHTYSH
(CENTER OF THE RUSSIAN PLAIN)**

© 2024 **E.L. Kostyleva** (elkos-ty-le-va@mail.ru), **A.V. Utkin**

*Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
Independent researcher, Ivanovo, Russia*

Abstract. The results of radiocarbon dating on the bone remains of the Volosovo culture burials with amber ornaments from the Sakhtysh II and IIa burial grounds are considered. Corrections of dates for the reservoir effect changed the initial ideas about the relatively early age of burials with amber. All of them can be attributed to the late stage of the development of the Volosovo culture.

Keywords: Eneolithic, Volosovo culture, results of AMS dating of burials with amber.

Работы Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН) под руководством Д.А. Крайнова в 1960–1990-е годы при истоке р. Койка из палеозера Сахтыш выявили на стоянках Сахтыш I, II, IIa, VII и VIII полторы сотни нео-энеолитических захоронений льяловской и волосовской культур. Среди них были и погребения с янтарными украшениями. В своё время они были отнесены нами к ранней фазе развития волосовской культуры, происхождение которой мы связывали с мигрантами из Восточной Прибалтики, пришедшими в одеждах, украшенных янтарём (Уткин, Костылёва, 2006). Сейчас достаточно широко распространена версия о «престижной экономике» древних обществ, в рамках которой шёл обмен престижными вещами, в том числе и янтарём (Престижная экономика..., 2022). Отрицалась также и связь «янтароносных» захоронений с волосовской культурой (Никитин, 2017. С. 29). Как бы то ни было на самом деле, и какие бы точки зрения на «янтарный феномен» не распространялись, присутствие большого количества янтаря в погребениях сахтышских могильников, которые мы связываем с волосовской культурой, неоспоримо и ещё ждёт своего объяснения.

Первое захоронение с янтарём было обнаружено в ходе раскопок стоянки Сахтыш VIII в 1965 г., а последнее – на Сахтыше IIa в 1991 г. (Крайнов, 1973; Костылёва, Уткин, 2000). В общей сложности на Сахтыше II, IIa и VIII в 25 погребениях и 4-х «кладах» было зафиксировано 718 украшений из янтаря (680+38 соответственно) (Костылёва, Уткин, 2010. С. 33. Таб. 3; С. 54–55. Таб. 6, 7; С. 48,

С. 129. Рис. 66: 1–8; С. 66. Таб. 10). Кроме того, 15 обломков пуговиц и подвесок найдено в районе полностью разрушенных могил Сахтыша I. Единичные украшения «выпали» в культурный слой вблизи погребений Сахтыша IIa.

На Сахтыше IIa украшения из янтаря (367 экз.) были связаны с 13-ю волосовскими захоронениями из 57: № 2, 3, 4, 9, 15, 17, 18, 21, 26, 28, 39, 44, 53 (Костылёва, Уткин, 2000). Сохранность и количество украшений было разным. Больше всего их было найдено в могилах № 15, 28 и 39, которые отличались от других и относительной глубиной.

На Сахтыше II янтарные украшения (40 экз.) были обнаружены лишь в двух волосовских могилах из 18-ти. Это два ярусных захоронения: № 12, где было погребено четыре индивида (24 экз.), и № 15, в котором находились останки около 20 человек (16 экз.) (Костылёва, Уткин, 2010. С. 21, 22, 33).

На Сахтыше VIII янтарные украшения (273 экз.) связаны с 10-ю волосовскими захоронениями из 37: № 4, 5, 12–16, 21, 25, 36. Как и на Сахтыше IIa, они достаточно компактно располагались на территории могильника. Больше всего янтаря было найдено в могилах № 14 и 25 (Крайнов, 1973; Костылёва, Уткин, 2010. С. 59–61; С. 66. Таб. 10). В отличие от многих захоронений с янтарём, представленных на памятниках Северо-Запада и Центра Европейской части России (Репище, Кончанское, Каргулино, Деревянное XI, Тудозеро VI, Иловец I, Языково I, Вашутинская и др.), на Сахтыше сохранились и костные останки погребённых.

Это обстоятельство позволило представить их антропологические характеристики. Так, поло-возрастные определения по Сахтышу IIa установили, что ни в одном женском захоронении янтарных украшений не было. Все «янтарные» захоронения – мужские или детские. К сожалению, подобные определения по Сахтышу VIII не проводились, а плохой сохранности (в силу почвенных условий) останки, были затеряны где-то в хранилищах Музея антропологии МГУ, куда их сдавал Д.А. Крайнов. Лишь одно захоронение с янтарём (№ 25) было определено Г.В. Лебединской по черепу как женское (Костылёва, Уткин, 2010. С. 64. Таб. 9). Кроме того, была выявлена близость антропологических характеристик черепов из «янтарных» захоронений Сахтыша IIa с мужскими черепами из позднеолитических захоронений с янтарем из Восточной Прибалтики (Звейниекки, Абора I, Валма и Тамула) (Костылёва, Уткин, 2000. С. 182).

Наличие костных останков позволило предпринять радиоуглеродное датирование. Однако сделать это удалось далеко не для всех захоронений. Не будем останавливаться на причинах, отметим лишь, что больше всего «повезло» тем материалам, с которыми работала Г.В. Лебединская. Она обеспечила в своё время реставрацию черепов, надлежащее их хранение, а также реконструкцию внешнего облика ряда индивидов (Алексеева и др., 1997. С. 7–17, 142–188).

Радиоуглеродному датированию были подвергнуты образцы из захоронений льяловской и волосовской культур Сахтыша I, II, IIa и VIII. Правда, одно из захоронений Сахтыша IIa (№ 11), отнесённое нами первоначально к льяловской культуре, по результатам AMS датирования в двух лабораториях – Белфаста (Северная

Ирландия) и Гронингена (Нидерланды) – оказалось на хронологической шкале эпохи бронзы.

Всего по костным образцам из захоронений сахтышских могильников в разных лабораториях мира были получены 75 радиоуглеродных дат: в Москве (ГИН – 19 дат), Орхусе (AAR – 4), Белфасте (UBA – 18), Гронингене (GrM – 10), Киле (KiA – 21) и в Пенсильванском университете (PSUAMS – 3) (Костылёва, Уткин, 2009; 2010; Piezonka et al., 2013; Allentoft et al., 2024; Meadows et al., 2024; Zeng et al., 2023). Все они, кроме московских (ГИН), были получены AMS методом в основном по образцам от черепов, хранящихся в Центре физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН.

Основной массив дат относится к захоронениям Сахтыша IIa – 65 дат, по Сахтышу II имеется 8 дат, по Сахтышу I и VIII – по одной дате. Из них с волосоской культурой разных этапов её развития можно связать около 50 дат. Однако из них лишь четыре были сделаны по костям погребённых с янтарными украшениями.

Заметим, что ни одно из 10 «янтарных» захоронений Сахтыша VIII не имеет абсолютных дат. Четыре радиоуглеродные даты были получены по «янтарным» захоронениям Сахтыша IIa (№ 28, 9, 15, и 39). Первая – в лаборатории Л.Д. Сулержицкого в Геологическом институте РАН в 1990-е годы по костям посткраниального скелета захоронения № 28, содержащего 110 янтарных украшений. Захоронение было датировано с помощью классической β -распадной методики временем 4740 ± 110 unCalBP (ГИН-7190) или $3800\text{--}3300$ (91,4 %) CalBC (Костылёва, Уткин, 2009. С. 32; 2010. С. 44; Черных и др., 2011. С. 55). Конечно, эта дата не сопоставима с датами AMS, однако именно она заставила нас в своё время отнести захоронения с янтарём к раннему этапу развития волосоской культуры. Три остальные даты были получены AMS методом с определением резервуарного эффекта на основе анализа стабильных изотопов. Высокие значения резервуарного эффекта показали значительное удревнение образцов за счёт большой роли рыбной диеты в питании «янтароносных» людей (Meadows et al., 2024).

Захоронение мужчины – № 9 было датировано дважды – в Киле: (KiA-56422) 4978 ± 28 BP и в Белфасте: (UBA-40000) 4916 ± 35 BP. Даты (unCal BP) достаточно близки. Однако данные по резервуарному эффекту (DRE) несколько отличаются и соответствуют показателям 374 ± 97 и 671 ± 170 (Meadows et al., 2024. P. 3. Sup. Fig. S7; Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II). Правда, колебание доверительных интервалов в ту или иную сторону позволяют несколько сгладить эти различия.

Захоронение мужчины – № 39 также было датировано дважды – в Киле: (KiA-53538) 5218 ± 26 (unCal BP) (Meadows et al., 2024. P. 3) и в Белфасте: (UBA-40001) 5157 ± 35 (unCal BP) (Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II). Резервуарный эффект имеет значения 752 ± 197 и 906 ± 231 соответственно (Meadows et al., 2024. Sup. Fig. S7; Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II).

Наконец, захоронение мужчины – № 15 было датировано только в Киле. Его дата: (KiA-53562) 5293 ± 26 (unCal BP) (Meadows et al., 2024. P. 3). Резервуарный эффект имеет значение 912 ± 233 (Meadows et al., 2024. Sup. Fig. S7).

Т.о., согласно AMS датам (с учётом резервуарного эффекта) захоронения с янтарными украшениями могильника Сахтыш Па оказались в череде других, относящихся к поздневолосовскому, а не ранневолосовскому времени, как мы считали ранее.

С Сахтыша II две AMS даты были получены в лаборатории Киля по останкам мужчины и женщины из верхнего яруса коллективного захоронения (№ 12). Дата мужского захоронения: (KiA-53559) 4644 ± 24 (unCal BP), DRE 424 ± 110 , женского – (KiA-53560) 4736 ± 25 (unCal BP), DRE 446 ± 115 (Meadows et al., 2024. P. 3; Sup. Fig. S7). Мужское захоронение было также датировано в Белфасте: (UBA-39990) 4754 ± 50 (unCal BP), DRE 334 ± 89 (Allentoft et al., 2024. Sup. Tab. II). Кроме того, женское захоронение было датировано в лаборатории Пенсильванского университета – (PSUAMS-9400) – 4705 ± 25 BP, или 3621–3373 calBCE (резервуарный эффект в публикации не приводится) (Zeng et al., 2023. P. 123). Однако в захоронении было четыре индивида: под скелетами взрослых находились сильно разрушенные костяки ребёнка 5–8 лет и подростка. От них сохранились только отдельные части скелетов без черепов. Видимо, они были разрушены при совершении верхних захоронений. Именно с этими нижними костяками и были связаны янтарные украшения (Костылёва, Уткин, 2010. С. 19–20). Каков был временной промежуток между нижними и верхними захоронениями, мы можем лишь предполагать. Вместе с тем вполне очевидно, что время совершения верхних захоронений относится к финально- или пост-волосовскому времени. Об этом говорят и многочисленные (более 400) костяные трубчатые пронизки, напоминающие фатьяновские, и полускорченное положение скелетов.

Ни одно из погребений самого большого коллективного захоронения Сахтыша II (№ 15), среди костей которого были найдены малочисленные (погребения № I, III) и единичные (погребения № II, IV, V) янтарные украшения, не подвергалось датированию. Однако одна AMS дата была выполнена в лаборатории Киля по образцу, видимо, самого последнего по времени совершения в данной могиле захоронения женщины (№ VII): (KiA-53561) 5114 ± 26 BP (DRE 708 ± 169) (Meadows et al., 2024. P. 3; Sup. Fig. S7). С ней не было никаких предметов, кроме положенной вблизи изголовья нижней челюсти медведя. Умершая была «подхоронена» с западного края могильной ямы. Её костяк частично перекрывал XVII захоронение и затрагивал XVIII (Костылёва, Уткин, 2010. С. 79. Рис. 17). Логично предположить, что захоронения с янтарём (все они располагались в верхнем ярусе) относятся к несколько более раннему времени, чем покойница № VII. Не только приведённые выше данные по абсолютному датированию, но и поздние типы янтарных украшений говорят о том, что коллективная могила относится к поздневолосовскому времени.

В заключение необходимо отметить, что для выявления реальной картины жизненного пути «янтароносных» людей необходимо проведение дальнейших не только хронологических, но и генетических исследований. Немалую роль в этом должно сыграть и создание более точной хронологической шкалы по типологии янтарных украшений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В. и др., 1997. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М.: Научный мир. 191 с.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 2000. Волосовские погребения с янтарём могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь. С. 175–184.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 2009. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Иваново. Вып. 4. С. 28–37.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 2010. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС. 300 с.
- Крайнов Д.А., 1973. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С. 46–55.
- Никитин В.В., 2017. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10). Йошкар-Ола: Издательство Марийского государственного университета. 765 с.
- Престижная экономика первобытных людей: сборник статей, 2022. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета. 186 с.
- Уткин А.В., Костылёва Е.Л., 2006. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет. С. 124–126.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б., 2011. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: Институт археологии РАН. С. 24–62.
- Allentoft M.E., Sikora M., Refoyo-Martínez A. et al., 2024. Population genomics of post-glacial western Eurasia. *Nature* 625. 301–311.
- Meadows J., Khramtsova A., Piezonka H. et al., 2024. Dietary 14C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // *Science Advances* 10. eadk 2904.
- Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M. et al., 2013. Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh Ila, Upper Volga region, Russia // *Documenta Praehistorica*. XL. P. 57–73.
- Zeng T.C., Vyazov L.A., Kim A. et al., 2023. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages // *bioRxiv preprint* doi: <https://doi.org/10.1101/2023.10.01.560332>

**ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО СЫРЬЯ
С НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

© 2024 г. **Е.Л. Лычагина** (LychaginaE@mail.ru), **Е.М. Томилина**

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия*

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты петрографического анализа каменного инвентаря 9 неолитических памятников. Для изготовления орудий использовались кремль, яшма и кремнистый сланец. Макроорудия производились из песчаника, кварцитопесчаника, туфа, габбро, опоки. Всё сырьё местного происхождения. Отличий в стратегии выбора каменного сырья не отмечено.

Ключевые слова: неолит, петрография, кремль, яшма, кремнистый сланец.

**PETROGRAPHIC ANALYSIS OF STONE RAW MATERIALS
FROM NEOLITHIC SITES OF THE UPPER AND MIDDLE KAMA REGION**

© 2024 **E.L. Lychagina** (LychaginaE@mail.ru), **E.M. Tomilina**

Perm State National Research University, Perm, Russia

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia

Abstract. The article presents the results of petrographic analysis of stone tools from 9 Neolithic sites. Flint, jasper and chert were used to make tools. Macrotools were made from sandstone, quartzite sandstone, tuff, gabbro. All raw materials are of local origin. There were no differences in the strategy for choosing stone raw materials.

Keywords: Neolithic, petrography, flint, jasper, chert.

Введение. Регион исследования охватывает территорию Среднего Предуралья, расположенную в верхнем и среднем течении р. Камы в пределах современного Пермского края. Здесь известно около 90 археологических памятников, на которых были изучены неолитические комплексы. Эти комплексы относятся к двум археологическим культурам – камской (большинство) и волго-камской (Лычагина, 2020).

Первые петрографические исследования материалов неолитических памятников региона были проведены еще в середине прошлого века по просьбе руководителя КАЭ – О.Н. Бадера. В частности, были проанализированы каменные изделия из устья р. Чусовой (Чирвинский, 1956. С. 243–252) и со стоянки Хуторская (Старков, 1960. С. 72–79).

В дальнейшем традиция петрографического изучения материалов раскопок памятников каменного века прервалась на несколько десятилетий и возобновилась уже в XXI в., когда эти работы были продолжены Е.Л. Лычагиной и М.А. Кульковой на базе ЦКП «Геоэкология» РГГУ им. Герцена (см. напр.: Лычагина и др., 2023. С. 605–620). С 2022 г. петрографический анализ каменного сырья и керамики с памятников каменного и бронзового веков проходит в ЦКП ПГНИУ и на кафедре минералогии и петрографии ПГНИУ (Томилина и др., 2023. С. 247–255).

Рис. 1. Карта расположения неолитических памятников, материалы которых использовались для проведения петрографического анализа (1 – Васюково I; 2 – Хомутовское болото II; 3 – Хуторска; 4 – Чашкинское Озеро IX; 5 – Посёй I; 6 – Боровое Озеро I; 7 – Мокино I; 8 – Кряжская I; 9 – Чернушка I).

Цель данной статьи – обобщить и проанализировать все имеющиеся сведения о петрографическом изучении каменных изделий с неолитических памятников региона.

Материалы. Всего нами было учтено 63 образца с 9 неолитических стоянок и поселений, расположенных в разных частях региона (Рис. 1). Дадим краткую характеристику памятников.

Васюково I, поселение расположено на левом берегу р. Березовки в 0,05 км к западу от бывш. хутора Васюкова и в 3,5 км от впадения р. Березовой в Чусовское озеро Чердынского городского округа Пермского края (Рис. 1: 1). Памятник многослойный, присутствуют материалы периода неолита (камская культура) энеолита, бронзового века. Для проведения петрографического анализа было использовано 4 образца, собранных в размываемой части памятника в 2021 г. Анализ проведен М.А. Кульковой.

Стоянка Хомутовское болото II расположена на эоловой дюне на поверхности первой надпойменной террасы на левом берегу р. Вишеры в 3,9 км к ЮЗ от п. Данилов Луг Красновишерского городского округа Пермского края (Рис. 1: 2). Памятник относится к развитому (хutorскому) этапу камской неолитической культуры. Для проведения петрографического анализа было отобрано 10 образцов из раскопок Д.А. Демакова 2023 г. (Томилина и др., 2023. С. 247).

Хуторская неолитическая стоянка находится в 9 км к СЗ от г. Березники в устье р. Медведки на первой надпойменной террасе р. Камы (Рис. 1: 3). Памятник относится к развитому (хutorскому) этапу камской неолитической культуры. Петрографический анализ 24 предметов из раскопок В.П. Денисова 1952–54 гг. был проведен Н.П. Старковым (1960. С. 72–79).

Стоянка Чашкинское Озеро IX находится в 11,1 км к северо-западу от г. Березники, в 5,4 км к юго-западу от д. Чашкино (Рис. 1: 4). Памятник расположен на первой надпойменной террасе р. Камы (восточный берег Чашкинского озера), высотой около 7 м. На стоянке присутствуют материалы, относящиеся к камской и волго-камской неолитическим культурам, а также к гаринской энеолитической культуре. Для проведения петрографического анализа было отобрано 5 образцов из раскопок Е.Л. Лычагиной 2015 г. Анализ проведен М.А. Кульковой.

Посёл I поселение-могильник расположено в центре одноименного поселка за Домом культуры на высоком, 18–20 м, правом коренном берегу р. Обва в Ильинском городском округе Пермского края (Рис. 1: 5). Памятник относится к развитому (хutorскому) этапу камской неолитической культуры. Для проведения петрографического анализа было отобрано 4 образца из раскопок Е.Л. Лычагиной 2003 г. Анализ проведен Е.М. Томилиной.

Стоянка Боровое Озеро I находилась в 2 км к югу от д. Верхние Гари на берегу Борового озера (старица в правобережье р. Чусовой недалеко от ее устья). В настоящее время полностью затоплена Камским водохранилищем (Рис. 1: 6). Памятник относится к развитому (хutorскому) этапу камской неолитической культуры. Петрографический анализ 8 образцов из раскопок О.Н. Бадера 1947–1948 гг. был проведен П.Н. Чирвинским (1956. С. 243–252).

Таблица 1. Результаты петрографического анализа каменного сырья с неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья.

сырьё \ памятник	Васюково I	Хомутовское болото II	Хуторская	Чашкинское Озеро IX	Посёр	Боровое Озеро I	Мокино	Кряжская	Чернушка	Всего
Кремень	2	3	3	2	-	4	-	3	1	18
Яшма	1	4	5	2	1	-	2	-	1	16
Кремнистые сланцы	-	2	3	-	3	2	-	-	1	11
Песчаники и алевролиты	-	1	4	1	-	-	-	-	-	6
Кварцитопесчаники	1	-	2	-	-	-	-	-	-	3
Филлиты	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
Туфы	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
Габбро	-	-	3	-	-	-	-	-	-	3
Опоки	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
Итого	4	10	24	5	4	8	2	3	3	63

Мокино I поселение-могильник расположен на левом берегу р. Нижняя Мулянка, между д. Мокино и с. Башкултаево в Пермском муниципальном округе Пермского края (Рис. 1: 7). Памятник относится к раннему этапу камской неолитической культуры. Для проведения петрографического анализа было отобрано 2 образца из раскопок А.Ф. Мельничука 1987 г. Анализ проведен Е.М. Томилиной.

Кряжская I стоянка расположена на краю второй надпойменной террасы в левобережье р. Камы в 0,05 км к востоку от д. Кряж Осинского городского округа Пермского края (Рис. 1: 8). В настоящее время памятник разрушен Воткинским водохранилищем. Стоянка относится к развитому (хуторскому) этапу камской неолитической культуры. Для проведения петрографического анализа было отобрано 3 образца из раскопок В.П. Денисова 1956 г. Анализ проведен Е.М. Томилиной.

Поселение Чернушка I расположено на территории одноименной деревни, в 7 км к западу от г. Чайковского в Чайковском городском округе Пермского края (Рис. 1: 9). Памятник занимает край левобережной камской боровой террасы, ограниченный почти отвесным береговым обрывом высотой 10–14 м. На поселении присутствуют материалы, относящиеся к камской и волго-камской неолитическим культурам, а также к бронзовому веку. Для проведения петрографического

анализа было отобрано 3 образца из раскопок Е.Л. Лычагиной 2003 г. Анализ проведен Е.М. Томилиной.

Таким образом, из перечисленных памятников 4 расположено в Верхнем Прикамье и 5 – в Среднем (Рис. 1). На 6 памятниках присутствуют только неолитические материалы, еще 3 поселения многослойные. Комплексы, относящиеся к камской неолитической культуре, присутствуют на всех памятниках. Материалы, относящиеся к волго-камской культуре, зафиксированы на 2 поселениях.

Результаты исследований и обсуждение. Результаты исследования представлены в таблице 1. Из нее видно, что наиболее активно для изготовления орудий использовались кремни, яшмы и кремнистые сланцы. Все они относятся к кремневым породам, в минеральном составе которых преобладают кварц и халцедон. Это крепкие и монолитные породы, которые на свежем изломе имеют так называемую афанитовую или стекловатую макроструктуру, будучи похожими на поперечный скол разбитого толстого стекла, без признаков какой-либо зернистости с режущими и часто просвечивающими краями (Япаскurt, 2008. С. 217–218). Истинные микроструктуры и компонентные составы пород выявляют только микроскопические наблюдения (оптические электронные). В геологии все халцедоновые и кварц-халцедоновые породы следует называть *кремнями* в широком смысле слова. Точное установление видового названия породы основывается на трех основных показателях – минеральном составе, структуре и форме нахождения в природе (Фролов, 1992. С. 279–281). Но так как образцы представлены отщепами от орудий, то в данном случае можно основываться только на минеральном составе и структуре.

По петрографическим исследованиям минеральный состав кремней состоит из сочетаний разных форм кремнезема: кварц-халцедона, опал-халцедона, кварца-халцедона-опала. Для кремней, в отличие от яшм, характерна пелитоморфная, микрозернистая структура. Яшмы слагаются преимущественно халцедоном либо смесью халцедона и кварца микрозернистой размерностью. В составе яшм наблюдается примесь оксидов железа и марганца, а в некоторых разновидностях присутствует органическое вещество, глинистые минералы, карбонаты. Кремнистые сланцы состоят из кварца, халцедона и тонкодисперсного глинистого материала с примесью тонкорассеянного углистого вещества. Отличаются полосчатой, тонкослоистой и сланцевой текстурой. Во всех образцах в разном количестве встречаются обломки скелетных форм – обломки раковин фораминифер, остракод, спикул губок, брахиопод, стенки и камеры которых выполнены халцедоном. Судя по фаунистическим остаткам, кремневые породы были морскими образованиями, которые подверглись вторичным изменениям.

В работах археологов часто встречается понятие *кремень плитчатый*, которое больше соответствует археологическому описанию сырья, чем литолого-петрографическому определению. Если объединить литературные источники по литологии и минералогическую однородность образцов, которая показывает содержание халцедона микрозернистой размерности, то можно уточнить видовое название этих пород до *яшм*. Хочется отметить, что *кремень плитчатый* не

считается неправильным названием, так как в силу специфики образцов мы основываемся только на петрографической характеристике (минеральный состав, структура), мы не знаем форму нахождения пород в природе. Яшмы в природе встречаются в пластовой форме нахождения, кремни – в конкреционной форме (Япаскурт, 2008. С. 218).

Для создания макроорудий в период неолита использовали обломочные породы (табл. 1). Они различны по составу. Одни образцы (стоянки Хомутовское болото II, Чашкинское Озеро IX, Хуторская) сложены в основном обломками пород различного генезиса: кремневыми породами, эффузивами, кварцитами, единичными глинистыми, кремнисто-глинистыми породами, обломками гранитоидов. Такой состав характерен для полимиктовых песчаников (граувакки), которые присутствуют в отложениях верхнепермского возраста. Образцы кварцитопесчаников сложены в основном кварцем и полевым шпатом, где уже контуры и границы обломков вдавливаются друг в друга, приобретая конформные очертания, что говорит о преобразовании породы. Такие песчаники характерны для нижнепалеозойских отложений, которые присутствуют в виде галек в верхнепермских конгломератах. Разнообразнее всего они представлены в материалах стоянки Хуторская. Это связано как с особенностью самого памятника – наличие долговременных жилищ, вокруг которых происходила вся хозяйственная жизнь населения, так и с лучшей петрографической изученностью материалов стоянки (24 образца). Стоит отметить, что изделия из песчаников и кварцитопесчаников присутствуют практически на всех неолитических памятниках региона.

Проведенный анализ не выявил особой разницы в выборе сырья между поселениями, расположенными в Верхнем и Среднем Прикамье – везде картина примерно одинаковая. Тоже самое можно сказать при сравнении многослойных поселений и стоянок, где фиксируются только неолитические материалы. Состав каменного сырья на памятниках волго-камской культуры не отличается от каменных пород, представленных на памятниках камской культуры.

При сравнении полученных результатов с итогами петрографического анализа материалов мезолитических памятников региона наблюдается сходная картина – преобладание кремня и яшмы в качестве основных видов сырья и использование кварцитопесчаников, песчаников, алевролитов для изготовления макроорудий (пешни, отбойники, грузила) (Лычагина и др., 2024).

Для памятников гаринской энеолитической культуры также характерно использование органогенного кремня и окремненной яшмы при изготовлении основных видов режущих и скребущих орудий, а для производства шлифованных предметов – сланцев, долеритов, габбро и серпентинитов (Лычагина и др., 2023. С. 615).

Заключение. Проведенный анализ показал устойчивость традиции отбора кремнистого сырья для изготовления основных форм орудий на территории всего региона Верхнего и Среднего Прикамья. Мы не отметили каких-либо серьезных территориальных, хронологических или культурных отличий в этом выборе. Возможно, это связано с недостаточностью, имеющейся источниковой базы и про-

должение исследований в этом направлении позволит выделить какие-то нюансы, характерные для отдельных памятников, территорий, культур.

Некремнистое сырьё использовалось, в основном, для изготовления макроорудий – грузил, отбойников, точильных камней, рубящих орудий и т.д. Его состав довольно разнообразен, особенно на долговременных поселениях. Ведущую роль играли песчаники различного происхождения и алевролиты.

Стоит также заметить, что все проанализированное сырьё имеет местное происхождение. Пока мы не зафиксировали импорта каких-то пород камня из других регионов. На территории Пермского края источники описанного выше сырья связаны с аллювиальными отложениями, которые образовались в результате выветривания древних верхнепермских отложений, которые в большинстве случаев концентрируются по берегам рек. Продолжение работ по петрографическому анализу каменного сырья с неолитических памятников региона позволит нам уточнить полученные результаты и расширить наши представления о стратегиях выбора каменного сырья древними жителями Прикамья.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023, <https://rscf.ru/project/23-68-10023/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лычагина Е.Л., 2020. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Изд-во ПГТПУ. 364 с.
- Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Кулькова М.А., Томилина Е.М., Батуева Н.С., 2024. Итоги петрографического анализа каменного инвентаря Косинских стоянок эпохи мезолита (Северное Прикамье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (65). С. 31–42.
- Лычагина Е.Л., Копытов С.В., Кулькова М.А., 2023. Результаты петрографического анализа каменного сырья с энеолитических памятников Верхней и Средней Камы // Прочнее меди (сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева). Кишинев: Библиотека Stratum. С. 605–620.
- Старков Н.П., 1960. Петрографическая характеристика каменных орудий Хуторской стоянки // Ученые записки. Т. XII. Вып. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь: Пермское книжное издательство. С. 72–79.
- Томилина Е.М., Лычагина Е.Л., Майстренко Д.А., Демаков Д.А., 2023. Петрографический анализ каменного инвентаря с археологических памятников бассейна Нижней Вишеры // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера. Пермь: ПГНИУ. С. 247–255.
- Фролов В.Т., 1992. Литология. Книга 1: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ. 336 с.
- Чирвинский П.Н., 1956. Петрографическая характеристика каменных орудий стоянок Усть-Чусовского района Молотовской области // Ученые записки. Т. VII. Вып. 4. Молотов: Изд-во МГУ. С. 243–252.
- Япаскурт О.В., 2008. Литология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия». 336 с.

**РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ПУТИ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

© 2024 г. **А.Н. Мазуркевич** (*a-mazurkevich@mail.ru*), **Е.В. Долбунова,**
А.В. Фризен

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
Институт наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В публикации представлено обсуждение пространственно-временных моделей, созданных для Восточной Европы, возможностей прогнозирования проникновения древнейших керамических традиций, результаты ГИС-анализа распространения памятников раннего неолита.

Ключевые слова: неолит, моделирование, пространственное распределение памятников, культурные традиции, хронология.

**EARLY NEOLITHIC MONUMENTS OF EASTERN EUROPE:
ROUTES AND FEATURES OF DISTRIBUTION**

© 2024 **A.N. Mazurkevich** (*a-mazurkevich@mail.ru*), **E.V. Dolbunova,**
A.V. Frizen

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
Institute of Earth Sciences of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. This study discusses the spatial and temporal models created for Eastern Europe, the possibilities of predicting the penetration of the oldest ceramic traditions, and the results of GIS analyses of the distribution of early Neolithic sites.

Keywords: Neolithic, modelling, spatial distribution of sites, cultural traditions, chronology.

Первоначальное распространение памятников с древнейшей глиняной посудой приурочено к бассейнам основных водных артерий Восточной Европы и следует меридиональному направлению. Освоение водоразделов и широтное направление связей фиксируется на более позднем этапе и связано с формированием вторичных керамических центров (Мазуркевич и др., 2013). В данном исследовании будет представлено обсуждение пространственно-временных моделей, созданных для Восточной Европы, возможностей прогнозирования проникновения древнейших керамических традиций, результаты ГИС-анализа распространения памятников раннего неолита.

Пространственно-временные модели распространения древнейшей керамики

На основе анализа существующих датировок были предложены волновые регрессивные модели распространения древнейшей керамики для территории Евразии с учетом самых ранних памятников Дальнего Востока, которые принимались как исходная точка зарождения навыков изготовления керамики (Davison et al., 2009; Silva et al., 2014; Jordan et al., 2016). Данные модели не учитывали особенности рельефа, природные границы и пути распространения с расчетом через инструмент 'стоимостного расстояния' (cost distance), а также типологическую близость или различия отдельных керамических комплексов. Волновые модели

для территории Восточной Европы включали серии удревненных датировок (по раковинам или нагару), а также датировок материалов более поздних этапов неолита, что привело к искусственному опусканию нижней границы появления керамики и «растягиванию» времени существования первой керамики. Появление глиняной посуды независимо в различных центрах также усложняет регрессивную пространственно-хронологическую модель. Новые исследования для Восточной Европы с учетом близости компонентов материальной культуры, использованием датировок без возможного влияния резервуарного эффекта с узким калибровочным интервалом, атрибутирующих отдельные события, позволили предположить скорость и пути распространения ранненеолитических керамических традиций. Максимальные положительные корреляции для распространения морфологии, орнаментации и технологии керамики были выявлены на расстоянии 100 км, вплоть до 250–500 км от каждого памятника. Крайне отрицательные корреляции отмечены за пределами 500–700 км. Это может дать представление о расстояниях, на которые знания о гончарном производстве непосредственно передавались между разрозненными сообществами охотников-собирателей через распространение носителей традиций или скорее – опосредованную передачу знаний по сформированным сетям коммуникации (Dolbunova et al., 2022).

В пространственно-временные модели заложена идея прогнозирования появления и распространения керамики в отдельных регионах. Отсутствие на этих территориях керамических комплексов в прогнозируемый период может быть связано с уровнем исследованности территории, либо с незаселенностью ее в данное время или проживанием социумов, которые не использовали керамику (Dolbunova et al., 2022). Подобная ситуация может быть предложена для ареала, где в более позднее время появляется комплекс керамики Цедмар, которая формируется под влиянием из многочисленных источников, включая более поздние земледельческие общества (Guminski, 2020), и, таким образом, не может рассматриваться как часть процесса первоначального распространения керамики охотников-собирателей.

Исследование распространения памятников раннего неолита

Моделирование распространения памятников с ранненеолитической керамикой было выполнено в пространстве QGIS, с учетом относительной и абсолютной хронологии комплексов и культурной атрибуции. Для исследования особенностей их расположения был описан набор признаков для каждого памятника, который включал высотные характеристики, с учетом средней высоты в пределах рассчитанного буфера (до 2,5 км), экспозиции, крутизны склона, берега реки, особенностей рельефа, расположения в отношении речной долины, части русла и речной системы, особенностей водоема, четвертичных отложений и отложений в пределах построенного буфера.

Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7-3 тыс. до н.э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., 2013. Древнейшие керамические традиции Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб. С. 27–108.
- Davison K., Dolukhanov P.M., Sarson G.R., Shukurov A., Zaitseva G.I., 2009. Multiple Sources of the European Neolithic: Mathematical Modelling Constrained by Radiocarbon Dates // The East European Plain on the Eve of Agriculture. BAR International Series 1964 / Dolukhanov P.M., Graeme R. Sarson, Shukurov A.M. (eds.). Oxford. P. 197–211.
- Dolbunova E., Lucquin A., McLaughlin T.R., Bondetti M., Courel B., Oras E., Piezonka H., Robson H.K., Talbot H., Adamczak K., Andreev K., Asheichyk V., Charniauskі M., Czekaj-Zastawny A., Ezepenko I., Grechkina T., Gunnarssone A., Gusentsova T.M., Haskevych D., Ivanischeva M., Kabaciński J., Karmanov V., Kosorukova N., Kostyleva E., Kriiska A., Kukawka S., Lozovskaya O., Mazurkevich A., Nedomolkina N., Piličiauskas G., Sinitsyna G., Skorobogatov A., Smolyaninov R.V., Surkov A., Tkachov O., Tkachova M., Tsybrij A., Tsybrij V., Vybornov A.A., Wawrusiewicz A., Yudin A.I., Meadows J., Heron C., Craig O.E., 2023. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behaviour. № 7. P. 171–183.
- Guminski W., 2020. The oldest pottery of the Para-Neolithic Zedmar culture at the site Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Documenta Praehistorica. XLVII. P. 126–154.
- Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J., 2016. Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: Emerging insights and future research // Antiquity. № 90 (351). P. 590–603.
- Silva F., Steele J., Gibbs K., Jordan P., 2014. Modeling spatial innovation diffusion from radiocarbon dates and regression residuals: the case of early old world pottery // Radiocarbon. Vol. 56. Nr 2. P. 723–732.

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2024 г. **А.А. Малиютина** (kostylanya@yandex.ru), **А.А. Выборнов,**
Т.Ю. Гречкина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия

Государственное автономное учреждение Астраханской области «Научно-
производственное учреждение «Наследие», Астрахань, Россия

Аннотация. В результате археологических раскопок последних лет памятников неолита Нижнего Поволжья, таких как Алгай (вторая половина VI тыс. до н.э.) и Приозерная (вторая четверть VI тыс. до н.э.) была получена небольшая коллекция предметов из кости. Согласно результатам проведённого трасологического исследования 13 предметов (анализ технологии и функции), были выделены такие категории орудий и изделий, как проколки, острия, шпатели, наконечники копий и украшения-пронизки.

Ключевые слова: неолит, Нижнее Поволжье, кость, изделия, трасология.

NEOLITHIC BONE TOOLS OF THE LOWER VOLGA REGION

© 2024 **A.A. Malyutina** (kostylanya@yandex.ru), **A.A. Vybornov,**
T.Yu. Grechkina

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia
The State Autonomous Institution of the Astrakhan Region Scientific and Production
«Nasledie», Astrakhan, Russia

Abstract. As a result of archaeological excavations in recent years of Neolithic sites of the Lower Volga region such as Algai (second half of VI mill. BC) and Priozerная (second quarter of VI mill. BC), a small collection of bone items was obtained. According to the results of the traceological study of 13 items (technological and functional analysis), such categories of tools and products as awls, points, spatulas, spearheads and beads were identified.

Keywords: Neolithic, Lower Volga region, bone, items, traceology.

Неолитических памятников полупустынной и степной зон России с сохранившимися артефактами из твёрдого органического сырья (кости, рога, зубов), в силу естественных природных условий залегания культурных слоёв, известно мало. Однако понятно, что изделия утилитарного и неутилитарного характера из этого сырья занимали важное значение в хозяйстве культур позднего каменного века. В связи с этим нами было принято решение детально проанализировать материалы таких стоянок как Алгай и Приозерная, где, наравне с остеологической коллекцией, имеются и немногочисленные изделия из кости.

Стоянка Алгай находится на правом берегу р. Большой Узень в 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области. Костяные изделия обнаружены в раскопе 2021 г. в культурном слое, принадлежащем орловской неолитической культуре. Они залегали в 32, 37, 38 и 39 штыках. Для 32 штыка получена дата по костям животных 6470 лет BP, для 36 – 6643 BP и для 42 – 6780 лет BP (Выборнов и др., 2022).

Стоянка Приозерная находится в 20,5 км на ССЗ от поселка Байбек Красноярского района Астраханской области, в 19 км на север от реки Кигач. Памятник является однослойным и относится к тентексорскому типу позднего неолита. Судя по радиоуглеродным датам, он бытовал около 6700 лет ВР (Гречкина, Выборнов, 2023).

Для анализа изделий из кости была выбрана методика экспериментально-трасологического анализа, которая наиболее полно раскрывает особенности изготовления и использования орудий и изделий по сохранившимся на их поверхности макро- и микроскопическим следам (Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996; Maigrot, 2003).

По археозоологическим определениям орловской культуры памятника Алгай (раскоп 2021 г.) преобладают останки сайги, тура, тарпана, в меньшем количестве определены кости кулана, благородного оленя, собаки (Выборнов и др., 2022. С. 148–149). Следы обработки и использования были обнаружены на 6 предметах.

Острия (4 экз.). К этой категории отнесены орудия, заготовкой для которых послужили пластины, извлечённые по предварительно прорезанным пазам из стенок диафизов длинных трубчатых костей (Рис. 1: 1). Технологические пазы убирались посредством шлифовки на абразиве, а финальная обработка изделий сводилась к чистовой обработке строганием каменным лезвием. Следы этих работ сохранились на поверхности предметов в виде слабо заметных линий. Форма и размеры острий различаются. У двух изделий сечение стержня округло-овальное, у двух – подпрямоугольное / трапецевидное (Рис. 1: 1). У одного предмета с округло-овальным сечением стержня на противоположном конце от острого кончика оформлено уплощённое симметричное небольшое навершие. У второго острия с округло-овальным сечением этот широкий конец отломан, но видно, что стержень аналогичным образом постепенно симметрично расширяется. Очевидно, имел место технико-морфологический стандарт в изготовлении орудий данного варианта. Острия с подпрямоугольным сечением не представлены в полных формах: сломы идут как на одном конце (рукояти), так и на двух (на острие и на рукояти). У трёх острий были обнаружены следы использования в виде заполировки и линейных следов, имеющие сходные между собой характеристики (Рис. 1: 2–4). Данный износ сформировался в результате работы с растительными материалами. Расположение линейных следов указывает на кинематику движения орудиями – вращение, кручение. Можно предположить, что орудия этой категории были задействованы в плетении корзин или иных ёмкостей, циновок.

Плоское изделие с выделенным симметричным сужением. Одно изделие представляет собой тонкую пластину (толщина до 2–3 мм), вырезанную из ребра небольшого животного. Следов обработки и использования из-за плохой сохранности поверхности обнаружено не было.

Украшение-пронизка. Из трубчатой кости птицы изготовлена довольно крупная (длина 33 мм) пронизка, заглаженность и заполировка которой указывают на её использование.

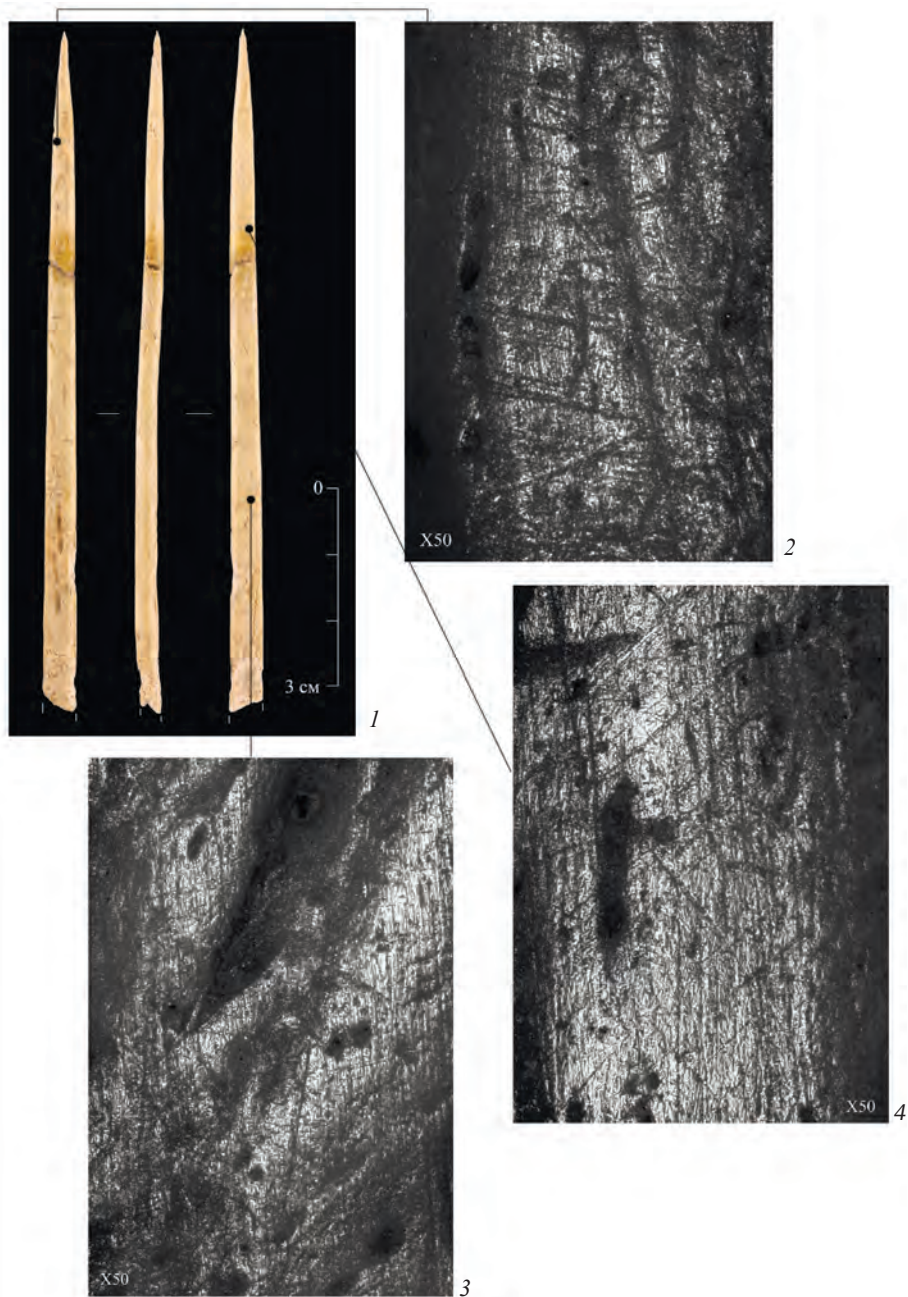

Рис. 1. Алгай 2. 1 – остриё из кости; 2 – следы использования на острие (работа по растительным материалам; ув. $\times 50$); 3–4 – следы износа на рукояти (ув. $\times 50$). Фото: А.А. Малютина.

На памятнике позднего неолита Приозерная был также получен большой археозоологический материал, судя по которому, охота велась на сайгака, кулана, тура и тарпана. Единичны кости волка, лисицы, благородного оленя (Гречкина, Выборнов, 2023. С. 9–10). С памятника Приозерная для трасологического анализа было отобрано 25 экземпляров костей, из которых только семь были отнесены к предметам со следами намеренной обработки и / или использования. В целом, можно отметить, что сохранность поверхности кости на стоянке Приозерная хуже, чем у материалов памятника Алгай (раскоп 2021 г.), как следствие информативность трасологического анализа в данном случае крайне мала. Приведём небольшое описание нескольких категорий инвентаря из кости, которые были нами выделены.

Острия. В эту категорию отнесены два предмета. Заготовкой для одного орудия послужил фрагмент грифельной кости лошади (здесь и далее определения Н.В. Росляковой), у которой был сохранён эпифиз, а на диафизе при помощи строгания было заточено овальное в сечении рабочее остриё. Второе изделие изготовлено на фрагменте раскалывания / расщепления диафиза левой берцовой кости лошади. В силу плохой сохранности поверхности у обоих изделий сферу их использования установить не удалось.

Шпатель (или ложило). Анализ поверхности одного небольшого фрагмента ребра некрупного животного без следов видимой специальной обработки выявил наличие на одной стороне плохо сохранившихся следов использования в виде участков с заполировкой и регулярными однонаправленными линейными следами.

Наконечник копья. В единственном экземпляре на памятнике был найден целый наконечник, изготовленный из правой плюсневой кости взрослой лошади. На дистальном эпифизе оформлено асимметрично скошенное остриё. В торце сохранённого проксимального эпифиза специально пробито и дорезано отверстие для фиксации деревянного насада. На острие прослежены следы использования, характерные для метательного износа.

Заготовка. Небольшой фрагмент трубчатой кости мелкого млекопитающего является заготовкой украшения-пронизки.

Ещё два костяных фрагмента имеют следы обработки в виде шлифовки и резания, но следов использования на них обнаружено не было.

Комплексы костяных изделий стоянок Алгай (раскоп 2021 г.) и Приозерная разные между собой. Так, категория острий со стоянки Алгай имеет много общего (технология изготовления, использование) с аналогичными изделиями со стоянки Байбек в Северном Прикаспии (Гречкина и др., 2020. С. 134. Рис. 1: 8, 10, 11), с Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004. С. 92. Рис. 1, 3–6), с поселения Ракушечный Яр в Нижнем Подонье (Мэгро и др., 2023). В целом, можно сказать, что острия данного технико-морфологического облика (изготовленные на пластинах из длинных трубчатых костей, с обработкой шлифовкой, с двумя или одним остриём на концах) являются распространённой чертой культур раннего неолита Закавказья (культуры Араташен-Шулавери-Шомутепе) и культур раннего неолита

Передней Азии (например, некоторые: Taha, 2014; Badalyan et al., 2022; Campana, 1989; Paul et al., 2022). В позднем неолите Нижнего Поволжья острый данного типа уже нет, что видно на примере материалов стоянки Приозерная.

Копья из почти целых метаподий редки в неолите. Одно похожее изделие нам удалось найти по публикациям в материалах неолитической стоянки Сахтыш II (Гадзяцкая, 1966. С. 23. Рис. 9: 18). Надо отметить, что предметы охотничьего вооружения (наконечники стрел, копий и пр.) из кости или рога в целом не характерны для раннего неолита Нижнего Поволжья или Нижнего Подонья. Примечательно отсутствие заготовок (за исключением единственной заготовки на стоянке Приозерная) и отходов производства. Не исключено, что это свидетельствует о недолговременности памятников и изделия были принесены в готовом виде.

Исследование проведено в рамках ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Гилязов Ф.Ф., Дога Н.С., Кулькова М.А., Платонов В.И., Попов А.С., Рослякова Н.В., Юдин А.И., 2022. Изучение стоянки Алгай в степном Поволжье в 2021 году // Самарский научный вестник. Т. 11. № 3. Самара. С. 131–151.
- Гадзяцкая О.С., 1966. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. М.: Наука. С. 16–26.
- Гречкина Т.Ю., Малютина А.А., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С., 2020. Костяные изделия неолитической стоянки Байбек // Самарский научный вестник. Т. 9. № 2 (31). Самара. С. 132–144.
- Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., 2023. Новая неолитическая стоянка Приозерная в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28. № 4. Волгоград. С. 6–22.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е., 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 1. СПб.: ИИМК РАН. 80 с.
- Мэгро Й., Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., 2023. Ранненеолитический комплекс костяных и роговых изделий п. Ракушечный Яр: технологические стратегии и функциональный контекст // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51. № 4. Новосибирск. С. 35–44.
- Семёнов С.А., 1957. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 240 с.
- Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья: монография. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 200 с.
- Badalyan R., Chataigner C., Harutyunyan A. (ed.), 2022. The Neolithic Settlement of Aknashen (Ararat valley, Armenia), Excavation seasons 2004–2015. Oxford: Archeopress Archaeology. 316 p.
- Campana D.V., 1989. Natufian and protoneolithic bone tools: the manufacture and use of bone implements in the Zagros and the Levant. Oxford. 156 p. (BAR International Series. Vol. 494).
- Maigrot Y., 2003. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, la station 4 de Chalais (Néolithique final, Jura, France). PhD thesis. University of Paris I. Paris. 284 p.
- Paul J.W., Sivil C., Çevik Ö., 2022. The Neolithic worked bone assemblage from Ulucak Höyük, Western Anatolia // Documenta Praehistorica. Vol. XLIX. P. 2–13.
- Taha B., 2014. A preliminary study on the Neolithic bone tools from Kamiltepe (Azerbaijan, Caucasus) // An Overview of the Exploitation of hard Animal Materials during the Neolithic

and Chalcolithic. Proceedings of the GDRE PREHISTOS Work-Session in Targoviste, Romania, November 2013. P. 43–56.

**ТИПОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ:
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

© 2024 г. **А.Г. Марочкин** (comcon@yandex.ru)

*Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и
углехимии СО РАН, Кемерово, Россия*

Аннотация. В Верхнем Приобье изучено более 30 неолитических могильников. Их типологией подтверждается сформированность в раннем/развитом неолите региона общего социокультурного пространства, с его фрагментацией в позднем неолите под внешним инокультурным воздействием. Основной формой социальной организации были небольшие кровнородственные коллективы охотников-рыболовов, реализующих локальную модель культуры.

Ключевые слова: погребальные комплексы, социокультурное пространство, неолит, Верхнее Приобье, юг Западной Сибири.

**TYPOLOGY OF NEOLITHIC BURIAL GROUNDS IN THE HIGH OB RIVER REGION:
SOME ASPECTS OF SOCIO-CULTURAL INTERPRETATION**

© 2024 **A. G. Marochkin** (comcon@yandex.ru)

*The Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal
Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia*

Abstract. More than 30 Neolithic burial grounds have been studied in the high Ob River region. Their typology justifies the well formed social and cultural space in the Early/Developed Neolithic of the region with it fragmentation in the Late Neolithic due to external cultural impact. The main form of a social organization was small blood related groups of hunters-fishermen who practiced the local cultural model.

Keywords: burial assemblages, socio-cultural space, Neolithic, High Ob River region, South of Western Siberia.

1. Верхнее Приобье характеризуется наличием нескольких ландшафтных зон: равнинно-лесостепного Новосибирско-Барнаульского Приобья; Алтайской горной системы и её северных лесостепных предгорий; Кузнецко-Салаирской горной области с сочетанием степных, лесостепных и горно-таежных ландшафтов; южно-таежного Томского Приобья. Здесь изучены более 30 могильников неолитического времени (середина VI – начало IV тыс. до н.э.). Предложено их типологическое разделение на пять территориально локализованных групп (Марочкин, 2014. С. 10–12).

Группа № 1 (с двумя хронологическими подгруппами) – бескерамические погребения Новосибирского Приобья и Кузнецко-Салаирской горной области (могильники Крутиха 5/1, Усть-Алеус, Ордынское 1е/1, Яйский, Васьковский, Лебеди 2, Лебеди 3, Трекино, Тамбарское погребение); группа № 2 – бескерамические погребения Барнаульского Приобья (могильники Большой Мыс/Иткуль, Тузовские Бугры 1, Фирсово 11, Костенкова Избушка, Чудацкая Гора, погребение у с. Фоминское); группа № 3 – бескерамические погребения Горного Алтая

и его северных предгорий (Усть-Иша, Солонцы 5, погребение в пещере Каминной); группа № 4 – погребения с кипринско-ирбинско-новокусковской керамикой лесостепных районов Новосибирского Приобья и Восточного Присалаирья, лесных районов Томского Приобья (могильники Ордынское 1е/2, Крутиха 5/2, Заречное 1/2, Старое мусульманское кладбище/1, Самусьский); группа № 5 – погребения с керамикой игрековского типа лесных районов Томского Приобья (могильники Томский, Старое мусульманское кладбище/1, Иштанский, погребение на Батурином острове) (Марочкин, 2014. С. 17–23).

Исследование вновь открытых захоронений подтверждает предложенную группировку, добавив в группу № 2 могильник Чумыш-Пережат (Фрибус, Грушин, 2017), а в группу № 1 – одиночное погребение в Крохалёвском АМР (Марченко и др., 2015. С. 300). Типологическое обоснование неолитического возраста могильника Фирсово 11 (ранее рядом авторов отнесен к энеолиту) теперь подтверждено серией абсолютных датировок в пределах VI тыс. до н.э. (Кирюшин и др., 2021. С. 26–27).

Хронологически следует разделить погребальные комплексы раннего/развитого неолита (группа № 1/первая подгруппа, группа № 2) с возрастом в пределах VI тыс. до н.э., и могильники поздненеолитического населения (группы № 1/вторая подгруппа, № 3, № 4 и № 5) с датами в диапазоне V–нач. IV тыс. до н.э.

Обозначенные группы могут быть объединены в два типологических массива, один из которых связан с различными вариантами грунтовых ингумаций (группы № 1–3), а второй – с практикой полной или частичной кремации на стороне, с последующим грунтовым захоронением останков (группа № 5). Погребения группы № 4 показывают преобладание ингумаций в южной лесостепной части ареала, и биритуальный характер (ингумации/кремации) в северной лесной части.

Типологические различия также фиксируются в особенностях размещения тела умершего (ориентация, поза костяка, степень анатомической целостности), реже в оформлении могильных ям, а чаще всего – в морфологической специфике предметного сопроводительного набора и определенных закономерностях его размещения в могиле. В каждой группе фиксируются частные признаки для отдельных могильников. При этом наибольшая устойчивость общего типологического контура той или иной группы прослеживается в геопространственной специфике могильников (место расположения, планиграфия, ориентировка могил и погребенных останков), а наибольшая изменчивость внутри группы – в составе сопроводительного инвентаря и декорепогребальной одежды.

2. В раннем/развитом неолите Барнаульско-Новосибирского Приобья, Восточного Присалаирья и Кузнецкой котловины типологические группы № 1/первая подгруппа и № 2 маркируют погребальную практику автохтонного неолитического населения с характерными чертами западносибирского лесостепного неолита в материальной культуре. В терминах культурной атрибуции типологическая группа № 1/первая подгруппа отражает погребальную практику населения раннего этапа верхнеобской неолитической культуры (завьяловского/изылинского).

Дефиниции для культурной атрибуции группы № 2 отсутствуют, в том числе из-за дефицита поселенческих материалов для сравнения.

В позднем неолите-энеолите Верхнего Приобья погребальные памятники отражают: 1) развитие обрядовых традиций автохтонного населения с отсутствием признаков восточносибирского влияния (группа № 4) – в принятых археологических дефинициях это поздний (кипринский/ирбинский/новокусковский) этап верхнеобской неолитической культуры; 2) изменения в погребальной практике автохтонного населения под влиянием двух самостоятельных и разных по интенсивности вариантов культурного взаимодействия с восточносибирским неолитическим населением (группа № 1/вторая подгруппа в Кузнецкой котловине; группа № 3 в предгорьях Алтая); 3) привнесение в Томское Приобье кардинально иной погребальной традиции (кремации) населением игрековской культурной общности (группа № 5).

Захоронения группы № 4 территориально совпадают с ареалом поселенческой керамики поздних этапов ВНК, а их общий ареал приурочен к переходной зоне леса и лесостепи. Возможно, речь идет о специфичной модели присваивающего природопользования, направленной на эффективное освоение биоресурсов контактной зоны, с сохранением ориентации на южные источники каменного сырья, с возможными сезонными перекочевками или постепенным переходом к хозяйственной специализации оседлых групп (Бобров, Марочкин, 2018). В таком случае биритуальность захоронений группы № 4 объясняется культурным влиянием игрековского населения на севере ареала.

Используя предложенное В.С. Мосиным понятие социокультурного пространства (Мосин, 2016), следует говорить о его относительном единстве в раннем/развитом неолите Верхнего Приобья, и сильной фрагментации этого пространства в позднем неолите-энеолите. Важнейшим фактором фрагментации стало внешнее инокультурное воздействие.

3. Экономика неолитических сообществ Верхнего Приобья базировалась преимущественно охотничьих формах присваивающего хозяйства, с вспомогательной ролью рыболовства. Это обусловлено ландшафтными особенностями региона – малым количеством озер, наличием обширных водораздельных пространств, больших по площади участков горной тайги. Возможно, ситуация могла отличаться в пользу рыболовства в широкой равнинной пойме р. Оби на юге Барнаульско-Новосибирского Приобья, и в месте слияния крупных рек в Томском Приобье. Неодинаковость ресурсного потенциала осваиваемых территорий могла приводить к разнице в плотности и степени оседлости населения. В областях с более высокой биопродуктивностью ландшафтов (Барнаульское Приобье и Томское Приобье) на отдельных могильниках зафиксировано в два раза больше погребений (Тузовские бугры – 19 мог., Большой мыс – 17 мог., Самусьский – 16 мог., СМК – 14 мог.), чем на самых крупных памятниках внутренних районов Кузнецкой котловины и предгорий Алтая (Лебеде 2 – 7 мог., Солонцы 5 – 9 мог., Усть-Иша – 9 мог.). Вместе с тем, определенное число могильников в каждой типологической группе и вовсе представлены 1–3 погребениями.

Вероятно, основной формой социальной организации неолитического населения в Верхнем Приобье были небольшие по численности, автономные и в разной степени мобильные коллективы. Есть основания предполагать их образование по принципу кровного родства (Чикишева, 2005. С. 76). Автономность существования коллектива в социокультурном пространстве предопределяет специфичные именно для него традиционные нормы, четко отличающие его даже от родственных и этнокультурно близких сообществ. Эта закономерность социокультурного устройства характерна для позднего каменного века всего лесостепного и лесного юга Урало-Западносибирского региона. В частности, она прослеживается на репрезентативных материалах неолита и энеолита Зауралья, когда каждое поселение в пределах территории в той или иной мере отличается от другого – В.С. Мосин видит в этом специфику социальных связей каждой общины (Мосин, 2016. С. 23).

Обращение к этнографии современных традиционных обществ Западной Сибири с присваивающим типом хозяйства показывает сильную типологическую вариативность всех элементов материальной и духовной культуры (в том числе погребальной обрядности и погребальной практики) в территориально локализованных группах больших этнокультурных общностей – особенно ярко это проявилось у хантов (Мартынова, 2000. С. 145–238). Есть основания считать подобную вариативность одной из диахронных тенденций развития погребальной обрядности населения Западной Сибири в голоцене, со временем первоначального формирования в периоды неолита и энеолита (Бобров, Марочкин, 2023).

В качестве гипотезы, широкая распространенность выявленной закономерности во времени и пространстве может быть объяснена в контексте теории локальных и магистральных культур, предложенной А.В. Головневым (Головнев, 2012. С. 234–237). Однако следует избегать механического разделения социокультурных образований в неолите Верхнего Приобья на локальные – в областях с предполагаемой высокой долей рыболовства, и магистральные – в областях с доминированием высокоомобильных (кочевнических?) малых охотничьих групп. В неолите региона нет главного признака магистральной культуры – освоения социокультурных ресурсов локальных культур, с выходом за рамки собственной экологической ниши. Географическая локализация неолитических социокультурных групп в пределах отдельных ландшафтных биотопов Верхнего Приобья говорит об их локальном характере. Возможно, следует искать признаки магистральной культуры в суперстратных миграционных притоках в Верхнее Приобье поздненеолитического населения из Восточной Сибири и лесных районов Среднего Приобья, но это требует отдельных доказательств.

***Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания
ФИЦ УУХ СО РАН АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и
трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в
контактных зонах Западной и Средней Сибири».***

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Марочкин А.Г., 2018.* Культурная специфика западносибирского неолита в контактной зоне лесостепи и южной тайги // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ. С. 11–13.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., 2023.* Погребальная практика населения Западной Сибири в позднем неолите: к проблеме выделения тенденций и региональной специфики // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века. Материалы симпозиума. Самара–СПб.: ИИМК РАН. С. 9–11.
- Головнев А.В., 2012.* Локальные и магистральные культуры Северной Евразии // Человек и Север: антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 234–237.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шапетько Е.В., Шмидт А.В., 2021.* К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника Фирсово-XI (Барнаульское Приобье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). Тюмень: ТюмНЦ СО РАН. С. 20–33.
- Марочкин А.Г., 2014.* Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации/ Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 33 с.
- Мартынова Е.П., 2000.* Ханты: этническая и социальная структуры в XVII – начале XX вв. Дис. ... докт. ист. наук. М. 462 с.
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В., 2015.* Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 21. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 297–302.
- Мосин В.С., 2016.* Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестник Пермского университета. История. № 1 (32). Пермь: «Perm University Press». С. 19–27.
- Чикишева Т.А., 2005.* Антропологический тип населения северных предгорий Алтая // Могилиник Солонцы – 5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. С. 72–83.
- Фрибус А.В., Грушин С.П., 2017.* Неолитические погребения могильника Чумыш-Пережат (проблемы хронологической и культурной интерпретации) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ. С. 1081–1082.

**КЕРАМИКА КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ**© 2024 г. **В.В. Морозов** (vikromolot@mail.ru)

ООО «Археология Восточно-Европейской равнины», Москва, Россия

Аннотация. Керамика раннеолитического этапа (А) поселений камской культуры подразделяется на типы (А1–3); керамика развитого этапа (В) в целом по своим показателям и содержанию идентична на всей территории распространения этой керамической традиции; на керамике позднего этапа (С) начинают проследиваться инокультурные влияния, выраженные в появлении группы сосудов «русско-азибейского» (С2) и единичной посуды «чернашкинского» (С3) типов.

Ключевые слова: камская культура, гребенчатая керамика, левшинский тип, чернашкинский тип, русско-азибейский тип, хронология.

CERAMICS OF THE KAMA NEOLITHIC CULTURE: TYPOLOGY AND CHRONOLOGY© 2024 **V.V. Morozov** (vikromolot@mail.ru)

LLC «Archaeology of the East European Plain», Moscow, Russia

Abstract. Ceramics of the Early Neolithic stage (A) of the settlements of the Kama culture are divided into types (A1–3); ceramics of the developed stage (B) are generally identical in terms of their indicators and content throughout the territory of the spread of this ceramic tradition; ceramics of the late stage (C) begin to trace foreign cultural influences, expressed in the appearance of a group of vessels «Russian-azibeysky» (C2) and single dishes of the «Chernashkinsky» (C3) types.

Keywords: Kama culture, comb ceramics, Levshinsky type, Chernashkinsky type, Russian-azibeysky type, chronology.

Исследованные поселения камской культуры содержат от 3–4 (Кабы-Копры) до 311 сосудов (Дубовогривская II). При этом на Дубовогривской II стоянке отмечены материалы как раннего, так развитого и позднего этапов. Наиболее показательны в этом плане стоянки Обсерваторская III (8 сосудов камской культуры раннего этапа) и Лебединская II (36 сосудов развитого этапа).

Ранний неолит (А). Тип А1 (Рис. 1: А1): наиболее архаичная на вид керамическая посуда, небольшая серия фрагментов керамики которой представлена на Дубовогривской II стоянке и Муллинском II поселении. Она имеет следующие признаки: сосуды закрытой формы толщиной 0,7–1,2 см с залощенной до блеска поверхностью, в качестве примеси к глиняному тесту выступают шамот (часто с включениями охры). Отличительными особенностями такой посуды являются также отсутствие орнамента, но с характерными камскими наплывами с внутренней стороны венчика (Рис. 1: А1, 1–2), присутствие на орнаментальном поле орнамента, нанесенного мелкозубчатым коротким инструментом (створкой зазубренной раковины) (Рис. 1: А1, 3–5) или углом такого штампа, с большими зонами свободными от декора.

Тип А1 отмечен на Дубовогривской II стоянке, в том числе и в жилище вместе с развалами двух накольчатых раннеолитических сосудов. Накольчатая керамика этой стоянки имеет определение 5560–5260 гг. до н.э. (Выборнов, 2008). Другой развал накольчатой посуды был выявлен при исследовании Дубовогрив-

ской II островной стоянки под руководством А.А. Чижевского в 2014 году. Благодаря любезности автора раскопок была получена радиоуглеродная дата этого сосуда: (SPb–3252) 6150 ± 120 BP; 1σ 5218–4941, 2σ 5360–4794 calBC (публикуется впервые). Таким образом, тип A1 Дубовогривской II стоянки, который на наш взгляд синхронен (или занимает близкую хронологическую позицию) накольчатой керамике этого поселения, должен датироваться этим же временем.

На Муллинском II поселении тип A1 выявлен в основании неолитического слоя. Исследователь памятника отмечал, что неорнаментированная и слабо орнаментированная мелкозубчатым инструментом керамика является древнейшей на поселении (Матюшин, 1996. С. 66). Его предположения подтвердились серией радиоуглеродных дат по неорнаментированной керамике, которая была изготовлена между 5480–5060 гг. до н.э. (Радиоуглеродная хронология..., 2016), а также серией дат по гребенчатой керамике, абсолютные даты которых имеют значения: 5470–5040 и 5133–4911 гг. до н.э. (Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2014; Морозов и др., 2022). Даты по керамике были верифицированы AMS определением по гарпуну из этого же слоя, изготовленного между 5210–4980 гг. до н.э. (Морозов, 2020).

Обилие керамической посуды на Муллинском II поселении в слое «II а» и «II б», которое не характерно для ранненеолитического этапа, основной характеристикой которого является именно небольшое количество керамики на памятниках (Кабы-Копры, Зиарат, Мокино, Усть-Букорок и др.), а также типология некоторой муллинской керамической посуды, которая соотносилась скорее с развитым этапом, подтолкнула нас с А.А. Выборновым вновь обратиться к датированию керамики с этого поселения. Для слоя «II» был отобран образец керамики, которая, на наш взгляд, соотносилась с развитым этапом: толстостенность, наплыв с внутренней стороны венчика, богато украшенное орнаментальное поле из длинных и коротких гребенчатых отпечатков образующие мотив «плетенки» (Морозов и др., 2022. С. 35. Рис. 17: 1). Полученная дата показала, что и этот сосуд был изготовлен между 5478–4951 гг. до н.э. Радиоуглеродная дата хоть и имеет широкую дисперсию ± 120 лет, тем не менее, она хорошо согласуется с уже известными определениями слоя «II».

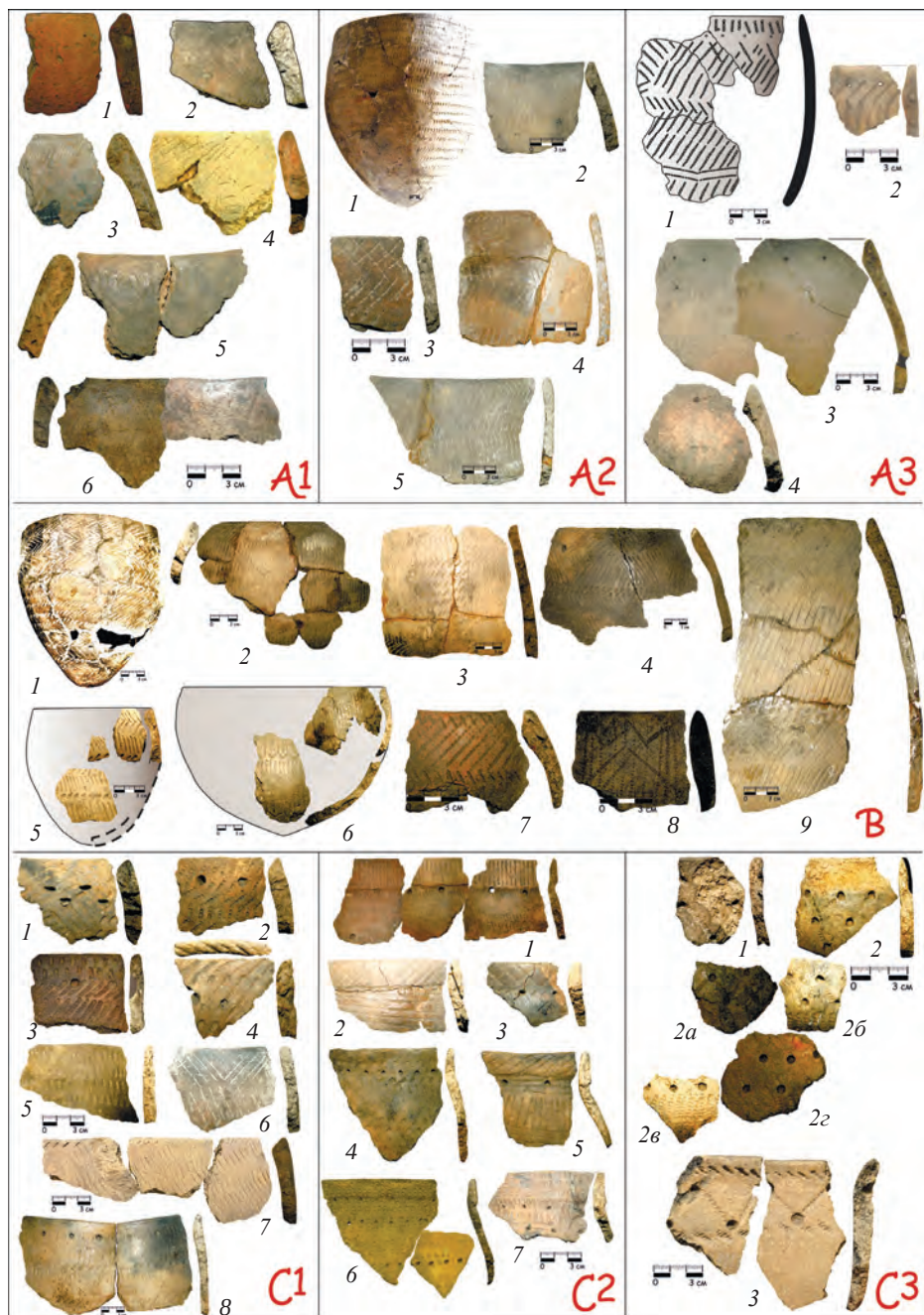
Ранний неолит (А). Тип A2 (Рис. 1: A2): сосуды со сложившимся «камским обликом», характеристика которого выглядит следующим образом: посуда закрытой формы с острым или округлым дном, толщина стенок на этой посуде еще варьирует от 0,4 до 0,8 см, хотя фиксируются и более толстостенные экземпляры. Орнамент нанесен на всю внешнюю поверхность сосудов и состоит из плотных рядов мелкозубчатого гребенчатого штампа различной длины. Орнаментальные композиции состоят из различных вариантов вертикальных, наклонных, горизонтальных линий штампа, которые часто чередуются с короткими оттисками, играющими роль разделительных линий. На такой посуде уже отмечены мотивы, которые станут преобладающими на развитом этапе – различные варианты «плетенки», вертикальный зигзаг. Подобные мотивы отмечены на стоянках Обсерваторской III, Кабы-Копры, Муллино II, Зиарат и др. Серия абсолютных дат, полу-

ченная по керамике этого типа, указывает на то, что она могла быть изготовлена в промежуток между 5478–4700 гг. до н.э. На других стоянках Нижнего Прикамья тип А2 трудно вычлениить от посуды развитого этапа в силу сильной смешанности материалов памятников.

Ранний неолит (А). Тип А3 (Рис. 1: А3): небольшая серия из четырех сосудов (1 – Обсерваторская III; 3 – Дубовогривская II) которая по характеристике аналогична типа А2 за исключением такого элемента, как пояски небольших проколов под срезами венчиков, которые, на наш взгляд, могли появиться на этой посуде под влиянием ранненеолитической накольчатой керамики Приустьевого Прикамья, сосуды которых имеют аналогичный декор (Щербетьская II, Ага-Базарские, Тетюшская IV).

Развитой неолит (В) (Рис. 1: В): «классическая» керамика камской культуры с совокупностью признаков, по которым, как было отмечено В.Н. Кармановым для материалов бассейна р. Вычегды: «...позволяет уверенно распознавать посуду камской культуры... на уровне единичных обломков. И мнение всех исследователей будет одно, а это очень редкое явление среди археологов лесного неолита» (Карманов, 2020. С. 75). Подобное наблюдение распространяется и на бассейн р. Камы, где керамика камской культуры весьма выразительна, и поэтому для развитого этапа нами не были выделены отдельные типы. Общими признаками керамики этого этапа являются сосуды с сильно или слегка закрытыми формами; со скошенными венчиками и наплывами с внутренней стороны; обильной примесью шамота/дробленной глины в составе формовочной массы, которая склеивалась органическим раствором; сплошное заполнение орнаментального поля длинными и короткими отпечатками зубчатого штампа. Гребенчатый штамп начинает изготавливаться на гальках и, возможно, на костях и других предметах. Зубцы на штампах увеличиваются в размерах, что находит отражение на орнаменте сосудов по сравнению с гребенкой на типе А2. Другой особенностью этого этапа является появление сосудов, украшенных специфическим приемом – «шагающей» гребенкой. Некоторые сосуды украшались данным декором полностью. Как правило, это горизонтальные линии зигзагов, покрывающих всю внешнюю поверхность сосудов (Муллино, Дубовогривская II), или чередование горизонтальных и наклонных рядов «шагающей» гребенки (Лебединская II).

Рис. 1. Керамика камской культуры. А1 – Ранний неолит «А» Тип А1: 1–2 – Муллинское II поселение, 3–6 – Дубовогривская II стоянка; А2 – Ранний неолит «А» Тип А2: 1–5 – Муллинское II поселение; А3 – Ранний неолит «А» Тип А3: 1 – Обсерваторская III стоянка, 2–4 – Дубовогривская II стоянка; В – Развитой неолит «В»: 1, 5 – Игимская стоянка, 2, 9 – стоянка Золотая падь II, 3 – Лебединская II стоянка, 4, 6–8 – Дубовогривская II стоянка; С1 – Поздний неолит «С» Тип С1 (левшинский): 1–4 – Дубовогривская II островная стоянка, 5 – Игимская стоянка, 6 – Муллинское II поселение, 7–8 – стоянка Золотая падь II; С2 – Поздний неолит «С» Тип С2 (русско-азибейский): 1 – Дубовогривская II островная стоянка, 2 – Золотая падь II, 3 – Золотая падь III, 4–5 – Русско-Азибейская стоянка, 6 – стоянка на Семеновском острове, 7 – Ильичевский археологический комплекс; С3 – Поздний неолит «С» Тип С3 (чернашкинский): 1 – Дубовогривская II стоянка, 2 – стоянка Золотая падь II; 3 – Русско-Азибейская стоянка.

Абсолютные даты, полученные в последние десятилетия, позволяют очертить хронологический интервал жизнедеятельности населения камской культуры, изготавливающего сосуды типа «В» в промежутке 5100–4320 гг. до н.э. (Радиоуглеродная хронология..., 2016).

Поздний неолит (С) Тип С1 «левшинский» (Рис. 1: С1): керамическая посуда, продолжающая традиции посуды развитого этапа. На керамике типа С1 в то же время появляются ряд новых черт, таких как увеличение доли крупнозубчатого короткого штампа, увеличение доли гребенчатого штампа с косыми зубцами, появление поясков с ямчатыми вдавлениями (с негативами-жемчужинами с обратной стороны); наряду со скошенными внутрь срезами венчиков появляются зауженные или немного отогнутые во внешнюю сторону. Возникает традиция украшения сосудов по срезу венчика, а также с внутренней стороны сосудов.

Поздний неолит (С) Тип С2 «русско-азибейский» (Рис. 1: С2): на позднем этапе функционирования камской культуры в Нижнем Прикамье появляется специфическая керамика с «воротничковым» утолщением под венчиком. В процентном соотношении доля воротничковых сосудов на поздненеолитическом этапе камской культуры невелика. На Русско-Азибейской стоянке процент воротничковых сосудов увеличивается, что, по-видимому, говорит о более поздней хронологической позиции материалов этой стоянки, в керамике которой появляются в том числе и элементы, характерные для новоильинской культуры (Морозов, 2018). Исследователи неолита Волго-Камья единодушны во мнении, что появление такой посуды в Нижнем Прикамье связывается с влиянием «моды» на регион мариупольской КИО (Габышев, 2003; Выборнов, 2008; Моргунова, 1995; 2011 и др.).

Поздний неолит (С) Тип С3 «чернашкинский» (Рис. 1: С3): единичные сосуды, украшенные гребенчато-ямочным орнаментом. В отличие от ямочных вдавлений под венчиками на сосудах С1, ямочный орнамент на чернашкинском типе выполнен вдавлениями белемнитов. Пояски ямок на сосудах этого типа занимают подчиненное положение, выполняя функции разделительных зон для орнаментальных мотивов, выполненных гребенчатым штампом. В Нижнем Прикамье тип С3 представлен единичными сосудами стоянок: Дубовогривская II (1 экз.), Золотая падь II (1 экз.), Кутурган-Ерганак (минимум 2 экз.), Русско-Азибейская (минимум 3 экз.). При этом следует отметить, что все эти памятники расположены в Восточном Закамье. Выше по течению р. Камы гребенчато-ямочные сосуды выявлены на Непряхинской VI и Чернашкинской стоянках.

Опираясь на известные на сегодняшний день абсолютные даты, полученные в том числе и по поздненеолитической камской керамике (тип С), можно утверждать о функционировании этого типа в промежутке между 4620–4030 гг. до н.э. (Радиоуглеродная хронология..., 2016).

Гребенчатая керамическая традиция не была древнейшей в изучаемом регионе. Несколько более раннюю позицию занимает накольчато-прочерченная керамика, носители которой появились в Приустьевом Прикамье судя по имеющимся определениям ^{14}C по керамике в промежутке между 5720–5460 гг. до н.э. (Щербетская II) (Выборнов, 2008). Появление гончарной традиции, не известной до

этого в Волго-Камье, и представленной технологией выделки посуды из глин с добавлением шамота и гребенчатой орнаментацией (Васильева, Выборнов, 2012. С. 45) до сих пор остаются дискуссионными (Лычагина, 2019; Карманов, 2020).

Картография выявленных ранненеолитических комплексов камской культуры показывает широкую географию становления этой традиции: Среднее Прикамье (Мокино, Усть-Букорок), Нижнее Прикамье (Зиарат, Дубовогривская II), Сви́яга (Кабы-Копры), Вятка (Тархан I, Усть-Шижма I) и Европейский Северо-Восток (Пезмог IV). При этом наиболее древние на сегодняшний день материалы демонстрирует местонахождение Пезмог IV, расположенное за пределами основного ареала камской культуры – в бассейне р. Вычегды (таежная зона). При этом Муллинское II поселение (юг лесостепи) выделяется среди памятников этого периода обилием керамической посуды, количество которой не характерно для ранненеолитического этапа (Морозов и др., 2022).

С середины V тыс. до н.э. в связи с культурными трансформациями, охватившими степную и лесостепную зоны Волго-Уралья, в материальной культуре гребенчатого неолита появляется ряд новых черт, таких как появление керамической посуды «с воротничком», использование массивных пластин, полученных путем усиленного отжима. С этим временем, вероятно, связано сокрытие в землю Дубовогривскогоклада кремневых ножей и кинжала, изготовленных из макропластин (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012). Эти процессы не привели к энеолитизации региона. Смена эпох на территории Нижнего Прикамья происходит, вероятно, с появлением на этой территории пористой (раковинной) керамики в поздненеолитическое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2013. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. № 1. С. 60–86.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (57). С. 33–48.
- Габяшев. Р.С., 2003. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. Казань: Изд-во ФЭН. 222 с.
- Карманов В.Н., 2020. Камская неолитическая культура на Северо-Востоке Европы // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 2. № 3. С. 70–83.
- Лычагина Е.Л., 2019. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 632 с.
- Матюшин Г.Н., 1996. Неолит Южного Урала. Предуралье. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая. 301 с.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 222 с.
- Моргунова. Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.
- Морозов В.В., 2018. Левшинский этап камской культуры в Нижнем Прикамье и его особенности // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ. С. 53–57.
- Морозов В.В., 2020. Керамика опорных памятников камской неолитической культуры в Нижнем Прикамье // Археология евразийских степей. № 3. С. 330–353.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Выборнов А.А., Смирнов А.Л., Батуева Н.С., 2022. Муллинское II поселение в Иско-Бельском междуречье: материальная культура, стратиграфия и радиоуглеродная хронология // Археология евразийских степей. № 1. С. 8–45.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н.э.: кол. моногр. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич, 2016. Смоленск: Свиток. 456 с.

Чижевский А.А., Лыганов, А.В., Морозов В.В., 2012. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. № 1. С. 94–115.

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ

© 2024 г. В.С. Мосин (mvs54@mail.ru)

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Наиболее древние даты для раннего неолита Зауралья были получены с четырех памятников и отражают начало неолита в регионе в середине VII тыс. до н.э. Основными культурными традициями этого времени были кошкинская и козловская. В конце VII тыс. до н.э. развиваются активные связи населения Зауралья и озера Мergen, в результате чего, возможно, было появление ранней боборыкинской керамики в Зауралье.

Ключевые слова: Зауралье, ранний неолит, радиоуглеродная хронология.

FEATURES OF THE CHRONOLOGY OF EARLY NEOLITHIC SITES OF THE TRANS-URALS

© 2024 V.S. Mosin (mvs54@mail.ru)

Institute of History and Archaeology UB RAS, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The most ancient dates for the Early Neolithic of the Trans-Urals were obtained from four sites and reflect the beginning of the Neolithic in the region in the middle of the 7th millennium BC. The main cultural traditions of this time were Koshkino and Kozlovo. At the end of the 7th millennium BC. active connections between the population of the Trans-Urals and Lake Mergen are developing, which may have resulted in the appearance of early Boborykino ceramics in the Trans-Urals.

Keywords: Trans-Urals, Early Neolithic, radiocarbon chronology.

До начала 2000-х годов в Зауралье для неолитического периода имелись лишь отдельные радиоуглеродные даты. Получение массива дат началось с 2007 г. благодаря применению метода датирования по органике конкретных фрагментов керамики, и к 2014 году было получено и проанализировано около 90 радиоуглеродных дат (Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014. С. 33–48). Последние 10 лет исследования в этой области активно продолжались и к настоящему времени известно уже около 200 дат для неолитических памятников Зауралья (Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 124–134; Шорин, Шорина, 2020. С. 31–55; Жилин и др., 2020. С. 27–60; Мосин, 2023. С. 38–45). В проводимых ранее исследованиях радиоуглеродных дат основной упор делался на хронологию культурных традиций и соотношения их во времени, в то же время очень важным является изучение хронологических позиций конкретных памятников Зауралья в неолитическое время. Работа в этом направлении показала, что для раннего неолита можно с определенной долей условности выделить три хронологических среза в диапазонах: середина – последняя четверть VII тыс. до н.э., начало – вторая четверть VI тыс. до н.э. и середина

Таблица 1. Радиоуглеродная хронология неолитических памятников Зауралья. Первый хронологический срез.

№	Памятник	Шифр	^{14}C , л. н.	Дата cal BC 68.2%	Тип керамики	Материал
1	Береговая II, торфяниковая	AAR-14548	7278±34	6211—6136	кошкинский	клевец из рога лося
2	Береговая II, торфяниковая	AAR-14833	7320±38	6146—6102	кошкинский	нагар
3	Береговая II, торфяниковая	KIA-42074	7325±40	6146—6102	кошкинский	нагар
4	Ташково I, ж. 4	Le_1534	7440±60	6377—6250	козловский	уголь
5	Кокшаровский холм, центральная площадка рядом с объектом 3	SPb-2056	7423±80	6390—6230	кошкинский козловский	уголь
6	Кокшаровский холм, центральная площадка рядом с объектом 1	SPb-2055	7428±70	6380—6236	кошкинский козловский	уголь
7	Кокшаровский холм Объект 6а	SPb-2054	7474±80	6421—6332	кошкинский	уголь
8	Кокшаровский холм Объект 15	Le-7882	7440±200	6461—6086	кошкинский	уголь
9	Кокшаровский холм Объект 15	Le-7884	7450±450	6826—5871	кошкинский	уголь
10	Кокшаровский холм Объект 15	Le-7880	7560±200	6638—6222	кошкинский	уголь
11	Кокшаровский холм Объект 6	Ki-1638 проба А	7610±80	6529—6400	кошкинский	керамика
12	Береговая XIII Филин остров	Le-10441	7570±70	6496—6372	кошкинский козловский	торф
13	Береговая XIII Филин остров	Le-10442	7600±100	6572—6385	кошкинский козловский	торф

VI – начало V тыс. до н.э. Выделение таких срезов основано на имеющихся совокупностях дат с близкими значениями и не ставит целью разделить ранний неолит на этапы (типа неолит 1, неолит 2, неолит 3), а лишь отражает последовательность появления во времени датированных на настоящее время памятников Зауралья.

Наибольший интерес вызывает первый хронологический срез (Табл. 1), поскольку он включает в себя памятники с самыми ранними датами и определяет начало неолита в Зауралье. Принципиальным для зауральского неолита уже многие годы является вопрос: население с какими традициями появляется в Зауралье раньше – с кошкинскими или козловскими? Даты получены с четырех памятни-

ков: Береговая XIII (Филин остров), Кокшаровский холм (объект 6, ба, 15, центральная площадка), Ташково I, Береговая II торфяниковая, всего 13 дат.

Наиболее древними являются определения для стоянки Береговая XIII – 6572–6372 cal BC (7600±100 – 7570±70 BP) (Табл. 1: 12–13). Культурный слой неолита, зафиксированный в торфе на глубине 235–260 см, содержал фрагменты керамики кошkinsкой и козловской (кокшаровско-юринской) традиций, а также изделия из камня (Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 129).

На Кокшаровском холме для разных объектов получено 7 дат с ранними значениями. Самая ранняя дата связана с объектом 6 – 6529–6400 cal BC (7610±80 BP) (Шорин, Шорина, 2018. С. 101) (Табл. 1: 11). Эта дата получена по фрагменту керамики сосуда кошkinsкой традиции, зафиксированного на объекте 6 (проба А). Однако по второму фрагменту от этого же сосуда (проба Б) была получена более поздняя дата – 6830±90 BP, что в целом позволяет сомневаться в возможности использования датировок этого сосуда. Еще две даты из объекта 6, полученные по углю, также показали более поздние значения – 7005±70 и 6928±80 BP, что, вероятно, и отражает реальную хронологию объекта 6. Более ранняя дата, которая, скорее всего, соответствует началу создания культовой площадки Кокшаровского холма, принадлежит объекту ба, расположенному с внешней стороны к северо-западу от объекта 6 – 6421–6332 cal BC (7474±80 BP) (Табл. 1: 7). Объекты 6 и ба авторы исследования относят к кошkinsкой культурной традиции (Шорин, Шорина, 2018. С. 101). Близкие значения имеют две даты по углю с сакральной площадки центральной части мыса – в диапазоне 6390–6230 cal BC (7428±70 и 7423±80 BP) (Шорин, Шорина, 2018. С. 102) (Табл. 1: 5–6), и здесь были найдены фрагменты керамики кошkinsкой и козловской (кокшаровско-юринской) традиций. Три ранние даты были получены по углю с объекта 15 (Табл. 1: 8–10), где были зафиксированы два сосуда кошkinsкой традиции (Шорин, Шорина, 2018. С. 100). Формально эти даты соответствуют приведенным выше ранним датам памятника, однако, доверительные интервалы от ±450 до ±200 растягивают диапазон датирования практически от 400 до 1000 лет, что минимизирует возможности их применения. В целом с большой долей вероятности можно предположить, что начальная стадия создания объектов Кокшаровского холма относится ко времени 6421–6230 cal BC (7474±80 – 7423±80 BP), т.е. третья четверть VII тыс. до н.э. и связана с деятельностью социумов с кошkinsкой и козловской (кокшаровско-юринской) культурными традициями.

Идентичная дата была получена из жилища 4 поселения Ташково I – 6377–6250 cal BC (7440±60 BP) (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 343). Керамика нижнего слоя содержала до 60 сосудов, орнаментированных прочерчиванием, отступающе-накольчатой и кольчатой техникой раннего неолита козловской культурной традиции, и каменный инвентарь типологически близкий мезолитическому (Ковалева, Ивасько, 1991. С. 112–131).

К первому хронологическому срезу относится стоянка Береговая II торфяниковая, материалы которой представляют особый интерес. По артефактам из ранне-неолитического слоя получено три даты в диапазоне 6146–6136 cal BC (7325±40 –

7278±34 BP). Кроме того, из слоя по костям лося получены даты 7372±31 или 6002–5876 cal BC, 7141±35 или 6070–5980 cal BC, 7045±32 или 6002–5876 cal BC. А по костям северного оленя: 7265±34 или 6218–6061 cal BC и 7099±32 или 6034–5965 cal BC (Жилин и др., 2020. С. 37).

В культурном слое обнаружено в общей сложности 98 фрагментов керамики, среди которых наиболее многочисленна керамика кошкинской традиции: 25 фрагментов с орнаментом от 14 сосудов, боборыкинская керамика представлена 5 фрагментами от 3-х сосудов, керамика басьяновского типа представлена 4 фрагментами от 3-х сосудов и один орнаментированный фрагмент придонной части сосуда козловской традиции (кокшаровско-юринский вариант). Авторы исследований отмечают, что «стратиграфических различий в залегании керамики трех основных типов не наблюдается, каких-либо оснований для ее разделения на разновременные комплексы нет» (Жилин и др., 2020. С. 43).

В материалах стоянки Береговая II мы наблюдаем пока единственный уникальный случай в Зауралье, когда кошкинская, боборыкинская, басьяновская и козловская керамика (кокшаровско-юринский вариант) залегают на одном уровне культурного слоя с близкими датами, не выходящими за пределы рубежа 7–6 тыс. до н.э. Это значит, что время появления басьяновско-боборыкинской традиции на этом памятнике относится к раннему неолиту. Однако все имеющиеся на сегодняшний день даты для памятников с басьяновско-боборыкинскими комплексами показывают начало их формирования только в 3-й четверти VI тыс. до н.э., т.е. в позднем неолите (Шорин, Шорина, 2020. С. 43–45).

Поиски аналогий такой ситуации приводят нас к памятникам озера Мergenъ. Формально это территория Западной Сибири, однако, в раннем неолите население, проживавшее на этих памятниках, входило частично в социокультурное пространство неолита Зауралья. Для раннего неолита здесь выделено два хронологических среза, для нас интерес представляет хроносрез № 2, основанный на материалах поселения Мergenъ 6, датированных финалом VII тыс. до н.э. cal BC. На поселении исследовано 13 котлованов разной формы, площади и конструктивных особенностей. Керамический комплекс поселения состоит из нескольких сотен сосудов, разделенных по морфологическим и орнаментальным признакам на 4 группы: ранний этап боборыкинской культуры, керамика кошкинской традиции Зауралья, плоскодонные сосуды с валиками на внешней поверхности (вероятно, сатыгинские), керамика с признаками смешения этих традиций. Каменный инвентарь выраженного пластинчатого характера, с большой долей использования в качестве сырья – до 50 %, зауральской яшмы и яшмоидов (Еньшин, Скочина, 2023. С. 5–13).

Таким образом, конец VII тыс. до н.э. можно рассматривать как время активных связей населения Зауралья и Мергенского археологического микрорайона Нижнего Пришимья, общины которого на этом этапе неолита входили в социокультурное пространство Зауралья. Результаты этих связей отражены в появлении ранней боборыкинской керамики на стоянке Береговая II торфяниковая и большого количества зауральской яшмы и яшмоидов на поселении Мergenъ 6. Конечно,

это пока единичные факты, но и исследованных и хорошо датированных памятников начала неолита в Зауралье пока единицы.

В пределах Большого Урала начало неолита по имеющимся на сегодняшний день радиоуглеродным датам выглядит следующим образом:

- памятники елшанской культурной традиции – первая половина VII тыс. до н.э.;

- памятники с плоскодонной керамикой (близкой барабинской) озера Мергенъ – вторая четверть VII тыс. до н.э.;

- памятники кошкинской и козловской (возможно, ранней боборыкинской) – середина VII тыс. до н.э.

- памятники Северного Зауралья – середина – 3 четверть VII тыс. до н.э. (даты пока считаются спорными);

- материалы раннего этапа волго-камской культуры – вторая половина VII тыс. до н.э. (даты также пока считаются спорными);

- памятники камской культуры – вторая половина VI тыс. до н.э.

Таким образом, памятники раннего неолита в Зауралье полностью вписываются в хронологию неолитизации Большого Урала и являются одними из ранних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 1 (57). С. 33–48.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., 2023. Нижнее Приишимье в социокультурном пространстве зауральского неолита (по данным Мергенского АМР) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (62). С. 5–13.

Жилин М.Г., Косинская Л.Л., Рыжкова О.В., Савченко С.Н., Устинова Е.А., 2020. Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья // Camera praehistorica. № 1 (4). С. 27–60.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В., 1991. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР. С. 112–131.

Мосин В.С., 2023. Хронология памятников неолита и энеолита лесостепного Зауралья // Уральский исторический вестник. № 1 (78). С. 38–45.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1996. Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 337–348.

Чаиркина Н.М., Кузьмин Я.В., 2018. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Уральский исторический вестник. № 2 (59). С. 124–134.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2020. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. № 2. С. 31–55.

РАННЕГРЕБЕНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА 1© 2024 г. **Н.Г. Недомолкина** (*nedomolkiny_ljv@mail.ru*)*Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда, Россия*

Аннотация. В работе дается характеристика ранненеолитического комплекса одного из опорных памятников Верхней Сухоны Вёкса 1 – Вёкса-Н. Представлено описание коллекции керамики и каменных орудий. Появление ранних неолитических комплексов в бассейне Верхней Сухоны подтверждает и повторяет известную схему развития неолита в целом на территории лесной части Восточной Европы.

Ключевые слова: поселение Вёкса 1, комплекс Вёкса-Н, ранненеолитическая гребенчатая керамика, трапеции, неолит.

EARLY COMB POTTERY COMPLEX OF THE VEKSA 1 SETTLEMENT© 2024 **N.G. Nedomolkina** (*nedomolkiny_ljv@mail.ru*)*The Vologda State Museum Preserve of History, Architecture and Decorative Arts, Vologda, Russia*

Abstract. The work provides a description of the Early Neolithic complex of one of the supporting settlements of the Upper Sukhona Veksa 1 – Veksa – N. A description of the collection of ceramics and stone tools is presented. The appearance of early Neolithic complexes in the Upper Sukhona basin confirms and repeats the well-known pattern of Neolithic development in general in the forested part of Eastern Europe.

Keywords: Veksa 1 settlement, Veksa N complex, Early Neolithic comb ceramics, trapezes, Neolithic.

Многослойное поселение Вёкса 1 эпохи неолита – энеолита – бронзы – раннего железного века – раннего средневековья находится на левом берегу р. Вологды, в Вологодском районе, в трех километрах от впадения р. Вологды в р. Сухону. Поселение Вёкса занимает ровный берег реки Вологды. Верхняя поверхность памятника представлена заливным лугом, который не скашивается в последние годы, что ведет к интенсивному накоплению дернового слоя, появлению кочек, кустов. Луг оконтурен сырым лиственным лесом, в котором даже в сухие годы стоит верховая вода. Первые сведения об археологических находках у речки Вёксы поступили от местных жителей. Весной 1980 г. Н.В. Гуслистов и участники археологического кружка, студенты ВГПИ впервые побывали на Вёксе. Высокий уровень воды в р. Вологде не дал возможности провести необходимые работы.

Исследования на памятнике проводились с 1981 г. И.Ф. Никитинским, В.С. Патрушевым, С.Ю. Васильевым с 1993 г. – Н.Г. Недомолкиной.

Поселение Вёкса 1 входит в комплекс памятников. Название памятники получили по топониму небольшой лесной речки Вёкса, которая берет начало в Молотовском озере. Располагаясь вблизи крупной водной артерии – р. Сухоны, на левом берегу р. Вологды при впадении ее притока речки Вёксы, поселения имели выгодное ситуационное положение. Выше устья речки – Вёкса 1 (по охранному паспорту название Устье Вологодское), ниже – Вёкса 3. Представление о комплексе было бы неполным, если не упомянуть памятник Вёкса IV на правом берегу

р. Вологды, напротив устья р. Вёксы. На этом участке культурные слои не выявлены. Коллекции представлены подъемными материалами, которые, возможно, переложены с поселений левого берега в результате зачисток берега и углублений русла реки земснарядами.

Протяженность поселения Вёкса вдоль реки составляет 1,2 км, оно разделено на 12 участков длиной по 100 м. При разбивке участков не учитывалось распространение того или иного культурного слоя, так как паниграфически слои не совпадают. На всей площади была разбита единая сетка квадратов 2×2 м. На каждом участке по 50 номеров квадратов по береговой линии, которые с напольной северной стороны получили буквенные наименования.

Общая площадь поселений около 20 гектаров. Раскопами и шурфами на пос. Вёкса вскрыто более 2200 кв. м. Культурные отложения накапливались здесь на разных участках в период от раннего неолита до древнерусского времени. Дёрн на всей площади памятников достигает мощности 10–15 см. Под ним идет коричневая супесь мощностью до 40 см, нижний уровень которой является границей слоя, подвергшегося современному антропогенному воздействию. Под пахотой залегают слои в виде свиты серых, серо-коричневых и темно-серых суглинков, насыщенных включениями древесного угля и золы, обожженных костей, керамики и пр. Стратиграфия на различных участках поселений имеет свои особенности, зависящие от насыщенности этого участка остатками культурных отложений. Поселения находятся в аварийном состоянии. Береговая линия подвергается интенсивному размыву во время половодий и навигаций. Каждый год материалы раскопов дополняются большим количеством подъемного материала. В настоящее время выявлено пятнадцать хронологически и культурно отличных комплексов и культурных слоев заселения Вёксы 1 от раннего неолита до средневековья. Для каждого из комплексов предлагается название «Вёкса» с буквенным обозначением. Это представляется целесообразным для упорядочения материала, полученного при раскопках памятника не сплошной площадью, в различные годы и разными исследователями.

Ранненеолитический комплекс поселения Вёкса 1 – Вёкса-Н. На 4 участке памятника выявлен культурный слой коричневой слабо гумусированной глины мощностью 15–20 см, с находками ранней неолитической гребенчатой керамики, который изучен раскопами 1993–1996 гг. Общая площадь вскрытия составила 132 кв. м. Стратиграфическое положение ранненеолитического слоя с раннегребенчатой керамикой Вёкса-Н на глубине 1,7–1,8 м от дневной поверхности указывает на его большую древность по отношению к остальным. В слое отмечены остатки конструкций, не имеющие четких форм, небольшие очаги с кольцевой кладкой. Слой слабо насыщен находками. Весь материал раннего комплекса получен в результате раскопок и составляет 439 предметов.

Керамика (Рис. 1). Всего найдено два частичных развала сосудов, двести фрагментов, по зоне венчиков от десяти сосудов. Керамика красного, коричневого цвета, некоторые черепки имеют следы охры. Сохранность в слое плохая, при взятии она слоится. Состав теста – глина, дресва, органика (?), иногда охра,

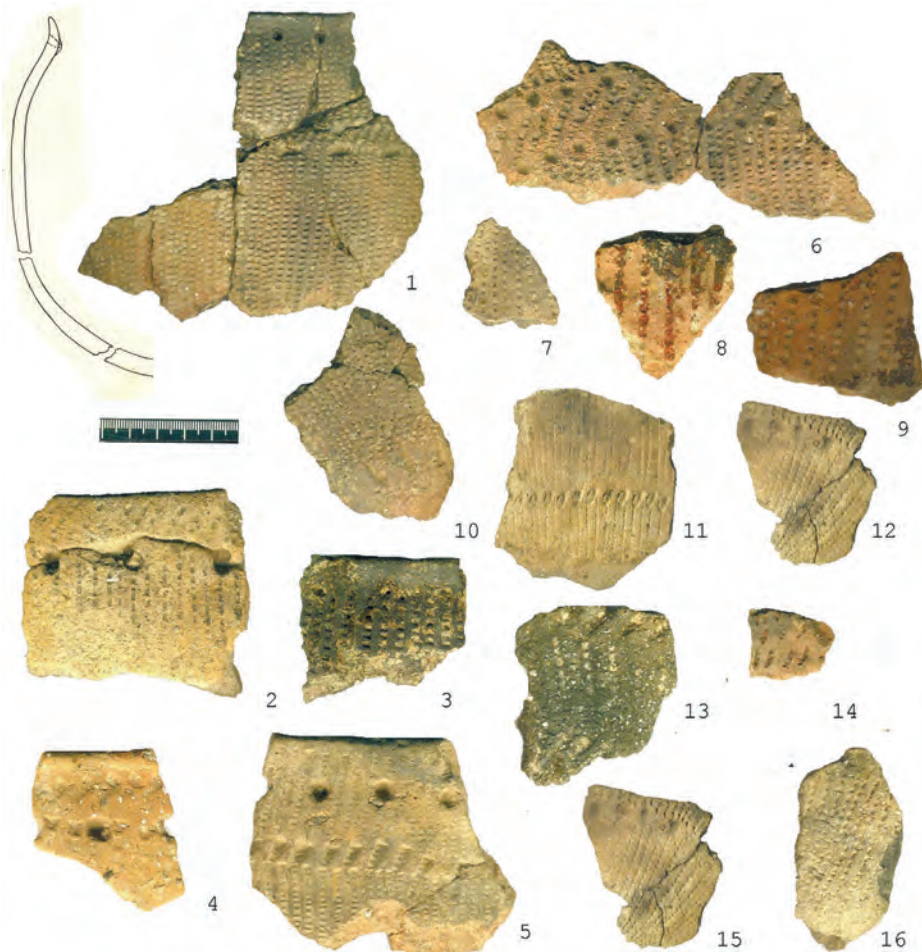

Рис. 1. Поселение Вёкса 1. Комплекс Вёкса – Н, ранненеолитическая керамика. 1 – частичный развал сосуда, 2–5 – венчики, 6–14 – стенки, 15, 16 – придонные части.

слюда, пирит. Удалось реконструировать небольшие слегка профилированные сосуды с диаметром горла до 18 см и округлым дном. Толщина стенок от 0,6–0,8 см до 1,2 см в днищах. Венчики утоньшены, отогнуты наружу, такая форма придает сосудам некоторую s-образность. Иногда венчики орнаментированы по срезу, на некоторых есть следы нагара. Для комплекса характерна сплошная гребенчато-накольчатая или гребенчатая орнаментация с горизонтальным членением орнаментального поля. Всего выделено восемь элементов орнамента и до 50 сочетаний. Есть единичные неорнаментированные фрагменты. Около 48 % фрагментов украшено только гребенчатым орнаментом. Преобладают оттиски прямого или наклонного длинного до 6 см гребенчатого штампа с четкими отпечатками зубчиков,

а также с орнаментом в виде «машинной строчки». Своеобразной чертой является выделение бордюрной зоны проколами или мелкими коническими ямками. Орнаментировалась вся поверхность сосуда. Орнаментальные узоры за редким исключением несложные. Горизонтальные зоны разнонаклонной гребенки делаются коротким овальным или прямым гребенчатым штампом, поясом из глубоких конических ямок и ямчатых наколов, треугольных вдавлений, выполненных в отступающей манере, нанесенных под углом к полю сосуда. Дно сосудов орнаментировалось веерным радиальным узором.

Орудий из природных материалов в комплексе мало, что, очевидно, связано с условиями сохранности органических материалов в этой части памятника.

Каменный инвентарь комплекса невыразительный, всего 209 предметов с отходами производства. В качестве заготовок используются неправильные пластины и пластинчатые отщепы. Практически отсутствуют нуклеусы и пренуклеусы, что характерно для всех неолитических комплексов Вёксы. Орудия составляют 50 % от общего числа инвентаря. Для изготовления использовался кремнь светло-серого и черного цвета. Последний нехарактерен для других неолитических комплексов. Рубящих орудий немного. Они представлены теслом из темного сланца прямоугольной формы и сечения и обломками сланцевых орудий, чаще всего от лезвийной части. В раскопе 1996 г. найден обломок небольшой сланцевой подвески подтреугольной формы. Наконечники стрел представлены трапециями энгийского типа, наконечником подромбической формы на ребристой пластине с ретушью по контуру орудия. Скребки небольших размеров, концевые на пластинах, на отщепах с зауженным рабочим краем. Скобели аморфной формы выполнены на крупных отщепах без дополнительной обработки. Небольшая серия сечений свидетельствует об использовании вкладышевых орудий. В коллекции представлены резцы, орудия и отщепы с резцовым сколом. Достаточно устойчива форма ножей, выполненных на неправильных пластинах. Ретушь нанесена по контуру на месте рабочей части орудия.

Представленный материал, в первую очередь керамика, может быть отнесен к комплексам с ранненеолитической гребенчатой керамикой, к ее позднему этапу. Для этого этапа раннегребенчатой керамики поселения Вёкса 3 получены даты – 6500 ± 170 (ГИН-10181) – 6200 ± 170 (ЛЕ-5856). Керамика вёксинского комплекса находит общие черты с керамикой поселения Вёкса 3, поздний этап; с верхневолжской керамикой 3 этапа (Энговатова, 1998. С. 241); в ранних неолитических комплексах Европейского Северо-Востока энгийского типа (Логинава, 1978. С. 1–14); ранненеолитических памятниках Средней Волги (Никитин, 1996. С. 82). Несмотря на эту похожесть, керамика своеобразна и имеет, очевидно, местное происхождение.

Ранненеолитические керамические комплексы бассейна Сухоны близки в развитии орнаментальных композиций большой общности раннегребенчатых культур. Вёксу-Н и Энгы 1А сближает керамическая посуда, украшенная гребенкой, особенно «пунктирной» в сочетании с тычками и проколами, сопоставимая

с керамикой 2-го – 3-го этапов верхневолжской культуры и наличие геометрических микролитов в виде трапеций.

Материалы Энты – Вёкса дают основание говорить о северо-восточном варианте раннеолитических культур. В данном случае мы видим пример горизонтальных миграций и широтного расселения населения, чему способствовало расположение водных артерий рек Сухоны и Вычегды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь. С. 238–246.

Логинова Э.С., 1978. Поселение Энты 1 // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар. С. 3–23.

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 180 с.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВАЛДАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ЕЕ РАЗВИТИЯ

© 2024 г. Г.В. Синицына (gv-sinitsyna@yandex.ru)

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На фоне культур лесной зоны Восточной Европы позднего мезолита – неолита специфика валдайской культуры определяется: (1) сырьевой стратегией, (2) наличием развитого обмена, подтвержденногокладами – ранцевыми наборами, (3) развитым рыболовством, обусловившем (4) появление значительных по размеру поселений расположенными у водоёмов (5) с жилищами подпрямоугольной формы, площадью ок. 50 кв. м.

Ключевые слова: поздний мезолит, неолит, Валдайская возвышенность.

VALDAI ARCHAEOLOGICAL CULTURE, THE SPECIFICS OF THE INVENTORY AT THE STAGES OF ITS DEVELOPMENT

© 2024 G.V Sinitsyna (gv-sinitsyna@yandex.ru)

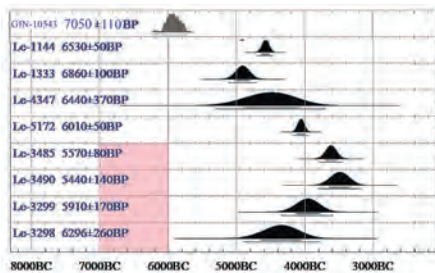
Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. The raw materials strategy determined the cultural and economic specifics of the Valdai culture in the Late Mesolithic – Neolithic as an independent unit among the cultures of the forest zone of Eastern Europe, where there was a cultural and economic type of hunters, fishermen and gatherers. The cultural identity of the Valdai AK was determined by a peculiar type of sub-rectangular dwellings, with an area of approx. 50 sq.m., the availability of satchel sets, the specifics of the inventory.

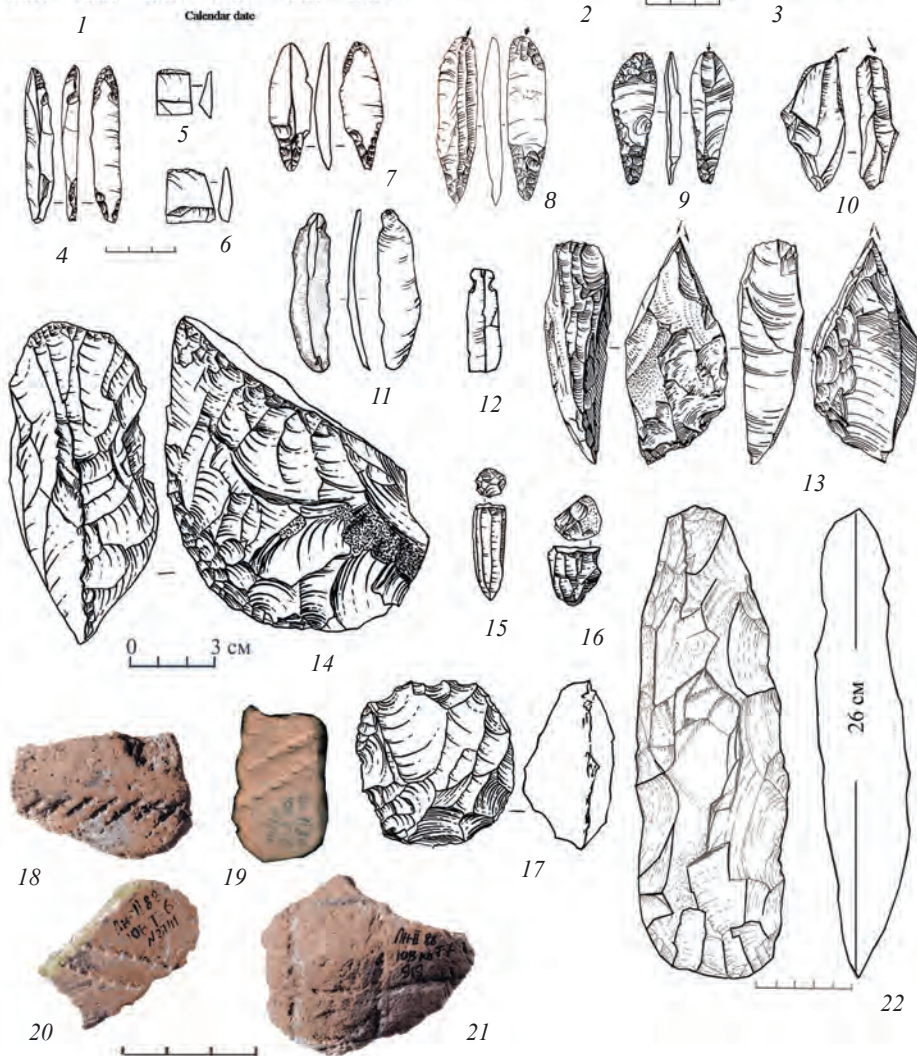
Keywords: late Mesolithic, Neolithic, Valdai upland.

Сходство инвентаря между культурами лесной зоны Европы в раннем неолите поставило сложную проблему в определении пространственных границ между ними и собственно критериев определения АК (Андреев и др., 2017).

Валдайскую культуру предложено рассматривать как верхневолжскую (Цветкова, 2011), а на востоке верхневолжские материалы сопоставляют с волго-камскими, предлагая объединить их в волжскую культурно-историческую общность (Никитин, 2009. С. 184). Культуры среднего неолита, напротив, имеют четкие территориальные границы, что показывает картография памятников льяловской культуры, сформировавшейся на месте верхневолжской (Сидоров, 2021).

Баранова гора,
ранний набор
Залесье I
Нижние Котлицы
Ланно I/6
Подош III/1 - слой
неолита
Ланно II
Ланно II
Ланно II
Ланно II

С. 32). При этом льяловских стоянок на территории валдайской культуры не зафиксировано.

При рассмотрении проблемы сходства/различия между соседними валдайской и верхневолжской культурами было обращено внимание на разницу в типах жилищ и сложность сопоставления инвентаря из разных геоархеологических объектов (Синицына, Уткин, 2019). В коллекциях ранненеолитических стоянок валдайской культуры присутствуют материалы финального мезолита и более поздних эпох, что часто используется как аргумент против ее выделения как отдельной АК. Детальное изучение условий залегания верхневолжских памятников также свидетельствует о смешанности их материалов с позднемезолитическими на ряде стоянок, что делает вывод мало достоверным о степени пластинчатости в верхневолжской ранненеолитической индустрии (Костылева, 2003. С. 213).

Жилища валдайской культуры, расположенные группами на борových террасах, у проток, мест наиболее удобных для рыбной ловли, представляли собой столбовые конструкции прямоугольной формы со скругленными углами и углубленным от 50 до 85 см основанием. Количество входов жилищ зависело от местонахождения относительно водоемов и локальной специфики рельефа. Площадь жилищ варьирует в пределах 10–50 кв. м, и только у жилищ стоянки Нижние Котицы площадь по внешнему контуру достигает 110 и 90 кв. м (Верещагина, 1997). Разнообразие конструкций жилищ валдайской культуры выявлено на стоянке Залесье I, где исследовано три жилища, одно из них двухкамерное с переходом между помещениями (24 и 16 кв. м) и очагом-каменкой диаметром 2 м (Гурина, 1989; Тимофеев, 1997). По местоположению стоянок у мелководных побережий, присутствию в инвентаре большого количества каменных грузил и деревообрабатывающих орудий Н.Н. Гурина пришла к выводу о наличии развитого сетевого рыболовства, начиная с мезолита (Гурина, 1989. С. 66). В современной акватории Селигера имеется свыше 30-ти видов рыб: угорь, сиг, судак, форель, ряпушка и другие, соответственно аналогичная кормовая база была и в атлантикуме, но ещё в большем количестве, что не могло не отразиться на оседлости и увеличении площади неолитических поселений. Так, на северном берегу озера Волго на протяжении 2 км локализуются находки эпохи неолита, а мезолитические – единичными локальными пятнами (Синицына, 1997).

Для стоянок валдайской культуры получено девять радиоуглеродных дат (Рис.1: 1), которые определяют её хронологические рамки в пределах 6000–3200 cal BC и сосуществование с сертейской и верхневолжской АК в раннем неолите, а в развитом неолите с руднянской на западе и льяловской АК на востоке (Синицына и др., 2020).

Рис.1. Инвентарь валдайской культуры.

1 – таблица дат, калиброванный возраст стоянок валдайской культуры (по: Синицына и др., 2020); 2, 3, 8, 9 – Зехново III, наконечники стрел; 4, 7 – Ланино II, наконечники стрел; 5, 6 – Ланино II, сечения-вкладыши; 10 – Ланино II, нуклеус-резец; 11, 12 – Ланино I/V, Нижние Котицы, пластины «с выделенной головкой»; 13 – Зехново III, нуклеус-резец (по: Гурина, 1996. С. 190); 14–17 – Ланино II, нуклеусы; 18–21 – Ланино II, фрагменты керамики; 22 – Баранова гора, слой неолита, тесло.

Своеобразие валдайской культуры определено богатыми легко доступными сырьевыми источниками. Наличие сырья в виде крупных блоков окремненного известняка определяло функциональную атрибутику памятников как стоянок-мастерских. Количественно в составе коллекций преобладают отщепы (80–90 % всего инвентаря). Пластины и пластинки, длиной 3–6 см, шириной 0,5–1,5 см составляют 6–12 % от инвентаря. Среди стоянок валдайской культуры представлены чистые комплексы, такие как Котчище II, по материалам которого дана характеристика раннего неолита, выделен котчищинский тип керамики, (Гурина, 1970; 1975). Кремневый инвентарь стоянки Котчище II, в том числе и ранцевый набор стоянки Котчище II дает представление о полном цикле расщепления – от первичной обивки породы до отжима пластин с торцовых нуклеусов. Начальный угол скалывания между ударной площадкой и плоскостью расщепления варьировал в пределах 60°. В ранцевом наборе Котчище II заготовки нуклеусов и клиновидные нуклеусы представлены крупными формами (10–19 см). Аналогичный нуклеус присутствует в инвентаре неолитической стоянки Ланино II, расположенной на северном берегу озера Волго (Рис. 1: 14). В коллекции Ланино II представлены остаточные формы нуклеусов: карандашевидные, конусовидные и дисковидные (Рис. 1: 15–17). Нуклеусы в начальной стадии расщепления присутствуют в ранцевом наборе финального мезолита стоянки Баранова гора, но инвентарь меньшего размера, чем ранненеолитические формы (Синицына, Зарецкая, 2002). В составы ранцевых наборов кроме нуклеусов входили: топоры и тесла, отщепы, скребки, нуклеусы-резцы для получения микропластинок (Рис. 1: 10, 13). В целом, техника расщепления была направлена на изготовление идеальной заготовки, уже готовой к использованию как орудие с минимумом переформления.

Готовые заготовки и орудия распространяли вплоть до 600 км от источников сырья (Галибин, Тимофеев, 1993). География региона, разветвленная речная система, охватывающая все направления Великого водораздела, способствовали развитию межкультурного обмена.

Схема развития типов инвентаря валдайской культуры, предложенная Н.Н. Гуриной, сохранила свое значение (Гурина, 1973. Табл. 36–38; 1996), при возможности расширения и увеличения степени детализации за счет выделения дополнительных типов изделий. Например, включения в перечень наконечников стрел с широким скругленным пером, оформленным тонкой стелющейся ретушью и микросколом под прямым углом, относительно продольной оси заготовки (Рис. 1: 8, 9). Этот прием контрастирует с широко распространенной подтеской, нанесенной с боковых краев, характерной для стрел лесного региона (Рис. 1: 4, 7). Особое место в инвентаре занимают сечения пластин. Определение данному типу инвентаря ввела Н.Н. Гурина, при характеристике материалов ранне-неолитической стоянки Котчище II (Гурина, 1975. С. 84), где они представлены в значительном количестве, более 110 экз. Выразительными формами являются ножи на пластинах, крепление которых оформлено двумя противолежащими выемками на проксимальной части пластины (Рис. 1: 11, 12). Характерной чертой всех коллекций валдайской культуры являются единичные крупные формы – то-

поры и тесла длиной ок. 30 см (Рис. 1: 22) при доминирующей длине 10–15 см. Крупные (длиной 9,2–10,4 см, при ширине 1,8 см) наконечники стрел на ребристых пластинах «напильниковидные» формы присутствуют на стоянках Залесье I, Нижние Котицы V, Зехново III (Рис. 1: 2, 3). Среди орудий доминируют скребки в том числе крупные «валдайского типа» с выпуклым лезвием по всему обводу. Резцы (боковые, двугранные, угловые) единичны, но преобладают угловые как на пластинах, так и на отщепках. Кроме кремневого инвентаря на сходство материальной культуры указывает керамика. В материалах валдайской культуры раннего неолита выделяется четыре типа сосудов, где прослежено влияние культур Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья (Мазуркевич и др., 2013. С. 86–88), также отмечается влияние елшанских традиций и традиций стоянки Замостье 2. Однако среди материалов стоянок валдайской культуры плоскодонных сосудов раннего неолита пока не найдено.

Современная состояние изученности комплексов валдайской культуры путем сопоставления типов инвентаря дает основания для определения межкультурных границ в период среднего неолита. Начало их формирования прослеживается в мезолите, а в раннем неолите развивается при широком взаимодействии с культурами других территорий.

Выделение валдайской АК обусловлено необходимостью упорядочения, систематизации материалов, при этом учитывается географический принцип, хронология, типы инвентаря, что важно как для изучения самих процессов, так и для удобства описания источников.

Исследование проведено в рамках гос. задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2017. Ранненеолитическая керамика от елшанской до Эртебёлле // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Санкт-Петербург, Россия 26–28 апреля 2017 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 224–227.
- Верещагина И.В., 1997. Поселения южного побережья Селижаровского плёса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (АИ. Вып. 55.) СПб.: ИИМК РАН. С. 63–106.
- Галибин В.А., Тимофеев В.И., 1993. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // АВ. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 13–19.
- Гурина Н.Н., 1970. Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // Studia Archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallin: Valgus. С. 74–80.
- Гурина Н.Н., 1973. Неолитические племена валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита (МИА. № 172). Л.: Наука. С. 159–168.
- Гурина Н.Н., 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука. С. 84–94.
- Гурина Н.Н., 1989. Мезолит верховьев Волги // Мезолит СССР. М.: Наука. С. 63–67.

- Гурина Н.Н., 1996. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 188–193.
- Костылева Е.Л., 2003. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: ИИМК РАН. С.213–218.
- Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // РАЕ. № 3 / Под ред. д-ра ист. наук Л.Вишняцкого. СПб.: ООО «УИК». С.27–109.
- Никитин В.В., 2009. К вопросу о культурной атрибуции верхневолжской и волго-камской ранненеолитических культур // ТАС. Вып. 7. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО Издательство «Триада». С. 179–186.
- Сидоров В.В., 2021. Льяловская культура // ТАС. Вып. 12. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО Издательство «Триада». С. 30–55.
- Синицына Г.В., 1997. Ланино I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (АИ. Вып. 55.) СПб.: Изд-во ИИМК РАН. С. 5–62.
- Синицына Г.В., Зарецкая Н.Е., 2002. О новой дате валдайской культуры. ТАС. Вып. 5. Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО Издательство «Триада». С. 196–208.
- Синицына Г.В., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., 2020. О хронологии валдайской неолитической культуры // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Под редакцией Н.Д. Буровой, А.А. Выборнова, М.А. Кульковой. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт». С. 86–88.
- Синицына Г.В., Уткин А.В., 2019. Дискуссия о сходстве/различии валдайской и верхневолжской культур // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции 15-17 мая 2017 г. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ. С. 79–80.
- Тимофеев В.И., 1997. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. (АИ. Вып. 55). СПб.: ИИМК РАН. С. 107–211.
- Цветкова Н.А., 2011. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // РАЕ. № 1 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: УИК «Юридическая книга». С. 148–182.

**Крупные кремневые пластины в инвентаре могильников
ранних скотоводов новоданиловской культуры
(техничко-морфологический и экспериментально-трассологический анализы)**

© 2024 г. **Н.Н. Скакун** (skakunnatalia@yandex.ru), **В.В. Терехина**

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследование посвящено изучению крупных кремневых пластин из погребений новоданиловской культуры. В результате технико-морфологического анализа и сравнения с кремневыми пластинами из памятников земледельческих культур Коджадермен-Гумельница-Караново VI и Триполье VII была установлено, что они были получены с помощью одинаковой технологии расщепления кремня. Экспериментально-трассологический анализ показал, что большинство пластин использовались в качестве ножей по мясу.
Ключевые слова: Энеолит, новоданиловская культура, крупные кремневые пластины, технико-морфологический и экспериментально-трассологический анализы.

**LARGE FLINT BLADES IN THE INVENTORY OF THE GRAVE GROUND OF EARLY CATTLE
BREEDERS OF THE NOVODANILOVO CULTURE
(TECHNICAL-MORPHOLOGICAL AND EXPERIMENTAL-TRACEOLOGICAL ANALYSIS)**

© 2024 **N.N. Skakun** (skakunnatalia@yandex.ru), **V.V. Terekhina**

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. The study is devoted to the study of large flint blades from burials of the Novodanilovo culture. As a result of their technical and morphological analysis and comparison with flint blades from the sites of agricultural cultures Gumelnița-Kodžadermen-Karanovo VI and Tripolie VII, a unified technology for their production was established. Experimental-traceological analysis showed that most of the blades were used as meat knives.

Keywords: Chalcolithic, Novodanilovo culture, large flint blades, technical-morphological and experimental-traceological analyses.

В могильных комплексах различных исторических эпох, в том числе в энеолите, кремневые предметы представлены разнообразным набором. Однако анализ этих находок редко становится предметом специальных работ, тогда как результаты подобных исследований могут стать значимой информацией не только для освещения вопросов истории развития техники, но и для культурно-экономических реконструкций.

В этой связи большой интерес представляют исследования кремневых изделий новоданиловской культуры ранних скотоводов, распространенной в степных районах от Дона до Дуная (4700–3200 до н.э.). С самого момента открытия этих интереснейших памятников среди специалистов ведутся дискуссии о синхронизации их с тем или иным периодом энеолита Юго-восточной Европы и той ролью, которую сыграли миграции этого скотоводческого населения во внезапном исчезновении древнеземледельческих общностей этого региона (Мовша, 1961; Телегин и др., 2001; Rassamakin, 1999; Скакун, 2004; Гимбутас, 2006; Котова, 2006; Дергаев, 2007 и др.)

Памятники новоданиловской культуры представляют собой погребения в ямах на спине с подогнутыми ногами, головой на восток или северо-восток, обильно посыпанные охрой. Они отличаются от среднестоговской культуры ис-

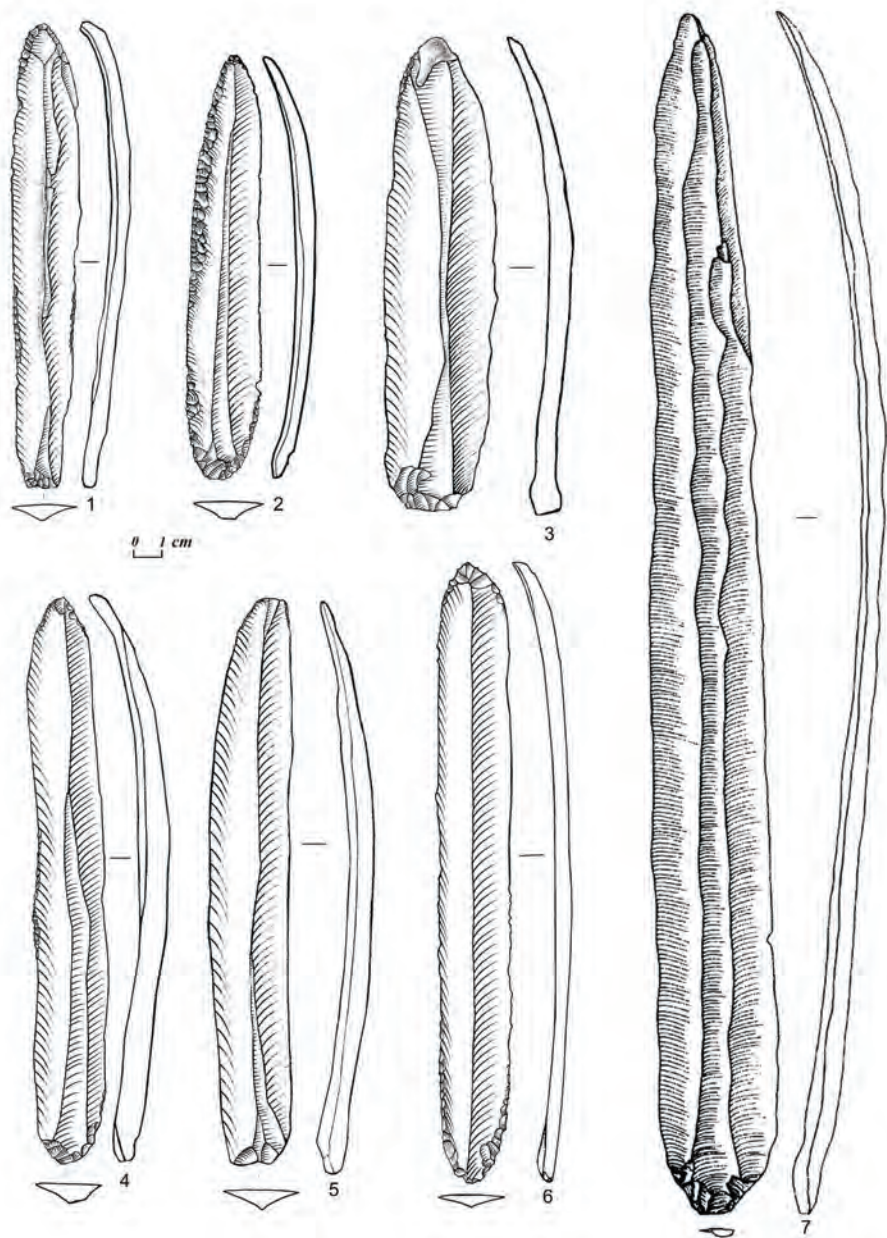

Рис. 1. Кремневые пластины из погребений новоданиловской культуры и культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI: 1–6 – пластины из погребений новоданиловской культуры; 7 – пластина из погребения № 43 Варненского некрополя культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI.

Рис. 2. Экспериментальное получение пластин с помощью усиленного отжима (Летняя школа в г. Болгар, 2018 г., экспериментально-трасологическая секция. На фото Д.А. Гурулёв и Д.М. Шульга).

пользованием каменных плит при сооружении могил, большим числом медных вещей и украшений, а также множеством кремневых предметов совершенной техники изготовления. В научной литературе имеются только самые общие их описания, несмотря на уникальность этих изделий и частое привлечение для аргументации различных точек зрения на степные древности.

Нашим исследованиям, включавшим технико-морфологический и экспериментально-трасологический анализы, была подвергнута коллекция кремневых пластин из могильников Петро-Свистуново, Чапли, Луганского, Джурджулешты, Кайнары, Река Девня (67 экз.). Среди изученных находок особого внимания заслуживают макропластины, которые отличаются своими крупными размерами. Основным сырьем для их производства служил высококачественный донецкий кремнь, месторождения которого и места разработок эпохи энеолита зафиксированы в бассейне реки Дон (Цвейбель, 1970). Нуклеусы из новоданиловских погребениях конусовидные, длиной 11–18 см, с одной ударной площадкой, односторонней или круговой плоскостью скалывания и правильными негетивами пластинчатых сколов на ней. Как правило, они не истощены полностью, но расщепление было остановлено из-за невозможности получения пластин требуемой стандартной величины. Ширина некоторых макропластин составляет больше 2,5 см, а длина достигает 23 см. Они имеют симметричные очертания, слегка изогнутый профиль, невысокую спинку, треугольное или трапецевидное сечение,

утолщенный нижний конец с выступающим ударным бугорком, гладкую или фасетированную ударную площадку (Рис. 1: 1–6). Обращают на себя суперправильные экземпляры, идеальные с технической точки зрения изделия. Они обладают прямыми, параллельными боковыми сторонами с острыми кромками, плоской спинкой, треугольным, трапециевидным поперечным сечением, прямым профилем, слегка выступающим ударным бугорком, иногда с изъязнением. Ударные площадки невелики по размерам, их граница со стороны спинки в большинстве случаев слегка пришлифована, а прилегающие участки плоскости скалывания несут следы подправки карнизов. Некоторые из пластин не имеют вторичной обработки, другие отретушированы со спинки частично по боковым сторонам, нижнему и верхнему концам, третьи обработаны великолепной уплощающей отжимной ретушью.

Этим пластинам в технико-типологическом отношении полностью идентичны материалы из новоданиловских кладов, обнаруженных в степной зоне – Старый Орлик, Гончаровка, Крейдянка, а также в других однокультурных погребениях, найденных на отдаленных территориях, ареалах земледельческих культур: Река Девня в Болгарии, Мурешулуй в Румынии, Чонград в Венгрии (Телегин и др., 2001).

Сравнение новоданиловских макропластин с пластинчатыми изделиями из земледельческих культур эпохи энеолита Юго-Восточной Европы Коджадермен-Гумельница-Караново VI, распространенной на территории современной Болгарии и Румынии, и Триполье ВП на Украине и Молдове показывает, что они близки друг другу по своим технико-морфологическим характеристикам (Скакун, 2006). Такая категория, как целые суперправильные пластины обнаруживает наибольшее сходство с находками из поселений и погребальных комплексов древних земледельцев Болгарии и Румынии и в меньшей степени с материалами из трипольских поселений Украины и Молдовы, для которых наибольшее сходство обнаруживается с макропластинами, а суперправильные представлены незначительным числом (Скакун, 1996; 2004; 2006) (Рис. 1: 7).

Серии экспериментов, посвященных получению реплик макропластин и их разновидности суперправильных пластин, проведенные разными исследователями, показывают, что их изготовление, в особенности суперправильных пластин, требовало особых приемов обработки кремня, среди которых расщепление в специальном приспособлении с помощью рычага и медного посредника (Рис. 2). Эта технология, возникшая в энеолитическую эпоху, позволяла получать высококачественные пластинчатые заготовки из крупновалунного кремня (Скакун, 1996; 2004; 2006).

Трасологический анализ макропластин из погребений Чапли, Петро-Свистуново, Луганского, Кайнары, Джурджулешты показал, что часть из них имеет изношенность на боковых сторонах и ретушированных верхних концах. Это мелкая ретушь утилизации и хорошо выраженные признаки износа в виде узких полосок блеска, расположенных по одной из боковых сторон или на верхней заостренной части изделий. На этих участках иногда удается зафиксировать линейный микро-

износ в виде слабо выраженных нитевидных штрихов, идущих параллельно или слегка под углом к краю. Как показывают экспериментально-трасологические наблюдения, подобный износ характерен для ножей, применявшихся при резании мяса. На некоторых пластинах вблизи ударных площадок отмечаются участки со следами затертости, что может свидетельствовать об их использовании в рукояти. Остальные пластины либо не имеют износа, либо он недостаточно четко выражен для функционального определения. Кроме изношенности на поверхности большинства пластин обнаружена охра, причем на нескольких изделиях это не отдельные крупинки, осевшие от обильной засыпки могильных ям, а, как показывают бинокулярные исследования, намеренно нанесенные широкие полосы, на некоторых участках которых краска втерта в фасетки ретуши. Необходимо отметить, что аналогичный вид износа и окрашенность охрой были обнаружены при изучении макропластин и пластин из погребений культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Варна и Дуранкулак в Болгарии (Скаун, 2004; 2006; Gurova, 2002).

Проведенные исследования показали, что макропластины из новоданиловских комплексов степных скотоводов и макропластины из памятников земледельческих культур из тех регионов, где обнаружены следы скотоводческой инвазии, имеют общие технико-морфологические признаки. Это факт означает, что наивысшие достижения кремнеобрабатывающего производства конца каменного века – получение правильных стандартных макропластин с помощью рычагового расщепления было известно как населению земледельческих культур, где открыты специализированные мастерские, так и скотоводам, обитавшим в степях Восточной Европы. Недостаточность данных о кремнеобрабатывающих центрах степной зоны не позволяет в настоящее время разрешить вопрос о месте производства макропластин для погребальных новоданиловских комплексов. Случайные находки кладов пластин вне культурных горизонтов, а также обнаружение в погребениях не только пластин, но и нуклеусов, возможно, указывает на существование бродячих мастеров. Факты обнаружения этих изделий в мужских погребениях, одинаковое использование многих из них в качестве ножей позволяет предполагать, что они являлись атрибутом мужского набора погребального инвентаря.

Таким образом, находки макропластин в погребальном инвентаре ранних скотоводов и в земледельческих комплексах свидетельствуют о распространении этих изделий эпоху палеометалла на значительной территории. Однако отсутствие четкой синхронизации разных периодов земледельческого энеолита Юго-восточной Европы со временем бытования степных скотоводческих культур Восточной Европы не позволяет однозначно ответить на вопросы о времени и месте возникновения наиболее ранних центров производства макропластин. К решению этих проблем должны быть также привлечены и новые материалы из хвалынских памятников, расположенных в поволжских степях (Васильев, 2003; Горашук, 2003). Дальнейшее всестороннее исследование крупных кремневых пластин имеет большое значение как для функциональной интерпретации этих предметов, так и

для решения многих общих проблем, включая возникновение в конце каменного века этого уникального достижения кремнеобрабатывающей техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б., 2003.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги изучения) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СамГПУ. С. 61–100.
- Гимбутас М., 2006.* Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССПЭН. 572 с.
- Горащук И.В., 2003.* Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СамГПУ. С. 118–134.
- Дергачев В.А., 2007.* О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб.: Нестор-История. 487 с.
- Котова Н.С., 2006.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля. 327 с.
- Мовша Т.Г., 1961.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2. С. 186–199.
- Скакун Н.Н., 1996.* К вопросу о кремнеобрабатывающем производстве эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе // Археология. № 3. Київ: Інститут археології АН України. С. 124–128.
- Скакун Н.Н., 2004.* Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии: по материалам эпох палеолита – бронзы. СПб.: Европейский дом. С. 57–79.
- Скакун Н.Н., 2006.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита. СПб.: Нестор-История. 223 с.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск: Шлях. 152 с.
- Цвейбель Д.С., 1970.* Древнейшие кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе // СА. № 1. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР. С. 227–233.
- Gurova M., 2002.* Mobilieren silex de la necropole Dourankulak – analyse fonctionnelle // Todorova H. (Hrsg.). Durankulak, die prahistorischen Graberfelder von Durankulak. Bd. II. T. 1. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut in Berlin. P. 247–256.
- Rassamakin Yu.Ya., 1999.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC // Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A. et al. (Eds.). Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge: McDonald Institute for the Archaeological Research. P. 59–182.

**МАРИУПОЛЬСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА НИЖНЕМ ДОНУ:
ИСТОКИ, ПАМЯТНИКИ, ХРОНОЛОГИЯ**

© 2024 г. **А.М. Скоробогатов** (*a.m.skorobogatov@mail.ru*), **Е.В. Долбунова,**
А.Н. Мазуркевич, М.А. Кулькова

*ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество», Воронеж, Россия
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В публикации освещаются основные проблемы культурогенеза и развития материалов, характерные для Мариупольской культурно-исторической области позднего неолита – раннего энеолита на основании данных одного из ключевых памятников нижнедонского региона – поселения Ракушечный Яр.

Ключевые слова: Мариупольская культурно-историческая область, нижнедонская культура, поселение, керамика, радиоуглеродные даты.

**MARIUPOL CERAMIC TRADITION ON THE LOWER DON:
ORIGINS, SETTLEMENTS, CHRONOLOGY**

© 2024 **A.M. Skorobogatov** (*a.m.skorobogatov@mail.ru*), **E.V. Dolbunova,**
A.N. Mazurkevich, M.A. Kulkova

*LLC SPC «Voronezh Archaeological Society», Voronezh, Russia
The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia*

Abstract. The publication highlights the main problems of cultural genesis and development of traditions ascribed to the Mariupol cultural and historical area of the Late Neolithic – Early Chalcolithic based on the data of one the key sites of the Lower Don region – Rakushechny Yar settlement.

Keywords: Mariupol cultural and historical region, Lower Don culture, settlement, ceramics, radiocarbon dates.

Дискуссия о появлении мариупольской керамической традиции лежит в нескольких плоскостях – атрибуции материалов, хронологии, территории распространения и эпохи, которую она знаменует. Традиционно территории Нижнего Подонья отводилось ключевое место в процессе распространения мариупольских керамических инноваций по степной зоне черноморско-каспийского региона. Материалы эталонных стратифицированных памятников позволяют уточнить комплексы материальной культуры, которые могут быть отнесены к этой традиции, с учетом результатов новых методов исследования. Проведенное исследование включает обзор основных концепций появления мариупольской керамической традиции в степной зоне Восточной Европы, рассмотрен вопрос о хронологии этого культурного явления, пространственном распределении памятников, оставленных носителями данной культурной традиции. Отдельно будут охарактеризованы материалы эталонных памятников, результаты исследования керамики из слоев позднего неолита-энеолита п. Ракушечный Яр из раскопов Т.Д. Белановской и новых полевых археологических исследований.

Мариупольская традиция: вопросы генезиса и распространения. Яркая черта Мариупольской культурно-исторической области, распространенной в Понто-Каспийском регионе (Васильев, 1981) – керамическая традиция, для которой типичны воротничковый венчик сосудов, волнисто-прочерченный орнамент с гребенчатым штампом, плоскостность и орнаментация днищ, примесь раковины в тесте. Все или отдельные ее черты встречаются в той или иной степени в прикаспийской, самарской, нижнедонской и азово-днепровской культурах (Васильев, Синюк, 1985), что поднимает вопрос о генезисе этих культур, их распространении, центре зарождения мариупольской культурной традиции и взаимосвязи Волго-Уральского и Нижнедонского ареалов.

Первоначально происхождение азово-днепровской культуры связывали с памятниками, расположенными на востоке (средние слои Ракушечного Яра, памятники камской культуры, Башкирии и Южного Урала) (Даниленко, 1974), формирование раннеэнеолитической культуры Донской лесостепи и Нижнего Поволжья – с импульсом с территории Нижнего Дона (Синюк, 1979) или как результат местного развития с возможным импульсом из Приазовья (для самарской и прикаспийской культур) (Васильев, 1981) и при контактах с населением лесостепных районов Поволжья (для прикаспийской культуры) (Юдин, 2006). Причем такой специфический признак, как воротничковое утолщение венчика, рассматривался как конвергентное явление на широкой территории степи и лесостепи (Юдин, 2006). Ряд исследователей склонялся к гипотезе о формировании традиций МКИО к западу от Нижнего Поволжья, в районе Нижнего и Среднего Дона (Выборнов, 2008; Моргунова, 2011) или в Днепро-Донском междуречье, в зоне азово-днепровской культуры (Ставицкий, 2013). На основе радиоуглеродных датировок к самой древней культуре мариупольского круга была отнесена азово-днепровская культура, получившая впервые атрибуцию нео-энеолитической. Генезис культуры связывался с миграцией в Поднепровье группы населения с синкретическими традициями, сочетающими в себе черты раннеэнеолитической культуры Подонцовья и ракушечной культуры (Котова, 2010). В период позднего неолита (около второй половины 6 тыс. до н.э.) миграция носителей нижнедонской культуры на восток привела к формированию прикаспийской культуры. В конце 6 тыс. до н.э. происходит отток степного населения в северные районы степи и на юг современной лесостепи, в результате формируется воронежско-донская культура в Среднем Подонье и самарская в Среднем Поволжье, что и завершило формирование МКИО (Котова, 2010).

Памятники Волго-Донского бассейна. Обращение к архивным материалам позволило составить полный перечень стоянок с культурным слоем, которые оставили носители мариупольской культурной традиции, а также местонахождения с единичными находками керамики мариупольского облика. Поселенческие памятники занимают те же экологические ниши, что и предшествующие неолитические, что, возможно, связано со сходным типом хозяйства. Приуроченность памятников в отдельных регионах во многом зависела от особенностей ландшафта. На территории современной Волгоградской области памятники приурочены к

высоким участкам по бортам балок или мелких рек. В Нижнем Подонье стоянки расположены в долине основной водной артерии – р. Дон. В Среднем и Верхнем Подонье, на Средней Волге памятники тяготеют к притокам.

Для более ранних этапов характерны отдельные захоронения в пределах поселений (п. Ракушечный Яр, Варфоломеевская), в дальнейшем наблюдается смена традиции и появление отдельных могильников, расположенных зачастую на высоких площадках за пределами поселений (Голубая Криница, Съезжее, Екатериновский Мыс, Мариупольский могильник).

Слой 4 и 5 п. Ракушечный Яр и керамический комплекс МКИО. Основные находки керамики, которая относится к МКИО, на п. Ракушечный Яр были зафиксированы в слоях 4 и 5. Особенности отложения этих слоев, вмещающих находки позднего неолита-энеолита, могли быть связаны с ландшафтными изменениями и особенностями заселения и использования этого места (судя по различиям в фаунистическом наборе). Из этих и подстилающих слоев происходит несколько радиоуглеродных датировок, которые позволяют датировать комплекс заключительного этапа раннего неолита (слой 6, 5в) около 5620–5520/5410–5310 л. до н.э., и комплекс позднего неолита-энеолита (слой 4, 5а) около 5474–5046/5010–4549 л. до н.э. Уточнить культурную атрибуцию и датировку последнего пока довольно сложно, что связано с условиями формирования толщи этого культурного слоя, вмещенного в напластования раковин *Viviparus*. В нем не зафиксированы стерильные прослойки, как в слоях раннего неолита, отмечены эпизоды многократного заселения (по микропрофилям распределения находок).

Датировка из верхнего отдела слоя 4 (4535 ± 35 (DeA-21601) указывает на то, что слой был открыт на протяжении длительного периода времени или на нем образовывался лишь незначительный почвенный покров. Эта датировка аналогична датировкам из слоев 2, 3 раскопа I Т.Д. Белановской (4360 ± 100 (Bln-1177), 4180 ± 100 (Le-5428)). Верхняя толща слоя *Viviparus* (слой 4) сильно проработана почвообразованием, возможно, это приводило к проникновению костей из верхнего горизонта (2128 ± 25 (SUERC-88042)).

В слое 4 и 5 зафиксированы углистые пятна и глиняные вымостки, в слое 5 также прослеживаются прослойки с выкладками створок раковин *Unio*, ямы с охрой.

По мнению Т.Д. Белановской, керамика верхних слоев с гребенчато-прореченной орнаментацией не является результатом эволюционного развития неолитической керамики поселения, а отражает результат влияния «какой-то иной культуры восточного происхождения». Тем не менее, полной смены культуры не произошло, а «в энеолитических слоях можно встретить такие приемы орнаментации, которые свойственны керамике нижних слоев» (Белановская, 1995), что как раз может быть связано с механическим смешением материалов.

Изучение керамических комплексов, ремонтаж сосудов из новых раскопов и слоя 5 раскопа I Т.Д. Белановской позволили реконструировать сосуды, которые относятся к МКИО, провести петрографические и геохимические анализы отдельных сосудов, выполнить описание макроследов с реконструкцией цепочек

технологических операций. Для установления источников сырья были проведены геохимические анализы фрагментов сосудов и отложений, выполнены геоморфологические работы, для реконструкции рецептуры формовочной массы – петрографические анализы.

Обсуждение. Гипотеза о нижнедонском ядре ранних мариупольских традиций и хронологическом приоритете Доно-Днепровского мариупольского региона над Волго-Уральским (Котова, 2002; 2010; Ставицкий, 2003; Выборнов, 2008) оставляет нерешенным вопрос о механизмах формирования этих традиций на территории самого Нижнего Дона, где в более ранних материалах отсутствуют признаки, позволяющие предположить ее автохтонный характер. Сложность в атрибуции культур МКИО привела к появлению термина нео-энеолит, который подразумевает период, когда разрушается первоначальная неолитическая общность, формируются новые керамические традиции, меняется облик каменной индустрии, но изменения в стратегиях жизнеобеспечения практически не фиксируются. Небольшое количество радиоуглеродных дат для верхних слоев Ракушечного Яра, отсутствие их для других нижнедонских памятников степной полосы, ревизия датировок могильников мариупольского типа западного ареала МКИО при учете воздействия резервуарного эффекта, преобладание дат по керамике в Волго-Уральском междуречье, и самое главное, отсутствие полноценных публикаций материалов опорных поселений Нижнего Дона заставляет нас возвращаться к материалам верхних слоев п. Ракушечный Яр и других памятников Нижнего Подонья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ (РФФИ) и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т.Д., 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита-энеолита Ракушечный Яр. СПб.: СПбГУ. 200 с.
- Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева. 129 с.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева. 118 с.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.
- Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова Думка. 176 с.
- Котова Н.С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях. 267 с.
- Котова Н.С., 2010. Культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье в VI – V тыс. до н.э. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев. 28 с.
- Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.
- Синюк А.Т., 1979. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. С. 63–72.
- Ставицкий В.В., 2003. Дискуссионные вопросы изучения раннеэнеолитических культур с воротничковой керамикой // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского. С. 144–155.

Ставицкий В.В., 2013. Проблема происхождения прикаспийской культуры // Археология Восточно-Европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. Вып. 10. С. 205–211.

Юдин А.И., 2006. Памятники мариупольской культурно-исторической области степи и лесостепи Поволжья // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк: РИЦ ЛГПУ. С. 119–123.

КАМЕННЫЙ И КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ МЕРГЕНСКИХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИШИМЬЯ

© 2024 г. **С.Н. Скочина** (sveta_skochina@mail.ru)

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия

Аннотация. В работе рассматривается облик каменной и костяной индустрии, характерный для раннеолитических комплексов лесостепного Приишимья. Определяются специфические признаки, на основании которых устанавливается наличие мезолитических черт в каменном и костяном инвентаре, а также ставится вопрос о степени преемственности с предыдущим периодом.

Ключевые слова: лесостепное Приишимье, ранний неолит, каменная индустрия, костяная индустрия.

STONE AND BONE TOOLS OF THE MERGEN COMPLEXES OF THE EARLY NEOLITHIC FOREST-STEPPE ISHIM REGION

© 2024 **S.N. Skochina** (sveta_skochina@mail.ru)

Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russia

Abstract. The work examines the appearance of the stone and bone industry characteristic of the Early Neolithic complexes of the forest-steppe Ishim region. Specific features are identified, on the basis of which the presence of Mesolithic features in stone and bone implements is established, and the question of the degree of continuity with the previous period is raised.

Keywords: forest-steppe Ishim region, early Neolithic, stone industry, bone industry.

Выделение круга памятников с плоскодонной керамикой периода раннего неолита поставило вопросы об установлении специфического облика каменной и костяной индустрии типичной для различных регионов, где возникли и получили распространение данные комплексы (Косинская, 2020; 2020; Юракова, Марочкин, 2020; Молодин и др., 2020; Еньшин и др., 2023). Наряду с этим идет процесс установления наличия или отсутствия преемственности в каменном и костяном инвентаре с предыдущим периодом для сопоставления полученной информации с дискуссионными проблемами возникновения гончарного производства.

К значимым признакам для сравнительного анализа каменных индустрий раннеолитических памятников, расположенных в различных природных зонах (лесной, лесостепной) отнесены: типы сырья, обуславливающие технику его первичной и вторичной обработки, доля призматического расщепления и степень его микролитизации; номенклатура и типология орудий (Косинская, 2020. С. 169–171). На основании присутствия таких архаичных черт в каменном инвентаре, базировавшемся на призматической технике расщепления камня, как наличие техники резцового скола, микропластин, пластин с притупленной спинкой, гео-

метрических микролитов, скошенных острий, единичность наконечников стрел, обосновывающих присутствие в неолитических комплексах вкладышевой традиции, определяется ранненеолитический возраст памятников и ставится вопрос о степени преемственности с материалами мезолита (Косинская, 2020; Косинская и др., 2022). В костяной индустрии обоснованием продолжения существования в раннем неолите мезолитической вкладышевой техники является наличие костяных орудий с пазами, а также бытование архаичных форм инструментария и метательного вооружения (например, игловидных и биконических наконечников стрел, широких ножей и др.) (Скочина 2017; Косинская и др., 2022. С. 152, 156; Молодин и др., 2020. С. 73–74; Молодин и др., 2023).

Отмечается, что ранненеолитическая каменная и костяная индустрия лесной зоны Среднего Зауралья, где фиксируется высокая концентрация мезолитических памятников, показывает наибольшую преемственность с предыдущим периодом (Косинская, 2020. С. 169; Косинская и др., 2022. С. 157). Аналогичная ситуация просматривается в зонах с наибольшим сосредоточением мезолитических и неолитических объектов, каменная индустрия которых основана на призматической технике расщепления, например, южнее в лесостепных районах Петропавловского Приишмья и Казахстанского Притоболья (Зайберт, 1992. С. 99; Логвин, 1991. С. 25). В степной зоне процесс неолитизации и развитие каменной индустрии (рубеж VII – VI тыс. до н.э.) наоборот связываются с ближневосточными импульсами (Мерц, 2018. С. 107).

Особенностью лесостепной части Тоболо-Иртышья, в которую входит Приишимье, является малочисленность мезолитических памятников (Косинская, 2020. С. 170). Наличие на территории Приишмья всего лишь одной мезолитической стоянки Катенька свидетельствует о том, что в это время данная территория посещалась спорадически. Основными характеристиками стоянки являются: отсутствие каких-либо долговременных сооружений, ориентация на использование в качестве основного сырья кварцевого песчаника (66,7 %), микропластинчатая каменная индустрия, в инвентаре отмечается доминирование нуклеусов конусовидной, клиновидной формы, доля микропластин шириной до 1 см составляет 79 %, наличие пластин с резцовым сколом утилизации (4 %), отсутствие геометрических микролитов и наконечников стрел, единичность шлифованных орудий (только сколы), небольшой орудийный ряд (пластины с ретушью, острия, концевой скребок, ретушеры), указывающий на определенную специфику исследуемой площадки стоянки, направленную на производство пластин.

Представительными для каменной индустрии раннего неолита Приишимья являются материалы поселений Мergenь 3, 8, 6. Время существования наиболее ранних комплексов с плоскодонной посудой поселений Мergenь 3, 8 относится к началу VII тыс. до н.э., позднее бытовало поселение Мergenь 6, содержащее плоскодонную и круглодонную керамику (конец VII тыс. до н.э.). Отсутствие выходов пород, за исключением русловых галечников, заставляло древнее население Приишмья искать пути и источники сырья для изготовления орудий. Петрографический анализ показал, что сырье помимо местных русловых источников

поступало по двум направлениям из Южного Урала и с территории Казахского мелкосопочника. Такая стратегия добычи сырья отражала направление культурных связей в сторону соседних регионов и, несомненно, оказала влияние на характеристики материальной культуры. Каменная индустрия характеризуется как призматическая, направленная на производство пластин, используемых в качестве заготовок для орудий.

Базовым сырьем для изготовления орудий поселений Мергень 3, 8 служил кварцевый песчаник (45–80 %), яшмы и яшмоиды – до 23,5 %, остальные породы представлены в меньшей степени. В индустрии технику расщепления демонстрируют нуклеусы конусовидной, призматической формы. Основным типом скола-заготовки для изготовления орудий служили пластины шириной до 1 см (до 59 %) с тенденцией к укрупнению. Орудийный набор разнообразен (пластины с ретушью, концевые скребки, скребки на отщепах, острия, шлифованные топоры и абразивные плиты и т.д.), что обусловлено в первую очередь стационарным характером поселений. Архаичные формы представлены пластинами с притупленной спинкой, с резцовым сколом, с ретушированной выемкой на продольном крае и скошенным острием не образующими представительных серий.

В коллекции поселения Мергень 6 доля кварцевого песчаника уже составляет 32,2 %, предпочтение отдается яшмам и яшмоидам (48,4 %). Техника расщепления представлена призматическими, конусовидными и клиновидными нуклеусами. Доля микропластин шириной до 1 см составляет 29 %, пластины шириной 1–1,3 см преобладают (1 см – 11 %, 1,1 см – 13 %, 1,2 см – 10 %, 1,3 см – 12 %). Специфику пластинчатому комплексу поселения Мергень 6 придают ассиметричные трапеции, пластины с притупленной спинкой, доля которых составляет не более 1 %. Состав орудийного набора представлен пластинами с ретушью, наконечниками стрел листовидной и подтреугольной формы, концевыми скребками, скребками на отщепах и нуклеидных сколах, проколами, абразивными плитками и брусками с желобками, шлифованными теслами и топорами подтрапециевидной и подтреугольной формы. В костяной индустрии на фоне широкого производственного комплекса, используемого в обработке дерева, кожи, растительных материалов, глины и др., архаичные черты проявляются в наличии орнаментированных вкладышевых оправ, широких ножей из лопаток, проколов из грифельных костей, кочедыков, а также присутствием в составе метательного вооружения игловидных наконечников стрел и гарпунов с кососрезанными и коническими насадами (Скочина, 2017). Единичность каменных наконечников стрел, не образующих устойчивых серий в комплексах раннего неолита, видимо, было обусловлено существованием традиции оснащения стрел костяными наконечниками. Инновацией является внедрение в раннем неолите в производство коротких листовидных костяных наконечников стрел с традицией оформления конического насада. Данная особенность встречается мезолите Зауралья и в восточно-европейских материалах (Савченко, 2017). Становление и развитие неолитического керамического производства в неолите влекло за собой появление разнообразных орудий, связанных с обработкой глины: шпателей, лопаточек, стеков, орнаменти-

ров, причем разнообразие инструментария, применявшегося в оформлении сосудов, говорит о хорошо развитом керамическом производстве.

Таким образом, каменная и костяная индустрия мергенских памятников Приишимья демонстрирует общие хронологические признаки, сочетающие мезолитические и неолитические черты, характерные для обширной территории Зауралья и Западной Сибири. В раннем неолите освоение этой территории было связано с притоком населения, обладавшего знаниями и навыками изготовления глиняной посуды и с технологическими традициями изготовления каменных и костяных орудий характеризующимися небольшой степенью «мезолитичности». В ходе своего развития в каменной индустрии уже на стадии раннего неолита просматривается тенденция переориентирования сырьевых приоритетов с местных на импортные, складываются приемы, направленные на получение средних по ширине пластин. Причины, повлиявшие на эти процессы, видимо, были как внутренними (свойства сырья, падение роли составных орудий), так и внешними (связи, контакты).

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Илюшина В.В., 2023. Комплексы с плоскодонной керамикой начала VII тыс. до н.э. поселений Мергенского АМР (Нижнего Приишимья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (63). С. 5–17.
- Зайберт В.Ф., 1992. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН. 230 с.
- Косинская Л.Л., 2020. Каменный инвентарь неолитических комплексов с плоскодонной керамикой лесной зоны Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 164–175.
- Косинская Л.Л., Савченко С.Н., Жилин М.Г., 2022. Костяная и каменная индустрии Среднего Зауралья: преемственность и инновации на переходе от мезолита к неолиту // Самарский научный вестник. Т. 11. № 4. С. 148–157.
- Логвин В.Н., 1991. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-неолит). Алма-Ата. 66 с.
- Мерц В.К., 2018. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 3 (19). С. 99–109.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., 2020. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 69–93.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Зоткина Л.В., Пархомчук Е.В., Рендю У., 2023. Ранненеолитическое святилище урочища Таи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 187 с.
- Савченко С.Н., 2017. Формы насадов и крепление костяных наконечников стрел в мезолите Урала // Археология евразийских степей. Вып. 2. С. 184–199.
- Скочина С.Н., 2017. Каменная и костяная индустрия в эпоху неолита лесостепного Приишимья. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень. 321 с.
- Юракова А.Ю., Марочкин А.Г., 2020. Сравнительный анализ каменных индустрий поселений «плоскодонного неолита» Барабы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 176–190.

**МАТЕРИАЛЫ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ НИЖНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
С ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА КСИЗОВО 6 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ**

© 2024 г. **Р.В. Смольянинов** (rws17rws17@yandex.ru), **А.А. Куличков**

ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия

ООО «Межрегиональный центр археологических исследований», Липецк, Россия

Аннотация. Поселение Ксизово 6 исследовалось в Липецкой области на левом берегу р. Дон в 2004–2005 годах. Была получена одна из крупнейших коллекций керамики для территории Верхнего Дона от раннего неолита до эпохи Великого переселения народов. В ней выделяется керамическая серия посуды нижнедонской культуры эпохи раннего энеолита, датируемая первой четвертью 5 тыс. до н.э. и синхронная хронологии раннего Триполья.

Ключевые слова: энеолит, нижнедонская культура, Верхний Дон, лесостепь, радиоуглеродное датирование.

**MATERIALS OF THE ENEOLITHIC NIZHNEDONSKAYA CULTURE
FROM THE SETTLEMENT AND BURIAL GROUND OF KSIZOVO 6 ON THE UPPER DON**

© 2024 **R. V. Smolyaninov** (rws17rws17@yandex.ru), **A. A. Kulichkov**

LRSPo «Archaeological Research», Lipetsk, Russia

LLC «Interregional Center for Archaeological Research», Lipetsk, Russia

Abstract. The settlement of Ksizovo 6 was studied in the Lipetsk region on the left bank of the Don River in 2004–2005. One of the largest collections of ceramics for the territory of the Upper Don from the early Neolithic to the era of the Great migration of peoples was obtained. It highlights a ceramic series of dishes of the Nizhnedonskaya culture of the Early Eneolithic era, dating from the first quarter of the 5th millennium BC and synchronous chronology of the early Tripolye.

Keywords: Eneolithic, Nizhnedonskaya culture, Upper Don, forest-steppe, radiocarbon dating.

История выделения материалов нижнедонской культуры А.Т. Синюком (Синюк, 1971) и основные ее культурные характеристики (Васильев, Синюк, 1985) прекрасно рассмотрены в ряде публикаций А.М. Скоробогатова (Скоробогатов, 2011; 2019а; 2019б). Ранее нами также был разработан очерк истории исследований нижнедонской культуры в лесостепном Подонье (Смольянинов и др., 2011).

Сейчас на территории Верхнего Дона известно 23 памятника нижнедонской культуры раннего энеолита, 20 из них располагаются на пойменных останцах рек, три – на надпойменных террасах. Одно поселение – на р. Олым, четыре – на р. Битюг (притоки р. Дон), одно – непосредственно на р. Дон и 18 – на р. Воронеж. Раскопки проводились на одиннадцати памятниках. Наиболее представительные коллекции выявлены на восьми памятниках (Смольянинов и др., 2011).

Самая яркая керамическая коллекция обнаружена на исследованном памятнике Ксизово 6, который находится на окраине с. Ксизово Задонского района Липецкой области у впадения р. Снова (правый приток) в р. Дон. Всего было заложено два раскопа общей площадью 253 кв. м (Лаврушин и др., 2009).

Памятник Ксизово 6 сочетает в себе поселение и грунтовый могильник (Васильев и др., 2018; Смольянинов и др., 2023) эпох неолита-бронзы. В результате проведенных раскопок была получена одна из крупнейших коллекций керамики

для территории Верхнего Дона от раннего неолита 6 тыс. до н.э. до эпохи Великого переселения народов.

Керамическая коллекция раннего энеолита нижнедонской культуры представлена многочисленными венчиками и 9 донцами не менее чем от 85 сосудов. Небольшая часть коллекции ранее была уже опубликована (Лаврушин и др., 2009; Смольянинов и др., 2011).

В качестве исходного пластического сырья (ИПС) для изготовления всей керамики нижнедонской культуры использовалась илистая глина, в большинстве случаев ожелезненная, реже неожелезненная. Во всех образцах в единичной концентрации встречены органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев, стебельков растений. Все сосуды изготовлены из высокопластичного сырья. ИПС восьми нижнедонских сосудов подвергалось дроблению, у остальных оно использовалось в естественном увлажненном состоянии. Сырье двух сосудов использовалось без искусственных примесей, в формовочную массу всех остальных нижнедонских сосудов с поселения и могильника Ксизово 6 в качестве искусственной примеси добавлялась примесь раковины речных моллюсков.

Выявлены признаки конструирования сосудов лоскутным наклепом, строительным элементом служили лепешкообразные лоскутки различных размеров от 2×2 до 2,5×2,5 см, которые накладывались по траектории, близкой к слегка спиралевидной. Существовали два способа обработки поверхностей: 1 – расчесывание жестким гребенчатым штампом; 2 – заглаживание, которое осуществлялось тремя видами инструментов – гладким камнем, грубо выделанной кожей и пальцами рук.

Механическая прочность сосудов высокая. Окраска изломов фрагментов сосудов одно-, двух- и трехслойная. Неравномерность и малая толщина прокаленных слоев позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления 650–700 °С, с резким поднятием и понижением температур. Слои неравномерные по толщине, границы между ними размытые, что свидетельствует о том, что сосуды долгое время после обжига оставались остывать в обжиговом устройстве.

Основным элементом орнамента является отпечаток гребенчатого штампа – от короткого трёхзубого до длинного «пунктирного». Такой орнамент встречен на 71 сосуде. Наряду с прямо поставленными отпечатками штампа отмечены отски створки раковины *Unio*. Насечки составлены в горизонтальные пояски, «ёлочку», угловые композиции, косую сетку, ленты зигзагов. Отмечено оконтуривание орнаментальных лент и наличие свободных от орнамента зон. У пяти сосудов под воротничками имеются пояски из мелких круглых ямок в один или два горизонтальных ряда. Семь сосудов украшены только горизонтальными и косоворотикальными рядами овальных наколов. Два горшка украшены рядами ямочных вдавлений. На одном отмечено украшение края венчика пальцевыми защипами. Пять сосудов украшены изнутри рядами гребенчатых отпечатков. Только 22 сосуда имели воротничковое утолщение по краю: 19 снаружи и три изнутри. Большая

часть коллекции без воротничка, но технологические и орнаментальные признаки аналогичны воротничковой посуде.

По форме сосуда можно разделить на пять видов. Наиболее представительны 33 горшка с различной степенью профилировки, 24 сосуда были закрытой формы, 19 – прямостенные, 8 – открытой формы и один от открытой приземистой миски.

Из девяти выявленных днищ сосудов – восемь округлодонные и одно округлодонное со слегка уплощенным основанием.

Других материалов, гарантированно связанных с керамикой нижнедонской культуры, на памятнике выявить не удалось.

По керамике нижнедонской культуры поселения Ксизово 6 получена одна радиоуглеродная дата ВР-5920+90 (1σ 5030–4540 BC) (Ki-13327) (Радиоуглеродная хронология ..., 2016).

Исходя из датировки керамики нижнедонской культуры памятника Ксизово 6, других поселений и грунтовых могильников лесостепного Подонья, мы поддерживаем точку зрения А.М. Скоробогатова, что появление населения нижнедонской культуры раннего энеолита в лесостепном Подонье можно сопоставить со временем начала второго этапа среднедонской неолитической культуры. Им отмечено, что для выделения периодов внутри нижнедонской культуры пока нет надежных (прежде всего стратиграфических) данных. При этом, несмотря на малое количество абсолютных датировок, к настоящему времени ранний энеолит Донской лесостепи относится к периоду от 5300 до 4250 CalBC. И если не брать в расчет самые ранние и поздние C14 значения, то временной диапазон значительно сузится – буквально от 5040 до 4500 CalBC (2σ), что соответствует более «короткой» и более «поздней» хронологии раннего Триполья (Скоробогатов, 2019а).

Работа выполнена при поддержке гранта Фонда Президентских грантов. Проект № 24-2-001917 «Изучаем древних, учимся у древних, спасаем древних».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев С.В., Смольянинов Р.В., Боруцкая С.Б., Бессуднов А.Н., 2018. Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // Поздняя преистория Евразии: социальные модели и культовая практика. Stratum. № 2. Кишинёв: Высшая антропологическая школа. С. 167–195.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев: Издательство КГПИ им. В.В. Куйбышева. 118 с.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Бессуднов А.Н., Смольянинов Р.В., 2009. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: ГЕОС. 64 с.
- Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: колл. моногр. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.
- Синюк. А.Т., 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.

Скоробогатов А.М., 2011. История изучения раннего энеолита Донской лесостепи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 1 (7). Ч. III. С. 182–186.

Скоробогатов А.М., 2019а. Актуальные вопросы в изучении раннего энеолита Донской лесостепи (хронология, периодизация, синхронизация) // Самарский научный вестник. Т. 8. № 2 (27). С. 215–219.

Скоробогатов А.М., 2019б. Начало эпохи энеолита в Донской лесостепи // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, Самара: СГСПУ / ООО «Порто-принт». С. 81–82.

Смолянинов Р.В., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Юркина Е.С., 2023. Нео-энеолитические погребальные комплексы с предметами вооружения на Верхнем Дону // Прочнее меди: Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева. Кишинёв: Периодическое издание «Stratum plus». С. 219–241.

Смолянинов Р.В., Свиридов А.А., Бессуднов А.Н., 2011. Материалы нижнедонской культуры на Верхнем Дону // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1. Тверь: Триада. С. 234–253.

ОТ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ К ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИСТОЧНИКУ© 2024 г. **А.Н. Сорокин** (ansorokin@rambler.ru)*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

Аннотация. Судьба свела нас с юбиляром в 1973 г. на Сунгире. Если отталкиваться от этой даты, возраст нашей дружбы превысил 50 лет. Наши судьбы сложились по-разному, но оба мы, несмотря на все жизненные перипетии, не изменили своему выбору и остались в профессии. Выборнов погрузился в неолитическую тематику и радиоуглеродный анализ, а моя стезя увела меня в критическое источниковедение и геоархеологию. Последние пока не нашли на отечественной почве должного места, но именно в них и есть реальный выход из современного кризиса археологии, которая так и не превратилась в «науку о древностях», а продолжает оставаться узаконенным собирательством раритетов и собранием открытий, известных чаще всего одним первооткрывателям. Статья служит попыткой систематизации преимуществ геоархеологии по сравнению с традиционной первобытной археологией и может быть полезна молодёжи, осваивающей азы профессии и выбирающей свои научные ориентиры.

Ключевые слова: первобытная археология, геоархеология, Русская равнина, Заболотский торфяник, поздний плейстоцен, ранний голоцен, рессетинская культура, заднеpileвская культура.

FROM AN ARCHAEOLOGICAL SITE TO A GEOARCHAEOLOGICAL SOURCE© 2024 **A.N. Sorokin** (ansorokin@rambler.ru)*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

Abstract. Fate brought us together with the hero of the day in 1973 on Sungir. Based on this date, the age of our friendship has exceeded 50 years. Our destinies turned out differently, but both of us, despite all the vicissitudes of life, did not change our choice and remained in the profession. Vybornov immersed himself in Neolithic topics and radiocarbon analysis, and my path took me into critical source studies and geoarchaeology. The latter have not yet found their proper place on Russian soil, but it is in them that there is a real way out of the modern crisis of archeology, which has never turned into a «science of antiquities», but continues to remain a legalized collection of rarities and discoveries, known most often to one discoverer. The article is an attempt to systematize the advantages of geoarchaeology in comparison with traditional primitive archaeology and may be useful for young people learning the basics of the profession and choosing their scientific guidelines.

Keywords: Primitive archaeology, Geoarchaeology, Russian Plain, Zabolotsky peat bog, Late Pleistocene, Early Holocene, Resseta culture, Zadnepilevo culture.

Вместо предисловия

Судьба свела нас с юбиляром в 1973 г. на Сунгире. Для него это был второй в жизни полевой сезон, для меня – уже пятый. Если отталкиваться от этой даты, возраст нашей дружбы перевалил за 50 лет, что и позволяет мне, несмотря на все его чины, звания и седины, по-прежнему называть Санькой, Санькой Выборновым. Наши судьбы сложились по-разному, но оба мы, несмотря на все жизненные перипетии, не изменили своему выбору и остались в профессии. Редкой, никому не нужной, но такой беззащитной и ранимой, как сами памятники, которые мы во имя каких-то несусветных научных идей, раскапывая, уничтожаем. Увы, но это так...

Справедливо и то, что наша память цепко держится за бесшабашную юность, эпизоды которой, эпизодически всплывая, держат нас на плаву. Неудивительно, что из тех далёких лет наиболее часто вспоминаются не только Сунгирь или Маслово болото, но и наши бесконечные жаркие споры на ВАСКАх в студенческие годы о волосовской культуре, которой мы тогда беззаветно увлекались. А потом почему-то изменили ей, утонув в песках, болотах, елшанке, рессете, калибровках, резервуарных эффектах, источниковедении, тафономии и многом, многом другом...

Благодарю судьбу и за то, что Санька Выборнов со своими коллегами – Аркадием Королёвым, Александром Комаровым и Алексеем Ластовским вместе с многочисленными студентами-практикантами неоднократно усиливали состав Окской экспедиции ИА РАН, которой мне посчастливилось руководить на протяжении 1986–2021 гг.

Побывал в 2001 г. Санька Выборнов вместе с Аркадием Королёвым (Рис. 1; 2) и на Заболотском торфянике, когда при раскопках стоянки-могильника Минино 2 был найден сенсационный костяной вкладышевый наконечник копья, ставший талисманом того полевого сезона.

Затем, если исключить эпизод с зимними раскопками 2002 г. в Нижегородской области при -23°C , наши с Выборновым полевые дороги, как и предпочтения, разошлись: он с головой погрузился в неолитическую тематику и радиоуглеродный анализ, в освоении которых добился значительных успехов, а моя стезя увела меня в ранний голоцен и позднеледниковье. Ему больше нравится возиться с черепками, нагаром и пригаром, с завидным педантизмом уточняя их возраст, а меня захлестнуло критическое источниковедение и геоархеология, пока не нашедшие, к моему глубокому сожалению, на отечественной почве должного места. А ведь именно в них и есть реальный выход из современного кризиса археологии, которая так и не превратилась в «науку о древностях», а, как была, так и остаётся узаконенным собирательством раритетов и собранием открытий, известных чаще всего одним первооткрывателям.

Пользуясь случаем, хочу поделиться с юбиляром и его студентами эпизодами ... своей научной стези, которые могут быть полезными не столько, разумеется, ему, сколько воспитываемой им молодёжи, осваивающей азы профессии и выбирающей свои научные ориентиры.

Начало начал и два сюжета «дюнной» эпопеи

Мой путь в археологию начался с кружка в Государственном Историческом музее осенью 1965 г., которым руководила И.К. Цветкова. Профильное образование получил на кафедре археологии истфака МГУ им. М.В. Ломоносова (1973–1978 гг.). Студентом-второкурсником в 1975 г. стал обладателем своего первого Открытого листа на разведки по Великим Мещёрским озёрам. Рекомендацию дал О.Н. Бадер. Отто Николаевич дал путёвку в профессию и юбиляру.

В тот первый сезон мною были найдены мезолитические стоянки Петрушино и Микулино, поразившие меня настолько, что изучение эпохи мезолита стало содержанием моего научного творчества. К настоящему времени мною издано

280 печатных работ, включая 19 монографий, девять из которых посвящены гео-археологии.

Мой путь в профессии можно разделить на два отрезка: с 1975 по 1994 гг. и с 1995 – по настоящее время. Первый из них прошёл под стягом «зандровой», второй – «болотной» археологии. Однако уже в 1980-е годы в самый расцвет «зандровой эпопеи» мне пришлось столкнуться с неординарными объектами и обстоятельствами. Озвучу всего два эпизода, первый из них связан с зоной Ржевского водохранилища (1984, 1985), второй – с территорией Мещёрской низменности (1982–1994).

В Ржевской зоне, наряду с типичными боровыми стоянками (Суконцево 7, 8), мне удалось открыть и частично раскопать пункты, артефакты в которых были приурочены к флювиогляциальным (водно-ледниковым) напластованиям и моренным галечникам (Суконцево 3, 9–11), ранее не известным в пределах Верхне-Волжской низменности. Наиболее феноменальным стал пункт Суконцево 3П, приуроченный к отложениям высокой поймы, где было встречено 14 бескерамических культурных слоёв. Ни до, ни после на территории Верхнего Поволжья, да и всей Русской равнины, подобных мультислойчатых памятников никем обнаружено не было.

Таким образом, за два полевых сезона мною в окрестностях д. Суконцево была исследована целая серия своеобразных памятников, явно обойдённых вниманием представителями традиционной «дюнной» археологии. «Ржевский эпизод» стал первым в моей практике уроком, когда состоялось практическое знаком-

Рис. 1. Заболотский торфяник: А.И. Королёв и А.А. Выборнов (2001 г.).

ство с основами геoarхеологии, хотя такого термина в те времена в отечественной литературе ещё не существовало.

Мещёрская низменность преподнесла другой неожиданный урок. Заключительным аккордом «зандровой археологии» стали раскопки стоянки Шагара 4 в 1994 г. Весной 1996 г. ко мне в Институт археологии РАН в комнату 224 пришёл сотрудник ГИМ А. Емельянов, показал несколько костяных вкладышевых орудий и сказал: «Алексей Николаевич, это с вашей Шагары...». Выяснилось, что летом 1995 г. «новые русские» загнали в озеро землеснаряд, и тот вместе с песком выбросил на берег огромное количество мезолитических костяных и роговых артефактов, которые я безуспешно пытался отыскать на протяжении 20 лет.

Так в одночасье хорошо известные по палеогеографической литературе данные (Асеев, Веденская, 1962) о неотектоническом проседании платформенных плит, лежащих в основании Мещёрской низменности, получили визуальное подтверждение. Стало очевидным, что погружившиеся под воду участки стоянок по-прежнему прекрасно сохраняют органические материалы. Это стало вторым уроком «практической» геoarхеологии.

Испытание «Кладовыми Солнца»

Вопросы геoarхеологии встали вплотную на повестку после моего возвращения на Заболотский торфяник в июле 1995 г. Заболотский край и стал полигоном, где посчастливилось трудиться на протяжении 16 полевых сезонов (1995–2002, 2006–2008 и 2017–2021 гг.). Подспудно вызревавшие, начиная со второй половины 1980-х гг., сомнения в продуктивности сугубо археологических методов изы-

Рис. 2. Заболотский торфяник: А.А. Выборнов и А.Н. Сорокин (2001 г.).

сканий с их «лопатно-кубатурными вскрытиями» привели в конце 1990-х гг. к моему погружению в ... дебри геoarхеологии. Наиболее значительные результаты были получены на заключительном этапе изысканий (2018–2021) совместно с отрядом, возглавляемым д.г.н. А.В. Паниным (ИГ РАН). О них и пойдёт далее речь.

Краткие итоги геoarхеологических исследований 2018–2021 гг.

Изучение процесса заселения Центра Русской равнины в эпоху позднеледниковья (LGT) вплоть до последнего времени затруднялось мнением о том, что значительная его часть была затоплена крупными приледниковыми озёрами (Квасов, 1975). Гипотетическое присутствие Тверского перигляциального озера, якобы покрывавшего всю Верхне-Волжскую низменность и её составную часть – Дубнинскую низину, исключало возможность освоения этих территорий вплоть до рубежа плейстоцена – голоцена, когда в процессе дегляциации они, наконец, обсохли.

Геoarхеологические исследования 2018–2021 гг. включали обширный спектр изысканий в области четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, палеопочвоведения, тафономии и археологии. Они были нацелены на изучение природных и культурно-исторических процессов в их взаимосвязи. Крайне важно отметить, что объекты археологического наследия в геoarхеологии выступают не столько в качестве антропогенных, сколько природных образований, генезис, функционирование и тафономия которых подчиняется естественным законам. Стартовая и формообразующая роль, при всём «величии деяний человека» в генезисе ГАО вторична. Восприятие памятников археологии в качестве объектов биосферы, служит главным качественным отличием геoarхеологии от традиционной археологии, использующей методы естественных наук.

В ходе работ была проведена площадная тахеометрическая съёмка контрольного полигона, фото- и ортофотосъёмка территории с беспилотного летательного аппарата (БПЛА); георадиолокационное зондирование отложений георадарами (до глубины 6,5 м); ручной почвенный зондаж (до глубины 8 м); механическое бурение напластований с помощью мобильной установки усовершенствованным шнековым способом (до глубины 18,5 м). А также широко применялись различные программы компьютерного моделирования.

В ходе лабораторных анализов была препарирована значительная серия почвенных, палинологических и радиоуглеродных образцов, добытых из разрезов, скважин и композитных артефактов. Были выполнены разнообразные почвенно-генетические, палинологические и археозоологические исследования, проведено радиоуглеродное (AMS и OSL) датирование отложений и артефактов.

Фациальный анализ напластований 24 буровых скважин и AMS-даты 40 образцов из них позволили выявить и датировать три генерации древних речных русел, залегающих на глубинах от 3 до 12 м от современной дневной поверхности. Их возраст колеблется в диапазоне от 14,5 до 40,0 тыс. л. н.

Анализ биологических макроэлементов образцов скважины 19520 неопровержимо указывает на субэзральное происхождение верхней пачки напластований и её пойменно-русловой, а не озёрно-осадочный характер. Озёрные от-

ложения были распознаны на глубине 16–18,5 м по обилию остатков типичных водных растений и животных. Радиоуглеродный возраст этих отложений составил 43000–45000 cal BP. Новые данные позволяют со всей очевидностью отказаться от оценки пачки рыхлых напластований Дубнинской низины выше 16 м в качестве озёрных и считать их аллювием пойменной фации.

Археологические изыскания включали пешие разведки и стационарные раскопки. Рекогносцировки производились путём тщательного обследования аномалий, выявленных в ходе геофизического зондирования и в процессе съёмки БПЛА. Главными целями раскопок служило изучение воздействия почвенных процессов на культурные слои и артефакты.

Реальным итогом археологических разведок стало увеличение в 1,5 раза числа стоянок Заболотского торфяника (до 35). Интересно, что три пункта были выявлены непосредственно в процессе буровых работ. Немаловажно и обнаружение с помощью дрона только в границах контрольного полигона не менее 50 погребённых структур, где высока вероятность обнаружения новых памятников.

В процессе раскопок ГАО Минино 2 было вскрыто два разных по морфологии участка общей площадью 65 кв. м. Один из них располагался в суходольной, а другой – в прирусловой части памятника. Во втором была собрана выразительная коллекция изделий из органических материалов позднелепесточной рессетинской и раннеголоценовой заднепильевской культур, а также разнообразные фаунистические остатки.

В радиоуглеродной лаборатории Орхусского университета (Дания) было получено семь AMS-дат по смоле, сохранившейся в пазах вкладышевых наконечников ГАО Минино 2, три из них позднелепесточные для артефактов рессетинской культуры и четыре раннеголоценовые – для изделий заднепильевской культуры (Manninen et al., 2021). Особо следует отметить практическое совпадение дат, полученных по смоле из паза и остаткам древесины с черешка одного и того же, упоминавшегося выше, крупного наконечника копья, что крайне важно в источниковедческом отношении.

Установлено, что формирование русла р. Дубны и самой низменности связано с деградацией московского оледенения в конце среднего плейстоцена (190–130 тыс. л. н. – MIS 6). В последние 30–35 тыс. лет в Дубнинской низине господствовали флювиальные обстановки рельефообразования. Переосмысление генезиса слагающего пойму суглинка, его речной и пойменный характер означают, что в перспективе возможно обнаружение артефактов на глубинах свыше 2,5–3,0 м от дневной поверхности. В качестве оперативного способа выявления погребённых геологических структур (Панин и др., 2022) уместно более широкое применение геофизических методов зондирования, БПЛА и других современных аппаратных средств исследования.

Не вызывает сомнения, что первоначальное освоение территории Заболотского края населением рессетинской эпиграветтской культуры произошло уже во второй половине позднелепесточной эпохи (LGT), а не на рубеже плейстоцена и голоцена, как считалось ранее. Этот вывод подтверждается серией радиоуглерод-

ных (AMS) дат по смоле из пазов костяных и роговых изделий Минино 2, относящихся к позднеледниковью (Manninen et al., 2021). Следует подчеркнуть, что результаты датирования смолы подтверждены и датами органических образцов из скважины 19520, где этот же возраст получили напластования, заключающие шлейф с находками рессетинской культуры. Наследником рессетинских традиций в раннем голоцене стало заднепилевское население.

Крайне важно, что впервые были получены прямые доказательства того, что популяции рессетинского и заднепилевского населения Русской равнины, судя по инвентарю, имеющимся AMS-датам и результатам ДНК-анализа, участвовали в заселении Скандинавского полуострова.

Вновь полученные данные заставляют отказаться от традиционной интерпретации памятников каменного века Заболотского торфяника в качестве «озёрных поселений» (Стоянка Замостье 2..., 2018; Сидоров, 2020).

Озвученные выводы имеют принципиальное значение для разработки объективной хронологии событий и реальной поселенческой стратегии населения в четвертичном периоде.

Всё сказанное позволяет говорить о значительно большей эффективности геоархеологических методов изысканий в сравнении с традиционными археологическими.

Вместо заключения

Что касается соотношения археологии и геоархеологии, то археология – это одна из составных частей геоархеологии, её «гуманитарная частица». Грустно осознавать, но современная археология – частная «научная» дисциплина, роль которой в познании истории человечества сильно преувеличена. Разумеется, никакая часть не может быть больше целого и не может претендовать на замещение этого целого. Это означает, что в перспективе переход на принципы геоархеологического источниковедения неизбежен. Он запрограммирован всем развитием отечественной науки.

Однако, чтобы не заканчивать на минорной ноте, позволь сказать: Будь здоров и весел, Санька, Санька Выборнов! Новых Тебе находок и открытий! Пусть никогда и ничто не омрачит Твоего юбилея...

**Выполнено в составе государственного задания НИОКТР
№ 122011200264-9 ИА РАН.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев А.А., Веденская И.Э., 1962. Развитие рельефа Мещёрской низменности. М.: Академия наук СССР. 128 с.

Квасов Д.Д., 1975. Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 278 с.

Панин А.В., Сорокин А.Н., Бричёва С.С., Матасов В.М., Морозов В.В., Смирнов А.Л., Солодков Н.Н., Успенская О.Н., 2022. История формирования ландшафтов Заболотского торфяника в контексте инициального заселения Дубнинской низины (бассейн верхней Волги) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (57). С. 85–100.

Сидоров В.В., 2020. Торфяниковые стоянки (Торфяные археологические памятники) // Археология Подмосковья. Т. 16. М.: ИА РАН. С. 68–75.

Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене, 2018. СПб.: ИИМК РАН. 214 с.

Manninen M.A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A.N., Vashanau A., Riede F., Persson P., 2021. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History // Journal of Archaeological Method and Theory. № 28. P. 845–870.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА НА ПАМЯТНИКАХ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

© 2024 г. **А.В. Сурков** (surkovarh@mai.ru)

ООО «Археологическое общество Кубани», Воронеж / Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. На ряде памятников Подонья зафиксировано совместное залегание материалов неолитических и энеолитических культур. Получение комплекса радиоуглеродных дат подтвердило стратиграфические наблюдения о едином в хронологическом плане периоде, традиционно называемом нео-энеолитическим. В докладе представлены материалы таких памятников и дается обоснование их выделения в рамках отдельного периода.

Ключевые слова: Подонье, периодизация, нео-энеолитический период.

ON THE PROBLEM OF THE ALLOCATION OF THE NEO-ENEOLITHIC PERIOD IN THE SITES OF THE FOREST-STEPPE DON

© 2024 **A. V. Surkov** (surkovarh@mai.ru)

LLC «The Archaeological Society of Kuban», Voronezh / Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The joint occurrence of materials from Neolithic and Eneolithic cultures has been recorded at a number of sites in the Don region. Obtaining a complex of radiocarbon dates confirmed stratigraphic observations about a single chronological period, traditionally called the Neo-Eneolithic. The report presents the materials of such sites and provides a justification for their allocation within a separate period.

Keywords: Podonye, periodization, Neo-Eneolithic period.

Вопросы периодизации материалов неолита и энеолита играют особую роль в анализе поздних этапов каменного века. Особую актуальность данное направление приобретает при рассмотрении комплексов «пограничных» регионов, к которым относится лесостепь, поскольку фиксируемые здесь процессы культурогенеза и дальнейшего бытования памятников зачастую скоротечны и подвержены разностороннему влиянию.

В первой периодизационной и культурно-хронологической схеме для Донского региона В.П. Левенок основное место в развитии неолита отвел рязанско-долговской культуре с ямочно-гребенчатой керамикой и накольчатой керамике верхнедонского варианта днепро-донецкой культуры (Левенок, 1969. С. 10–11, 17–19), на основе которых в развитом неолите появляется рыбноозерская культура, просуществовавшая до перехода в энеолит (Левенок, 1969. С. 17).

Эту схему существенно дополнил А.Т. Синюк, выделив среднедонскую культуру, которая и развивалась от раннего до позднего периода неолита. Поздний неолит, по мнению исследователя, был связан с распространением ямочной

орнаментации керамики, а на пережиточном этапе появлялось неолитическое население из низовий Дона (Синюк, 1971. С. 15–18).

Таким образом, уже по итогам исследований рубежа 60-х – 70-х гг. XX в. появилось представление об определенном этапе совместного бытования неолитических и энеолитических культур. На сегодняшний день совместное бытование в рамках одной территории населения с различными типами и уровнями хозяйства (имеется в виду местное население, оставшееся на «неолитической» стадии развития, и пришлое, «энеолитическое») ни кем из исследователей региона не ставится под сомнение (Скоробогатов и др., 2016; Смольянинов, Бессуднов, 2017; Сурков, 2019).

Надо отметить, что есть иной подход к рассмотрению периодизации донских материалов неолита-энеолита. Так, В.В. Ставицкий начало энеолита в лесостепи связывают не с культурами мариупольской КИО, а с более поздним, хвалынско-среднестоговским культурным явлением, а периода сосуществования энеолитических и неолитических (пережиточных) культур не было ни на Среднем Дону, ни в лесостепном Поволжье (Ставицкий, 2019. С. 239).

Анализ абсолютных дат по неолитическим материалам Подонья и сопредельных территорий заставляет нас по-иному подходить к вопросам периодизации эпох неолита и энеолита. Накопленные данные, очевидно, указывают на то, что наиболее уместной схемой развития донского неолита является предложенное Д.Я. Телегиным выделение двух эпох – раннеэнеолитической и нео-энеолитической с делением последней на три периода (Телегин, 1978; 2004).

А.И. Юдиным также используется термин «нео-энеолитический» как для определения всего хронологического интервала от начала неолита до конца энеолита, но он также применяется в более узком смысле при описании периода сосуществования неолитических и энеолитических памятников, поскольку переход от неолита к энеолиту не является глобальным и одновременным явлением (Юдин, 2006. С. 11).

Для памятников лесостепного Дона собственно неолитический (вернее раннеэнеолитический) период укладывается в рамки последней четверти VII – VI тыс. до н.э. и ассоциируется с первым этапом среднедонской культуры и карамышевской культурой, а развитие среднедонской, долговской, дронихинской культур и различных типов керамики наряду с нижнедонской и среднестоговской культурами в рамках конца VI – середины IV тыс. до н.э. можно рассматривать в рамках нео-энеолита. Энеолитический (позднеэнеолитический период) связан с репинской культурой и длится со второй четверти IV тыс. до н.э. до конца тысячелетия.

В формировании данного подхода можно выделить три основных момента:

1. Полевые наблюдения и стратиграфия. При проведении раскопок на многослойных памятниках (а таких большинство), мы сталкиваемся с совместным залеганием неолитической и энеолитической керамики, при этом иногда фиксируется перекрытие развалов друг другом, при чем энеолитические оказываются ниже. Наиболее ярким примером такого расположения материалов в слое является стоянка Ямное, где среднестоговские (дереивские) развалы залегали совместно

с поздненеолитическими долговскими и среднедонскими (Сурков, Скоробогатов, 2012).

2. Камеральная обработка, типология керамики и каменного инвентаря. Зачастую фиксируется взаимопроникновение отдельных признаков при сохранении в целом типологического однообразия. Так, керамика черкасского типа является отражением нижнедонской культуры на среднедонской основе, в материалах Ямного долговские сосуды оформлены высокими «дереивскими» венчиками и т.д.

3. Получение сторонних данных, в первую очередь абсолютное датирование. Здесь мы сталкиваемся с хронологическим наложением комплексов друг на друга. Один из ключевых моментов, который заставляет нас отказаться от термина «пережиточный» неолит, поскольку это слишком большой период совместного бытования культур.

В рамках нео-энеолитического периода по имеющимся материалам можно выделить два этапа.

Первый этап нео-энеолитического времени начинается с появления в донской лесостепи нижнедонской керамики в конце (возможно, в последней четверти) VI тыс. до н.э. Пришлое население оказывает определенное влияние на керамические традиции среднедонской культуры, что приводит к формированию черкасского типа (ориентировочно во второй четверти V тыс. до н.э.). Среднедонская культура расширяет свой ареал на все течение реки Воронеж, карамышевская культура приобретает новые (среднедонские) черты, исчезая с исторической арены. Первая половина V тыс. до н.э. становится переломной для донского неолита – здесь формируется дронихинская культура, центром которой становится Похоперье, а на Дону появляется керамика, аналогичная архаичной льяловской. В это же время здесь формируется долговская культура, вероятнее всего при участии льяловского населения раннего и развитого этапов.

Второй этап связан с памятниками поздней среднестоговской (дереивской) культуры, появление которых в лесостепном Подонье можно отнести к последней четверти V тыс. до н.э. Среднедонская культура продолжает проявляться в виде поздней накольчатой и ямочно-накольчатой керамики. Долговская посуда приобретает среднестоговские черты в форме сосудов, особенно в оформлении венчиков, общие орнаментальные приемы становятся схожими с ямочно-гребенчатым неолитом Украины. В Подонье проникают носители ромбоямочной традиции орнаментации керамики. Завершается этап и в целом нео-энеолитическое время в начале IV тыс. до н.э., когда здесь появляются представители позднельяловских традиций керамического производства, что приводит к формированию рыбоозерского типа керамики. С этим же временем вероятно связан и ксизовский тип керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Левенко В.П., 1969. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 19 с.
- Синюк А.Т., 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.

Скоробогатов А.М., Смольянинов Р.В., Сурков А.В., Ойнонен М., Посснерт Г., 2016. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток. С. 244–260.

Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н., 2017. Памятники среднедонской культуры на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3 (20). С. 131–143.

Ставицкий В.В., 2019. К вопросу о «пережиточном неолите» лесостепного Дона // Самарский научный вестник. Т. 8. № 2 (27). С. 239–243.

Сурков А.В., 2019. Среднедонская неолитическая культура: проблемы выделения, хронологии и периодизации // Самарский научный вестник. Т. 8. № 2 (27). С. 243–250.

Сурков А.В., Скоробогатов А.М., 2012. Многослойная стоянка Ямное: материалы исследований. Воронеж: ВГПУ. 82 с.

Телегин Д.Я., 1978. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА. Вып. 153. Памятники эпохи неолита. М. С. 46–48.

Телегин Д.Я., 2004. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-Запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН. С. 106–121.

Юдин А.И., 2006. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск. 46 с.

**К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

© 2024 г. **Е.С. Ткач** (*evgeniia.tkach@gmail.com*), **Э.Б. Зальцман,**
М.А. Кулькова, А.А. Малиютина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Появление и распространение земледелия в Прибалтике остается дискуссионным вопросом. В исследовании нами суммированы все доступные данные региона Юго-Восточной Прибалтики. Привлечены к анализу материалы раннего – среднего неолита (цедмарская культура), а также конца среднего – позднего неолита (приморская культура). Полагаем, что возникновение земледелия в период существования цедмарской культуры представляется сомнительным. Распространение навыков земледелия в Юго-Восточной Прибалтике соотносится с появлением носителей традиций культуры воронковидных кубков.

Ключевые слова. Юго-Восточная Прибалтика, земледелие, цедмарская культура, приморская культура, керамика, петрографический анализ.

**EMERGENCE OF AGRICULTURE IN THE SOUTHEASTERN BALTIC ACCORDING
TO ARCHAEOLOGICAL DATA**

© 2024 **E.S. Tkach** (*evgeniia.tkach@gmail.com*), **E.B. Zaltsman, M.A.**
Kulkova, A.A. Maliyutina

Institute for the History of Material Culture RAS, St.Petersburg, Russia

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg, Russia

Abstract. The emergence and spread of agriculture in the Baltic remains a controversial issue. In the study, we summarized all available data from the Southeastern Baltic region. The materials of the Early – Middle Neolithic (Zedmar culture), as well as the late Middle – Late Neolithic (Primorskay culture) are involved in the analysis. We suppose that the emergence of agriculture during the existence of the Zedmar culture is doubtful. The spread of farming skills in the Southeastern Baltic correlates with the inhabitants of the Funnel Beaker culture traditions.

Keywords: Southeastern Baltic, agriculture, Zedmar, Primorskay culture, ceramic, petrographic analysis.

Земледелие является одним из основных признаков наступления неолитической эпохи для территории Центральной Европы. Для Восточной Европы этим признаком выступает появление керамики. Период V–IV тыс. до н.э. в Юго-Восточной Прибалтике часто называют «субнеолитом», так как доминирующим типом хозяйства выступали охота, рыболовство и собирательство. Спорадические появления в споро-пыльцевых диаграммах пыльцы *Cerealia* некоторыми исследователями связываются с началом земледелия.

К настоящему моменту изучено всего несколько споро-пыльцевых диаграмм из разрезов отложений, расположенных рядом с неолитическими/субнеолитиче-

скими памятниками. В культурном отношении они представлены памятниками цедмарской культуры в северо-восточной Польше (Дудка, Щепанки) (Nalepka, 1995; Wacnik et al., 2020) и в Калининградской области (Цедмар А, Д) (Левковская, Тимофеев, 2004).

На основании наличия в диаграммах цедмарских стоянок пыльцы *Cerealia* в культурных напластованиях в сочетании с пылью дуба (Левковская, Тимофеев, 2004) и результатов трасологического анализа некоторых типов артефактов из кости и рога (Тимофеев, 1981) было высказано предположение о появлении первых признаков примитивного пойменного земледелия в регионе Юго-Восточной Прибалтики на рубеже V–IV тыс. до н.э.

В настоящем исследовании предпринимается попытка пересмотра археологических материалов цедмарской культуры (памятники Цедмар А и Д), к анализу также привлекаются материалы конца среднего и позднего неолита – культуры воронковидных кубков (КВК) и восточного варианта приморской культуры в Калининградской области.

Цедмарская культура. В качестве подтверждения наличия возможного земледелия среди носителей традиций цедмарской культуры приводятся роговые топоры «кирковидные» и Т-образной формы (Тимофеев, 1981). Согласно опубликованным данным, всего выявлено 12 целых кирковидных орудий из рога благородного оленя на стоянке Цедмар Д. По заключению Г.Ф. Коробковой и А.К. Филиппова, они несут на себе следы износа от рыхления и вскапывания земли. Т-образные топоры представлены шестью экземплярами. По мнению А.К. Филиппова, они могли применяться при земляных работах, однако не исключено применение подобных орудий в различных целях. Один Т-образный топор, выполненный из метаподии лося, исследователями связывается с мотыгами второго буго-днестровского типа. Трасологический анализ свидетельствует об использовании орудия в качестве мотыги.

Повторное обращение к коллекции памятника Цедмар Д позволило выявить четыре целых Т-образных топора и один фрагмент, а также две заготовки топоров и семь экз. отходов от производства данных изделий. Заготовка Т-образного топора формировалась из медиальной части ствола рога, так что средний (третий) отросток приходился примерно на его центр. Асимметрично скошенное лезвие оформлялось на базальной части ствола рога. Важно отметить наличие заготовок Т-образных топоров и отходов от их изготовления, что указывает на местный характер производства. На некоторых топорах сохранились следы строгания и резания. Исключительной особенностью топоров цедмарских стоянок является почти полное отсутствие отверстий в центральной части. Наличие отверстия зафиксировано только на одном фрагменте Т-образного топора со стоянки Цедмар Д и на одном фрагменте со стоянки Цедмар А.

Сохранность поверхности рабочих лезвий Т-образных топоров не позволила провести детальный анализ следов использования на современном уровне. Только на одном топоре были отмечены следы в виде забитости кромки лезвия, крупных сколов, которые, согласно многочисленным экспериментальным работам с рого-

выми рубящими орудиями, характерны для рубки древесины (Jensen, 2001. P. 168; Riedel et al., 2004. P. 204; Lisowski et al., 2015).

На поверхности фрагментов керамических сосудов остатков культурных злаков не выявлено. Не прослеживается их присутствие также по результатам петрографических анализов (Ткач, Кулькова, 2023). Единственный фрагмент, где возможно присутствие культурных злаков по результатам петрографического анализа и томографии, относится к импорту, и может быть сопоставлен с поздним этапом культуры линейно-ленточной керамики, однако данное предположение требует дополнительной аргументации.

Детальный трасологический анализ для кремневых изделий не проводился. По типологическим характеристикам в коллекции не выделяются орудия, которые могли быть использованы для сельскохозяйственных целей.

Культуры конца среднего – позднего неолита. В Калининградской области к настоящему времени известно две стоянки позднего этапа КВК – Ушаково-3 и Прибрежное, которые локализуются на северо-восточном побережье Вислинского залива (Zaltsman, 2019; Зальцман, 2020). На этих же местах фиксируются следы поселений приморской культуры. Также стоянка КВК открыта на побережье Гданьского залива в Жуцево (Северная Польша) (Felczak, 2018). Доказано, что здесь они, помимо скотоводства и земледелия, занимались рыболовством и охотой на морского зверя (Felczak, 2018. S. 87).

В Ушаково-3 зафиксирована керамика КВК, залегавшая в восточной части раскопа, преимущественно отдельно от керамики приморской культуры. В Прибрежном, помимо изделий из керамики, под слоем с приморскими материалами обнаружены следы двух построек столбовой конструкции.

Восточный вариант приморской культуры представлен материалами памятников Прибрежное и Ушаково 1 – 3. В формировании данной культуры принимали участие, в первую очередь, носители традиций культур шнуровой керамики (КШК), культуры шаровидных амфор, КВК, и, возможно, цедмарской. Ее существование относится к началу III тыс. до н.э. Наличие земледелия у населения КША и КВК не вызывает сомнений.

Остатков культурных злаков на поверхности исследуемой керамики не выявлено. Наличие земледелия подтверждается результатами петрографического анализа.

Всего проанализированы 10 экз. с поселения Прибрежное, которые могут быть сопоставлены с КВК и/или иметь аналогии в культурах лесного неолита (керамика с органической примесью, визуально схожая с сосудами цедмарской культуры). В восьми из них выявлены остатки выгоревшей наземной растительности, в том числе остатки зерен злаковых. Пять сосудов изготовлены из жирных глин хлоритового состава. В двух экз. в качестве примесей использованы только растительность с остатками зерен злаковых, в двух экз. – растительность в сочетании с песком, в одном экз. – растительность в сочетании с песком и дресвой. Для двух экз. зафиксировано использование глины гидрослюдистого состава. В качестве примесей использованы растительность с остатками зерен злаковых в соче-

тании с песком и в сочетании с песком и дресвой. В одном сосуде зафиксировано использование глины каолинитового состава, в качестве примесей использованы растительность с остатками зерен злаковых, дресва и песок. На всех проанализированных образцах фиксируется костровой обжиг в окислительной среде (средняя температура 700–870 °С).

В коллекции поселения Прибрежное среди материалов приморской культуры обнаружены несколько категорий орудий, которые можно с определенной степенью уверенности соотнести с земледелием.

Каменный инвентарь. В жилище 2 выявлены две слабо обтесанные мотыги трапецевидной (изготовлена из песчаника) и овальной (изготовлена из кристаллической породы) форм. Также представлены зернотерки и растиратели. Особый интерес представляют первые – всего выявлено 6 шт. Они изготовлены из песчаника и/или из кристаллических пород камня. Все изделия представлены обломками, которые имеют вогнутую рабочую поверхность. Встречены как внутри жилищ, так и рядом с ними. Также выделяется серия шлифовальных плит (всего 7 шт.), изготовленных из красно-коричневого песчаника, форма округлая или прямоугольная. Кремневые изделия малочисленны и представлены орудиями, выполненными из привозного и местного кремня. Трасологический анализ для изделий из камня не проводился.

Обсуждение. Исходя из полученных археологических данных, возникновение земледелия в период существования цедмарской культуры представляется сомнительным. Сопоставление палинологических схем, выполненных Х. Гроссом, с результатами исследований 1970-х гг. Г.М. Левковской, на современном этапе исследований требует повторного анализа. На культурно аналогичных памятниках северо-восточной Польши (стоянки Щепанки и Дудка) возникновение и распространение пыльцы *Cerealia* фиксируется только с позднего неолита с приходом носителей традиций культур шнуровой керамики (Wasnik et al., 2020). Среди материалов цедмарской культуры отмечается лишь присутствие импортной посуды с более южных территорий, где было распространено земледелие (как и среди керамики стоянки Цедмар Д).

В целом, роговые Т-образные топоры могли быть многофункциональными орудиями, точная интерпретация функции которых должна быть основана на хорошо сохранившихся следах использования (Van Gijn, 2005; Girininkas, 2015; Orłowska, Osipowicz, 2017). Таким образом, соотнесение данной категории орудий исключительно с земледелием нецелесообразно. Лишь проведение повторных археологических и палинологических изысканий на памятниках цедмарского торфяника может пролить свет на данный вопрос.

Распространение навыков земледелия в Юго-Восточной Прибалтике, по нашему мнению, соотносится с носителями традиций КВК, при последующем участии населения КШК и КША. Подтверждением тому является наличие остатков культурных злаков в составе примесей позднейшей керамики КВК и присутствие в каменном материале зернотерок и шлифовальных плит среди древностей приморской культуры. В будущем необходимо проведение трасологического исследо-

вания каменного инвентаря, а также петрографического анализа характерных для приморской культуры типов посуды.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01172 «На границе двух миров: культурные традиции Центральной и Восточной Европы в позднем каменном веке Калининградской области».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зальцман Э.Б., 2020. Культурная и хронологическая принадлежность среднеолитических материалов с поселений Ушаково 3 и Прибрежное // КСИА. Вып. 258. С. 46–64.
- Левковская Г.М., Тимофеев В.И., 2004. К хронологии и экологии начала земледелия в Восточной Прибалтике (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: ИИМК РАН. С. 88–105.
- Тимофеев В.И., 1981. Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып. 165. С. 115–119.
- Ткач Е.С., Кулькова М.А., 2024. Посуда цедмарской культуры: результаты петрографического анализа (по материалам стоянок Цедмар А и Цедмар Д) // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре. СПб.: ИИМК РАН. С. 59–60.
- Felczak O., 2018. Kultura pucharów lejkowatych w jej środkowym okresie trwania na obszarze stanowiska nr 1w Rzućwie // Zespół osadniczy z epoki kamienia – Rzućewo, gmina Puck” stanowisko 1. Fontes Commentationesque ad Res Gestas Gedani et Pomeraniae. Tom VII. Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. P. 83–107.
- Girininkas A., 2015. Ūkis ir visuomenė Lietuvos priešisto-rėje. T. 1. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 319 p.
- Jensen G., 2001. Macro wear patterns on Danish Late Mesolithic antler axes. In: A. M. Choyke, L. Bartosiewicz (eds) / Crafting bone – skeletal technologies through time and space. Proceedings of the 2nd meeting of the (ICAZ) Worked bone research group. BAR International series, Oxford. P. 165–170.
- Lisowski M., Pyżewicz K., Frankiewicz M., 2015. Analiza funkcjonalno-technologiczna artefaktów wykonanych z kości, poroża I zębów. In: A. Marciniak / I. Sobkowiak-Tabaka / M. Bartkowiak / M. Lisowski (eds). Kopydłowo, stanowisko 6. Osady neolityczne z pogranicza Kujaw I Wielkopolski. Poznań-Pekowice. P. 245–264.
- Nalepka D., 1995. Palynological investigations of an archaeological site at Dudka (profile D1–26) // Przegląd Archeologiczny. № 43. P. 61–64.
- Orłowska J., Osipowicz G., 2017. Searching for the function of the early Holocene heavy duty bevel-ended tools: remarks from experimental and use-wear studies // Археология Евразийских степей. Казань. № 2. С. 103–121.
- Riedel K., Pohlmeier K., von Rautenfeld D.B., 2004. An examination of Stone Age/Bronze Age adzes and axes of red deer (Cervus elaphus L.) antler from the Leine Valley, near Hannover. In: European Journal of Wildlife Research. Vol. 50 (4). P. 197–206.
- Van Gijn A.L., 2005. A functional analysis of some late Mesolithic bone and antler implements from the Dutch coastal zone // H. Luik, A.M. Choyke, C.E. Batey, L. Lougas (eds.). From Hooves to horns, from mollusc to mam-moth. Manufacture and use of bone artefacts from prehistoric Times to the Present, 4th meeting of the ICAZ WBRG, Tallin, Muinasaja Teadus 15. Tallin. P. 47–66.
- Wacnik A., Gumiński W., Cywa K., Bugajska K., 2020. Forests and foragers: exploitation of wood resources by Mesolithic and para-Neolithic societies in north-eastern Poland // Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 29. P. 717–736.

Zaltsman E., 2019. Pottery of the Funnel Beaker Culture in Settlement Contexts of the North-Eastern Coast of the Vistula Lagoon: Case Studies of Ushakovo and Pribrezhnoye Sites // *Baltic-Pontic Studies*. Vol. 24. P. 7–26.

**ЛИЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБИТАЕМОГО ПРОСТРАНСТВА
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ VII СТОЯНКИ УШКИ I**

© 2024 г. **А.Ю. Федорченко** (winteralex2008@gmail.com), **Н.Е. Белоусова**

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе представлены результаты реконструкции пространственных аспектов человеческой активности, связанной с изготовлением и использованием украшений культурного слоя VII поселения Ушки I на Камчатке. Бусины, подвески и бляшки, отдельности сырья и заготовки массово представлены в нескольких жилищах, расположенных в северо-восточной и юго-западной частях поселения, в которых осуществлялось производство.

Ключевые слова: Верхний палеолит, Камчатка, пространственный анализ, технологический анализ, личные украшения.

**PERSONAL ORNAMENTS IN THE STRUCTURE OF THE INHABITED SPACE
OF CULTURAL LAYER VII, USHKI I SITE**

© 2024 **A.Yu. Fedorchenko** (winteralex2008@gmail.com), **N.E. Belousova**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The paper presents results of reconstructing spatial aspects of human activity related to production and use of personal ornaments from cultural layer VII of Ushki I site, Kamchatka. Beads, pendants and plaques, raw material nodules and blanks are massively represented in several dwellings in the northeastern and southwestern parts of the settlement, where production took place.

Keywords: Upper Paleolithic, Kamchatka, spatial analysis, technological analysis, personal ornaments.

Данные о пространственном распределении украшений в контексте культурного слоя играют важную роль для интерпретации функций этих изделий. Для территории крайнего Северо-Востока Азии одним из опорных археологических объектов, содержащих значительный массив сведений по традициям производства и использования древнейших предметов личного орнамента, выступает многослойная стоянка Ушки I (Диков, 1967; 1979; 1993). В результате комплексных исследований памятника были выявлены и изучены два культурных слоя с разновременными поселениями финала верхнего палеолита. Здесь представлены относительно полные технологические контексты изготовления разнообразных предметов личной орнаментации, все они в свою очередь принадлежат уникальным по своей сохранности поселенческим, производственным и ритуальным комплексам. Цель настоящей работы заключалась в реконструкции пространственных аспектов человеческой активности, связанных с изготовлением и использованием личных украшений древнейшего культурного слоя VII стоянки Ушки I.

Сопоставление сведений, полученных на основе анализа археологических коллекций и полевой документации, опубликованных и архивных источников позволило составить и проанализировать базу данных по 1140 артефактам, харак-

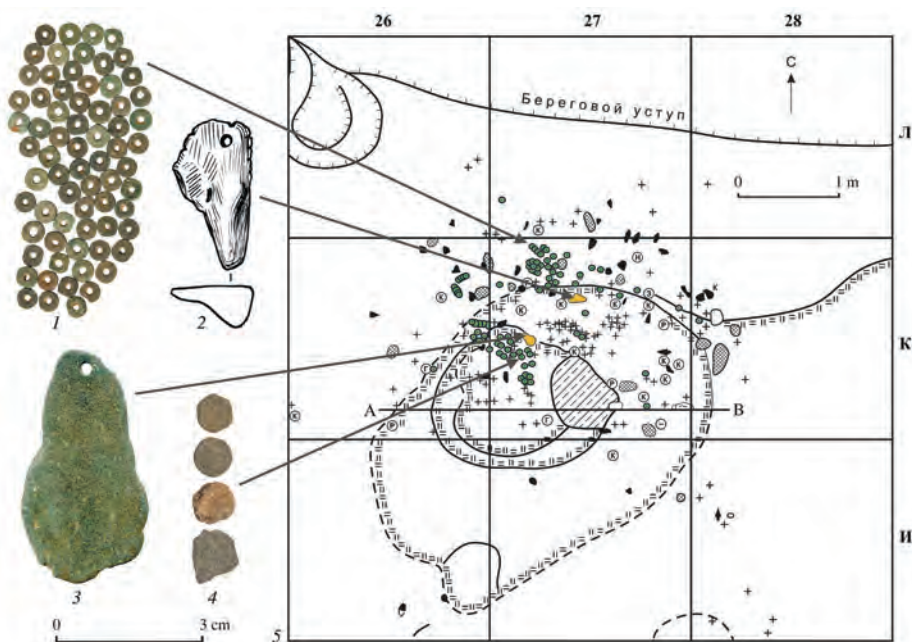

Рис. 1. Слой VII стоянки Ушки I, постройка № 2. Коллекция предметов личного декора.

теризующих технологию изготовления каменных украшений к.с. VII памятника Ушки I. Проведенное исследование демонстрирует неравномерность распределения находок подобного рода на территории поселения. Основная масса украшений ($n=882$, 77,36 %) была найдена в погребении № 1. Большие группы находок готовых изделий, преформ и заготовок, фрагментов поделочного сырья происходит из зон углистых площадок наземных жилищ ($n=227$, 19,91 %) – в основном из четырех построек в северо-восточной (№ 2 и 3) и юго-западной частях (№ 9 и 11) памятника ($n=202$, 89 %). В контексте других конструкций в северной, центральной и восточной частях поселения (№ 1, 4, 5, 7 и 10) были найдены единичные предметы (от 1 до 7 экз.). Внутри жилищ находки часто фиксировались при разборе пола на незначительном удалении (1–2 м) от кострищ; отдельные готовые украшения были выявлены в заполнении очагов.

В зонах шести жилищных конструкций (№ 1–4, 9, 10) присутствуют наборы артефактов, иллюстрирующие разные стадии производства украшений из поделочного сырья. Крупнейшая и наиболее информативная коллекция предметов личного декора ($n=124$) происходит с участка постройки № 2 (Рис. 1). Основная масса украшений располагалась вокруг кострища, смещенного к северо-западному краю сооружения. Крупная концентрация из 61 миниатюрной округлой бусины отмечена к северу от очага на участке кв. Л-26/27. Более половины этих изделий залегало в виде одного крупного скопления подтреугольной формы и нескольких стопок, состоящих из четырех или пяти бусин. Около 20 бусин происходило

из заполнения кострищного пятна, в северо-западной его части. В зоне той же концентрации бусин (кв. Л-27) были найдены также подвески ($n=5$), залегающие одиночно или в сочетании с бусинами. В тоже время в зоне жилища № 2 была найдена самая крупная для поселения к.с. VII коллекция заготовок ($n=12$) и преформ ($n=4$) предметов личного орнамента, отдельностей сырья ($n=4$) и отходов их расщепления ($n=9$). Находки из контекста производственного цикла, в отличие от готовых изделий, концентрировались, главным образом, на участках кв. И/К-26/27 и Л-26, примыкающих к кострищу с южной или северо-западной стороны.

На площади поселения ранней ушковской культуры памятника Ушки I аналогичное сочетание готовых форм и заготовок выявлено для двух более мелких жилищных конструкций № 1 и 3, соседствующих с постройкой № 2 с северо-запада и юго-запада, а также жилища № 4, расположенного в восьми метрах к юго-юго-западу. В рамках этих сооружений были найдены отдельные бусины, заготовки и фрагменты поделочного сырья, а также небольшие серии обломков и сколов; в силу своей малочисленности указанные находки не образуют в жилищах выраженных концентраций. В юго-западной части поселения в крупных жилищах № 9 и 10 преобладали заготовки украшений ($n=10$), наряду с ними представлены продукты расщепления мягких пород камня ($n=9$), единичные экземпляры подвесок ($n=4$), отдельности сырья ($n=2$) и преформы округлых бусин ($n=1$). При исследовании остатков жилищной конструкции № 11 бусины и подвески не фиксировались, были получены только заготовки изделий персональной орнаментации и обломки поделочных пород камня ($n=11$). Два наземных сооружения слоя VII (№ 5 и 7) содержали только законченные формы украшений ($n=7$). Одна фрагментированная подвеска со следами термического воздействия была выявлена в жилище № 7 в непосредственной близости от кострища. Шесть мелких бусин отмечены в постройке № 5 на участке кв. В-24/25: три изделия располагалось одним скоплением на расстоянии 0,1–0,2 м от кострища, два украшения – на удалении 0,1 и 0,35 м и одно – непосредственно в его заполнении.

Коллекция готовых каменных бусин, их преформ, заготовок украшений, обломков и отщепов связана с двумя участками межжилищного пространства поселения ($n=31$, 2,71 %). Первая зона расположена в северной части стоянки, на расстоянии от четырех до десяти м к югу от погребения. Одна бусина была найдена на кв. Ж-12, непосредственно в охристой засыпке «ритуальной» площадки, окружавшей могильную яму (Диков, 1967). Крупнейшая концентрация законченных бусин среди обнаруженных вне жилищных построек ($n=13$) наблюдалась на участке кв. Е-12, в непосредственной близости от двух небольших кострищных пятен неправильной овальной формы. В 5–6 м к югу был отмечен более крупный открытый очаг округлой формы на кв. Г/В-11/12, с которым также были связаны находки предметов персональной орнаментации: в полутора м к северо-западу от кострища на кв. Г-11 – заготовка бусины, в двух метрах к северо-востоку на кв. Г-13 – мелкая округлая бусина, в заполнении кострища – еще две аналогичные бусины. Второй участок межжилищного пространства с украшениями располагался в северо-восточной части поселения и схожим образом был связан с крупным

углистым пятном неправильной овальной формы на кв. Ж/3-20/21. На удалении 1,5–2 м к северо-востоку от этого кострища на участке кв. И-23 фиксировалось скопление, состоявшее из обломков поделочного камня ($n=5$), заготовок украшений ($n=3$), преформы и отщепа; одна целая бусина была обнаружена в двух метрах от очага к юго-востоку на кв. Е-21.

В целом, сочетание отдельностей поделочного камня и специфических продуктов их расщепления, заготовок, преформ, незаконченных и готовых изделий демонстрирует, что весь технологический цикл изготовления каменных украшений осуществлялся на самом поселении к.с. VII, внутри большинства известных здесь жилищ. На это также указывает расположение основных элементов технологии изготовления украшений в сочетании с абразивами, отмечаемое для трех сооружений слоя. Наиболее полно процесс производства каменных бусин и подвесок может быть реконструирован на примере жилищного комплекса № 2, в северо-западной части которого располагалась рабочая площадка. Основные операции по изготовлению украшений осуществлялись рядом с очагом, выступавшим основным источником освещения. Вероятно, вследствие миниатюрности часть бусин могла быть утрачена, попадая в кострище. Другие жилища (№ 1, 4 и 11) и рабочие площадки у отдельно стоящих очагов этого слоя демонстрируют неполный технологический контекст производства предметов личного декора. По нашему мнению, это может быть связано с методикой полевых работ, применявшейся при раскопках этих объектов. Обнаружение целых или фрагментированных украшений на уровне пола или внутри кострищ построек № 2, 3, 5, 7, 9 и 10 может быть связано с их утратой при повседневном использовании.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 24-28-01294 «Погребальные практики и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Северо-Восточной Азии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Диков Н.Н., 1967. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Вып. 17. М.: Наука. С. 16–31.
- Диков Н.Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука. 352 с.
- Диков Н.Н., 1993. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 68 с.

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭНЕОЛИТА
В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ДЁМЫ В ЮЖНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ**

© 2024 г. **А.А. Хурмаев** (kimi.malini@nandex.ru)

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск, Россия

Аннотация. Темп исследований эпохи энеолита на территории среднего течения р. Дёмы критически снизился после последних работ в 1980-х гг. В 2022–23 гг. автором в составе экспедиций ИИЯЛ УФИЦ РАН была продолжена данная работа. В ходе разведок обследована Кара-Якуповская стоянка, а также обнаружен энеолитический материал на поселении бронзового века.

Ключевые слова: энеолит, среднее течение р. Дёмы, Южное Предуралье.

**NEW RESEARCH OF THE ENEOLITHIC IN THE MIDDLE REACHES
OF THE DEMA RIVER IN THE SOUTHERN URALS**

© 2024 **A.A. Khurmaev** (kimi.malini@yandex.ru)

Institute of the History, Language and Literature UFRC RAS, Ufa, Russia

Udmurt Institute of History, Language and Literature UB RAS, Izhevsk, Russia

Abstract. The rate of research of the Eneolithic on the territory of the middle reaches of the Dema River has critically decreased after the last work in the 1980s. In 2022–23, the author continued this work as part of the expeditions of the IHLL UFRC RAS. During the exploration, the Kara-Yakupovo site was visited and examined, and Eneolithic material was discovered at a Bronze Age settlement.

Keywords: Eneolithic, middle course of the Dema River, Southern Urals.

Среднее течение р. Дёмы в географическом отношении представляет собой хорошо выровненную долину. Русло реки в этой части достаточно сильно извивается по равнине и оставляет после себя множество отчленённых меандров, старых русел и протоков. Берега реки относительно невысокие и их высота редко превышает 3–4 м, но обрывистые берега идут как по левой, так и по правой стороне речного русла.

Археологические исследования памятников энеолита на этой территории начались в 1960-х гг. и связаны с именами Г.И. Матвеевой и Г.Н. Матюшина. Одним из крупнейших и важнейших памятников по праву считается Давлекановское многослойное поселение, расположенное на левом берегу р. Дёмы. Стоянка была открыта Г.И. Матвеевой в 1962 г. (Агеев и др., 1976. С. 102). Работы на памятнике дали материалы различных эпох – от мезолита до бронзы. В 1962, 1963, 1967 и 1969 гг. на этом памятнике работал Г.Н. Матюшин (Матюшин, 1982. С. 189). Материал стоянки позволил ему говорить о принадлежности её к выделенной им «агидельской» энеолитической культуре, что позже было раскритиковано, в частности, И.Б. Васильевым, А.А. Выборновым и Н.Л. Моргуновой в их совместной статье (Васильев и др., 1985. С. 280–290).

Позднее, в 1980-х гг. активную полевую деятельность на этой территории ведет Ю.А. Морозов. Им были обнаружены и исследованы такие энеолитические памятники как Чишминская и Кара-Якуповская стоянки.

Чишминская стоянка расположена на невысоком останце берега старицы в пойме правого берега р. Уршак. Площадка памятника составляет 50×18 м, с западной и восточной стороны она ограничена промоиной, а с северной – старицей. Исследовалась в 1980–82 гг. Помимо керамического материала, среди находок выделяются 102 наконечника стрел и копий и 15 орудий. Материалом для них служил черный кремень и яшма зауральского происхождения. Ю.А. Морозов датирует памятник серединой III тысячелетия до н.э. (Морозов, 1994. С. 89–94).

В 1980–1984 гг. Ю.А. Морозовым обследуется Кара-Якуповская стоянка и могильник. Памятник расположен в 1 км к северо-востоку от с. Кара-Якупово Чишминского района РБ, занимает участок невысокого останца в пойме правого берега р. Дёмы. Размеры останца составляют 25×90 м, вытянут он по линии север–юг.

На основе материалов раскопок Ю.А. Морозов пришёл к выводу, что материал стоянки может указывать на определенную преемственность населения стоянки с южноуральским неолитом. К таким выводам его натолкнули техника обработки каменных изделий, преобладание ножевидных пластин и орудий на них. В керамическом материале – формы сосудов, их технологические особенности, орнаментальные композиции во многом напоминают сосуды финального неолита. Ю.А. Морозов отмечал, что, несмотря на схожесть с керамикой неолитического облика, керамика энеолита, представленная на памятнике, обладает своими особенностями. Это проявляется в венчиках сосудов – они становятся более отогнутыми, а также на них появляется характерный воротничок. Меняется также и орнамент. В коллекции преобладают геометрические композиции, меняется расположение, появляются отпечатки веревочки, наколы и пр. (Морозов, 1984. С. 56).

Аналогии подобной керамике мы можем найти на поселениях Муллино и Давлеканово в Предуралье, на Сасыкульской стоянке, на Ивановской стоянке в Оренбургской области, на памятниках Самарской области (Виловатовская стоянка). Таким образом, Кара-Якуповская стоянка была помещена в промежуток между памятниками типа Съезжее и Хвалынский, в круг энеолитических памятников лесостепной и степной зоны Южного Предуралья, Нижнего Поволжья и Прикамья (Морозов, 1984. С. 58).

К сожалению, комплексных работ по изучению эпохи энеолита на данной территории после 1980-х гг. более не проводилось. В связи с этим в 2022–23 гг. автором в составе экспедиций ИИЯЛ УФИЦ РАН были предприняты разведочные работы на участке среднего течения р. Дёмы, в Чишминском районе Республики Башкортостан.

В ходе разведочных работ была осмотрена Кара-Якуповская стоянка. Ранее предполагалось, что весь участок останца, на котором располагается стоянка, был исследован Ю.А. Морозовым в 1980–84 гг. Однако, как выяснилось, крайний северный участок, размерами около 5×5 м не был затронут предшествующим раскопками.

На данном участке был заложен один разведочный шурф размерами 1×1 м. Полученная стратиграфия выглядит следующим образом: после дерна залегает

Рис. 1. Энеолитическая керамика. 1–5 – керамика Кара-Якуповской стоянки; 1–2 – керамика второй группы; 3–5 – керамика первой группы; 6–10 – керамика с ямочным орнаментом с поселения Новый Беркадак-1.

серо-коричневая гумусированная комковатая супесь, переходящая далее в белесо-серую гумусированную супесь. Ниже она плавно переходит в серую гумусированную супесь, которую подстилает материковый песок. Общая глубина шурфа составила 125 см. Энеолитические находки залегают в слое белесо-серой и серой гумусированной супеси, а сама мощность слоя составляет около 80 см.

Также в ходе шурфовки при зачистке материкового слоя в северо-западном углу было зафиксировано пятно, размерами 30×30 см. На поверхности залегали фрагменты керамики 2 группы. При контрольной зачистке стенок было выявлено,

что яма наклонная и имеет глубину 86 см при однородном заполнении. Дальнейшее вскрытие ямы не производилось – она была законсервирована.

Всего был получен 31 фрагмент керамики, относящийся к энеолиту, которую можно разделить на две группы (Рис. 1: 1–5):

Первая группа (Рис. 1: 3–5) наиболее многочисленна и представлена 25 фрагментами, из которых 24 стенки и 1 фрагмент доннышка. Для керамики данной группы характерен бледно-коричневый цвет, обильное количество ракушки и органики в тесте, что придаёт фрагментам сильно пористую структуру. Сохранившийся фрагмент дна плоский. Орнамент представлен горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа и прочерченными линиями. Керамика данной группы залегала в слое белесо-серой гумусированной супеси на 3 и 4 горизонтах (глубина от -46 до -78 см). Судя по всему, керамика первой группы представляла достаточно крупные плоскодонные сосуды.

Во вторую группу (Рис. 1: 1–2) включено 6 фрагментов. Для данной группы характерен темно-коричневый цвет, серое тесто с примесью песка и дресвы. На 5 фрагментах сохранился орнамент, представленный горизонтальными поясками подпрямоугольных вдавлений, горизонтальными и зигзагообразными линиями оттисков гребенчатого штампа. Из 6 фрагментов 3 явно относятся к одному сосуду и по восстановленной части стенки удалось определить примерный диаметр – 36–37 см. Керамика второй группы залегала в слое темно-серой гумусированной супеси на 5 горизонте и на поверхности выявленного пятна на материковом песке (глубина от -78 до -126 см). Примечательно, что большая часть фрагментов этой группы концентрируются в районе выявленного пятна.

В целом, полученная керамика идентична керамике, полученной при раскопках стоянки в 1980–1984 гг. (Морозов, 1984) и таким образом может быть также датирована эпохой энеолита.

В ходе разведочных работ также было выявлено крупное поселение эпохи бронзы – Новый Беркадак-1. Памятник расположен на правом берегу р. Демы, на мысу, возвышающимся на 2–3 м над узкой поймой р. Демы, в 6 км к северо-западу от Кара-Якуповской стоянки. На юго-западе участок ограничен деревней Новый Беркадак, а с севера – пойменным озером. С востока мыс ограничен возвышающийся поймой высотой 7–10 м, на которой располагается д. Новый Беркадак.

Помимо керамики абашевской, срубной и саргаринско-алексеевской культур, в одном из шурфов было обнаружено 5 (4 стенки и 1 венчик) фрагментов керамики, предположительно относящихся к энеолиту (Рис. 1: 6–10). Керамика залегала во втором горизонте (глубина от -20 до -40 см) в слое серой гумусированной супеси.

Все фрагменты явно либо от одного сосуда, либо от близких друг к другу по своим характеристикам. Полученные фрагменты лепных глиняных сосудов имеют коричневый – темно-коричневый цвет, тесто темно-серое с большим количеством толченой ракушки. Венчик прямой, а профилировка слабая. Также на фрагментах зафиксирован орнамент, представленный множественными ямочными вдавлениями различных размеров (Рис. 1: 6–10).

Аналогичная керамика с обильной примесью ракушки в тесте и ямочным орнаментом обнаружена в ходе раскопок Кара-Якуповской стоянки (Морозов, 1984. С. 50), что позволяет датировать полученный материал эпохой энеолита и обозначить его как синхронный с Кара-Якуповской стоянкой.

Таким образом, разведочные работы 2022–23 гг. стали логическим продолжением комплексных и целенаправленных исследований эпохи энеолита на территории среднего течения р. Дёмы в Южном Предуралье. Данная территория на данный момент представляется крайне перспективной и работы в этом направлении будут продолжаться.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Агеев Б.Б., Васюткин С.М., Васильев И.Б. и др., 1976. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука. 263 с.г.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л., 1985. Рец.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982 // СА. № 2. С. 280–290.
- Матюшин Г. Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.: Наука. 331 с.
- Морозов Ю.А., 1984. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 43–58.
- Морозов Ю.А., 1994. Наконечники стрел Чишминской стоянки // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: Изд-во ПКФ «Конкорд-Инвест» С. 89–94.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ УСТЬЕ-КУТАРЕЙСКОГО УЧАСТКА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДАННЫХ© 2024 *г А.Н. Чеха (cheha.anna@yandex.ru)**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

Аннотация. В результате исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные, была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников (Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень). Проведенные исследования позволили выявить на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию производства мелких пластинчатых сколов, а на памятнике Гора Кутарей производства тесел, топоров и веерных скребков, выполнен анализ целевых пластинчатых сколов. В результате удалось (с долей условности) выделить более ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (сл. 3. гор. 1, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей). В данной работе обобщаются результаты полученных ранее данных в контексте проблематики изучения региона, описывается круг основных аналогий.

Ключевые слова: Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.

THE UST-KUTAREY NEOLITHIC COMPLEXES (NORTHERN ANGARA REGION) IN THE CONTEXT OF MODERN DATA© 2024 *A.N. Chekha (cheha.anna@yandex.ru)**Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia*

Abstract. As a result of the study of archaeological materials from the Ust'-Kutarey site, it was possible to identify conditionally «pure» Neolithic complexes and mixed ones, and a comparative analysis of materials from neighboring sites (Gora Kutarey and Senkin (Sinyi) Kamen) was made. The conducted research allowed to reveal the concentration of production of microblade chippings at the Ust'-Kutarey site, and at the Gora Kutarey site- production of cadzes, axes and fan scrapers, the analysis of target blade blanks was also performed. As a result, it was possible (with a degree of conventionality) to distinguish an earlier (middle) stage of the Neolithic (hor. 2, layer 3 Ust'-Kutarey site) and a later (layer 3, hor. 1 ; layer 2 Ust'-Kutarey site, Gora Kutarey site).

Keywords: Northern Angara region, Neolithic, paleometal, stone industry, compressional nature of sediments, ceramic complexes, rescue archaeological work.

Памятники в устье реки Кутарей относятся к Северному Приангарью (Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангары в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежда, на правом берегу в устье р. Кутарей; археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангары, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежда; археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангары, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от села Кежда).

Исследователями отмечается географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне.

Однако изучение археологических памятников региона сопряжено с другими не столь благоприятными факторами: как правило, памятники Северного Приангарья несут преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов, отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений слабо стратифицированы (компрессионный характер отложений (макрослоистость)).

По современным данным время появления гончарства (сетчатая и шнуровая хайтинская керамика) в регионе сегодня определяется датами по костям копытных для слоя 3 стоянки Холмушино 3 на р. Белая в интервале 8510–8380 кал. л. н. (Бердников и др., 2017). Указанные типы керамики продолжают бытовать на территории региона вплоть до ~7000–6900 кал. л. н. (Горюнова, Новиков, 2018). Первые немногочисленные погребения фиксируются в интервале ~8600–8000 кал. л. н., однако керамика в них отсутствует (Weber et al., 2016).

В среднем неолите, после ~7000 кал. л. н., культурная ситуация в Байкало-Енисейской Сибири меняется. Это выражено в появлении в материалах стоянок новых типов керамики – посольского и усть-бельского. Наиболее надежные AMS-даты по 7 образцам зубов и костей оленей для комплексов с этой керамикой, полученные в результате раскопок поймы на местонахождении Усть-Белая в Южном Приангарье, демонстрируют ее возраст в интервале 6700–6300 кал. л. н. По нагару с двух сосудов из раскопок Усть-Белой получены более древние определения, но это, видимо, является следствием эффекта пресноводного резервуара (Бердников, Бердникова, 2022).

Для посольской керамики на данный момент достаточно надежные AMS-даты со значениями в диапазоне 6750–6310 кал. л. н. получены для местонахождений байкальского побережья (Горюнова, Новиков, 2018).

Погребальные комплексы для среднего этапа неолита до сих пор не были идентифицированы (Weber et al., 2010). Исследователями были проанализированы доступные сведения по региону и создана база данных, которая включает 108 погребальных комплексов Приангарья и Канско-Енисейского региона, обладающих рядом признаков, не характерных в своем сочетании для захоронений раннего и позднего неолита. Серийное датирование погребений из данной базы позволит выделить группу захоронений для среднего неолита (Бердников, Бердникова, 2022).

Материалы могильников позднего неолита исаковской и серовской традиций захоронений (5600–4600 кал. л. н.) (Weber et al., 2016) хорошо коррелируют с комплексами стоянок, особенно байкальского побережья, где примерно в этот же период фиксируется серовская и пунктирногребенчатая керамика (Долганов и др., 2013).

Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала сл. 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Было выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей на уровне обоих его горизонтов преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа). В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

На памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства.

Среди орудий, соотносящихся с комплексом 1, многофасеточный резец-дрель. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Как, например, в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова-I, где представлена серия типологически близких орудий (Томилова и др., 2014. С. 82, 96). Также подобные изделия известны на памятниках Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) (Слободин, 2014). Индустрию комплекса также отличает и наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленные заготовками и фрагментами (4 целых экз. (один 10 см длиной), 15 фрагментов, 6 заготовок), а также шлифованных форм (12 экз. тесел, переоформлены и/или оббиты по одному из продольных краев, изготовлены из туфоалевролитов).

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом, следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру отдельности, с выделением цапф с пришлифовкой лезвия. Морфологически наиболее близкие изделия (для обоих экз. топоров) найдены на местонахождении (в материалах III и IV уровней отложения культуры) (Липнина, Лохов, Медведев, 2013. С. 88, 94). В целом, комплекс отличается отсутствием орудий на пластинах, тесел (1 экз.), ретушированных отщепов (11 экз. с утилизацией), отсутствием двойных концевых скребков (представлены лишь 4 экз. концевых скребков: 3 – на отщепах, 1 – на пластине).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннежелезному веку и средневековой (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2400–2100 л. н.), керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л. н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным

на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на Северо-Востоке Азии. Подобные изделия присутствуют прямо или косвенно в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV, Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник, Юбилейный), Камчатки (Ушки I, -II, III-IV слой; Авача-1, -9) и рассматриваются исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л. н. (Слободин, 2014). На памятниках Верхней Колымы (Уи, Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех- и четырехгранные наконечники.

Важно также отметить, что на стоянке Устье Реки Кутарей не зафиксировано характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л. н., а уже на стоянке Гора Кутарей данный тип посуды встречается.

Учитывая данные планиграфического анализа, сопоставления с керамикой и статистического анализа пластинчатых заготовок, можно сделать предположение, что горизонт 2 (сл. 3) относится к более ранней (средней) стадии неолита, характеризующейся большим количеством мелких пластинчатых (целевых) микропластинчатых сколов шириной 5–6 мм. Для более поздней стадии характерно снижение количества мелких пластинчатых заготовок, появляется большее количество листовидных бифасов, тесла, топоры. На памятнике Гора Кутарей уже фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ. Среди орудий весомую группу составляют наконечники (6 экз.): листовидный с прямым насадом (42,1 мм) треугольный с прямым насадом (25,3 мм), треугольный черешковый (22,5 мм, черешок длиной 5,4 мм), еще два экз. – треугольные с вогнутым насадом (16 мм и 56 мм), один из них удлиненный, с глубокой выемкой (13 мм). Подобный экз. был обнаружен на Усть-Кове I пункт 2 (2 культурный горизонт), а также на памятнике Сосновый Мыс в культурном горизонте 3 (Кузнецов и др., 2020). Материалы, обнаруженные в отложениях I надпойменной террасы р. Ковы, предположительно отнесены к раннему голоцену (Томилова и др., 2014). Особо следует отметить шлифованный по всей поверхности нож с обушком, выполненный из нефрита, длиной 65 мм. По петрографическим данным ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской области.

Учитывая, что горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику (по последним данным, комплексы с керамикой по-сольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует 5,5–5,0 тыс. л. н. (Долганов и др., 2013) по материалам Саган-Заба II; керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6900–4100 л. н.). Отсюда с большой долей условности можно сделать предположение, что эти материалы относятся к более

раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней развитой стадии неолита.

Безусловно, важную для хронологического определения материалов стоянки Устье Реки Кутарей информацию дало датирование погребения (хотя и безынвентарного), обнаруженного под слоем 3. Получена радиоуглеродная дата 6619±87 (NSKA-1863). Полученные данные также вносят существенный вклад в разработку проблем культурной принадлежности и генезиса средненеолитических погребальных комплексов Байкало-Енисейской Сибири (Бердников и др., 2023).

В целом, памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I (Томилова и др., 2014). Ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники), Кежемского района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2) (Богучанская..., 2015), а также с материалами Якутии и Континентального Приохотья.

Работа выполнена по Государственному заданию № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 2017. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 21. С. 5–32.
- Бердников И.М., Бердникова Н.Е., 2022. Погребальные комплексы Байкало-Енисейской Сибири с неопределенной культурно-хронологической принадлежностью: анализ и корректировка базы данных // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 40. С. 12–25.
- Бердников И.М., Макров Н.П., Савенкова Т.М., Бердникова Н.Е., Соколова Н.Б., Ким А.М., Райх Д., 2023. Средненеолитические погребения Байкало-Енисейской Сибири: проблемы культурной принадлежности и генезиса // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 51. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 42–51.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.), 2015 / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 1. 564 с.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2018. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. История. № 51. С. 98–107.
- Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., 2013. Комплексы с керамикой по-сольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестник ИГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 7. С. 125–132.
- Кузнецов А.М., Дударёк С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Савельев Н.А., Тимошенко А.А., 2020. Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 16. № 1. С. 35–61. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-35-61>
- Липнина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И., 2013. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. № 1(2). С. 71–101.

Слободин С.Б., 2014. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Известия СВНЦ ДВО РАН. № 2. С. 110–119.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимов Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А., 2014. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 8. С. 82–99.

Weber A.W., Katzenberg M.A., Schurr Th.G., 2010. Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. 319 p.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E., 2016. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. Vol. 419. P. 74–98.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ИЗУЧЕНИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЯМЯТНИКОВ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ УДЕЛЬНО-ШУМЕЦКОЙ V СТОЯНКИ)

© 2024 г. **Е.Г. Шалахов** (shalahof@yandex.ru)

ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия

Аннотация. Преемственность в изучении неолитических памятников Марийского Поволжья хорошо прослеживается на примере Удельно-Шумецкой V стоянки. В 1959 г. отрядом МарАЭ на территории Волго-Ветлужья была открыта дюнная стоянка, отнесенная А.Х. Халиковым к кругу балахнинских древностей Среднего Поволжья. Стационарные раскопки состоялись в 1961 г. Осенью 2011 г. автором доклада проведено дополнительное обследование памятника. Последние результативные работы на стоянке проведены В.В. Никитиным.

Ключевые слова: балахнинская культура, каменный инвентарь, керамика.

ON THE CONTINUITY IN THE STUDY OF NEOLITHIC MONUMENTS OF THE MARI VOLGA REGION (ON THE EXAMPLE OF THE UDELNO-SHUMETSKAYA V SITE)

© 2024 **E.G. Shalakhov** (shalahof@yandex.ru)

SBIC of the Republic of Mari El «Sheremetev Castle», Yurino, Russia

Abstract. The continuity in study of Neolithic monuments Mari Volga region is well traced by the example of the Udelny Shumets V site. In 1959, the MarAE detachment discovered a dune site territory of the Volga-Vetluzhye, attributed by A.H. Khalikov circle of Balakhna antiquities Middle Volga region. Stationary excavations took place in 1961. In autumn 2011, author report conducted an additional survey monument. The last productive work at the parking lot was carried out by V.V. Nikitin.

Keywords: Balakhna culture, stone tools, ceramics.

Археологическая разведка неолитического отряда Марийской экспедиции на территории Юринского района Марийской АССР в 1959 г. привела к открытию весьма информативного поселенческого памятника эпохи камня, расположенного в 500 м к югу от западной окраины д. Удельный Шумец на краю боровой террасы левого берега р. Волги (Никитин, 2009. С. 240–241; Халиков, 1960. С. 34).

В самом начале исследования Удельно-Шумецкой V стоянки удалось зафиксировать площадь распространения подъемного материала – 2000 кв. м и наличие двух жилищных впадин (Халиков, 1969. С. 101).

В 1961 г. одна из впадин на стоянке была изучена стационарными раскопками (Никитин, 2017. С. 176–177). Вскрытые А.Х. Халиковым остатки большого прямоугольной формы жилища размерами 14,4×8,8 м позволили выяснить стратиграфию древней полуземлянки: 1) дёрн – 10–12 см; 2) подзол – до 15 см; 3) подзолистый песок – 20–25 см; 4) желтовато-серый песок – культурный слой мощностью до 80–100 см; 5) материковый песок (Халиков, 1969. С. 101–102. Рис. 26; Никитин, 2009. С. 241).

Вещевой комплекс памятника представлен внушительной коллекцией фрагментов керамики, насчитывающей 1481 ед. от 35 сосудов (Халиков, 1969. С. 98, 107. Рис. 29).

Округлодонные лепные сосуды стоянки Удельный Шумец V украшены орнаментальными композициями, характерными «для льяловских древностей: зигзаг, ёлочка, сетка, пояса диагональных и вертикальных линий» (Никитин, 2009. С. 241). В исследованном Марийской археологической экспедицией жилище расчищены четыре развала сосудов, один из которых обнаружен возле очага (Халиков, 1969. С. 102. Рис. 26).

Автор раскопок Удельно-Шумецкой V стоянки писал, что её население «употребляло в основном коричневый кремень, залегающий в долинах правых притоков Волги – рек Юнги, Сумки» (Халиков, 1969. С. 105). Из этого сырья изготовлены, например, наконечники копий, дротиков и стрел, концевые скребки с прямым лезвием и обработанными краями, скребковидные ножи (Никитин, 2009. С. 241; Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30).

Появление в неолите Марийского Заволжья топориков клиновидной формы, аналогии которым легче всего отыскать в балановских погребальных комплексах палеометаллической эпохи (Соловьев и др., 2023. С. 245. Рис. 60), А.Х. Халиков объяснял совершенствованием технологии изготовления рубящих орудий (Халиков, 1969. С. 106).

Осенью 2011 г. автором настоящей статьи были осмотрены археологические памятники, расположенные на левом берегу Чебоксарского водохранилища – в 500–700 м к югу от д. Удельная Юринского муниципального района Республики Марий Эл. Основным объектом обследования стала дюнная Удельно-Шумецкая V стоянка эпохи неолита, интенсивно разрушающаяся под воздействием абразивных процессов, происходящих в зоне затопления Чебоксарского водохранилища.

В размытой части стоянки – на площади 12×1,5 м выявлены обломки лепной неолитической посуды, отходы от производства каменных орудий труда (отщепы и сколы кремня, окремнелого известняка, кварцита), заготовки орудий и завершённые кремневые изделия.

Керамика из сборов представлена фрагментом верхней части сосуда с плоско-срезанным краем венчика и двумя фрагментами стенок. Толщина их колеблется от 0,6 до 0,8 см. Все орнаментированы отпечатками гребенки разной длины и рядами конусообразных ямочных вдавлений, сделанных при помощи белемнита, найденного вместе с керамикой.

Посуда, собранная на памятнике Удельный Шумец V в 2011 г., находит почти полные аналогии в керамических комплексах синхронных неолитических поселений Марийского Поволжья (Никитин, Соловьев, 1990. С. 52–53. Рис. 16: 2, 6; Никитин, 1996. С. 55–63).

Каменный инвентарь Удельно-Шумецкой V стоянки состоит из нуклеуса, ножевидных пластин с ретушью, ножа на пластинчатом отщепе кремня с торцевым лезвием, нескольких концевых скребков на кремневых отщепах и обломка обушковой части шлифованного тесла.

С размытого берега водохранилища происходит крупный пластинчатый отщеп кремневого сырья, очевидно, заготовленный древним мастером для последующей выделки наконечника стрелы или дротика листовидной формы с намеченным боковым шипом.

Аналогичный наконечник с двухсторонней сплошной обработкой широких граней найден в жилище Удельно-Шумецкой V стоянки в 1961 г. (Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30: 2). Ещё один подобный наконечник стрелы известен автору по материалам сборов 2002 г. на Сутырской I стоянке, в процессе исследования которой археологической экспедицией Национального музея Республики Марий Эл собраны фрагменты посуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией (Большов, 2000. С. 32, 36. Рис. 3: 5–15).

Коллекция каменных предметов, собранная на Удельно-Шумецкой V стоянке в 2011 г., по типологическому составу и уровню кремнеобработки близка орудийным наборам с неолитических поселений Средней Волги, оставленных носителями традиции изготовления керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (Халиков, 1969. С. 108. Рис. 30; Никитин, 1996. С. 52–54; 2004. С. 243; 2017. С. 178).

Подводя предварительные итоги изучения объекта культурного наследия, особо отмечу, что Удельно-Шумецкая V стоянка является одним из базовых поселенческих памятников эпохи неолита в западной части Марийского Заволжья. Посуда и каменный инвентарь указанного памятника, отнесенного исследователями к развитому этапу культуры носителей ямочно-гребенчатой керамики (Халиков, 1969. С. 101; Никитин, 2004. С. 242), иллюстрируют процесс активного хозяйственного и ресурсного освоения древним коллективом прилегающей территории. Специфической особенностью памятника (по результатам работ 2011 г.) является почти полное отсутствие в коллекции каменного инвентаря крупных рубящих орудий и наконечников стрел. Впрочем, этот факт может быть напрямую связан с интенсивным разрушением культурного слоя стоянки со стороны Чебоксарского водохранилища.

Последние результативные работы на Удельно-Шумецкой V стоянке проведены разведочным отрядом Марийской экспедиции в августе 2016 г. при непосредственном участии автора настоящей статьи. С целью уточнения границ археологического памятника, который много лет подряд посещается неорганизованными туристами, рыбаками и охотниками, были заложены четыре шурфа. Почти во всех шурфах, кроме северного, зафиксирован культурный слой с фрагментами неолитической керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (21 экз.) и кремневыми изделиями. Коллекция посуды представлена в основном стенками сосудов. Встречены

единичные орудия труда, выполненные из светло-серого и коричневого кремневого сырья и розоватого кварцита. Немногочисленный вещевой материал, собранный в ходе шурфовки, оперативно введен в научный оборот (Никитин, 2019. С. 17).

Таким образом, история исследования Удельно-Шумецкой V стоянки – наиболее яркий в археологии Марийского Поволжья пример преемственности в изучении неолитических памятников. Первоначальные выводы о культурной принадлежности и месте указанного поселенческого памятника в ареале распространения балахинских древностей, сделанные А.Х. Халиковым, в дальнейшем нашли подтверждение в работах его учеников и последователей. Корифеей марийской археологии, бессменный в течение многих лет руководитель МарАЭ В.В. Никитин, раскопавший целый ряд поселений типа Удельно-Шумецкой V стоянки, пришёл к мысли о своеобразии вещевого комплекса памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, открытых Марийской экспедицией в Волго-Ветлужском междуречье, выделив так называемую юринскую культуру эпохи неолита (Никитин, 2020. С. 109–110), что в свою очередь явилось важнейшим достижением археологической теории и практики в Средневолжском регионе.

Работа выполнена при финансовой поддержке администрации Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большов С.В., 2000. Сутырская I стоянка // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье: сборник статей. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 28–37.
- Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат. 180 с.
- Никитин В.В., 2004. Культура носителей ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: ИИМК РАН. С. 241–246.
- Никитин В.В., 2009. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат». 416 с.
- Никитин В.В., 2017. Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье // Поволжская археология. Казань: ИА АН РТ. № 3 (21). С. 168–189.
- Никитин В.В., 2019. Работы у д. Удельная Юринского района Республики Марий Эл // Марийская археологическая экспедиция (2016–2018 гг.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 16–17.
- Никитин В.В., 2020. Проблемные вопросы культурогенеза в неолите Марийского Поволжья (итоги изучения) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Самара: Изд-во СФИЦ РАН. Т. 2. № 2 (6). С. 107–120.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С., 1990. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 244 с.
- Соловьев Б.С., Кожин П.М., Михайлов Е.П., 2023. Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН. 292 с.
- Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 188 с.
- Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 396 с.

**РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ
СО СТОЯНКИ Сай-Сайод**

© 2024 г. **С.В. Шнайдер** (sveta.shnayder@gmail.com), **А.Ю. Федорченко,**
Г.И. Марковский, Т.Г. Филимонова, С.В. Баранова, А.А. Черносов,
У. Рендю

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе,
Таджикистан

Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН,
Новосибирск, Россия
Археозоологический центр по изучению Центральной Азии ZooStan – CNRS – КазНУ,
Алматы, Казахстан

Аннотация. Костяные артефакты являются одним из важнейших элементов орудийного набора древнего человека. В данной работе представлены результаты комплексного исследования коллекции изделий из кости неолитических слоев стоянки Сай-Сайод (Таджикистан). На основе проведенного технологического и трасологического анализа, трехмерного моделирования и ZooMS анализа были реконструированы способы изготовления и использования костяных орудий, а также определена видовая принадлежность фаунистических материалов, служивших основой для производства.

Ключевые слова: Центральная Азия, неолит, Сай-Сайод, костяной артефакт, ZooMS анализ.

RESULTS OF A COMPREHENSIVE STUDY OF BONE INDUSTRY FROM THE SAY-SAYOD SITE

© 2024 **S.V. Shneider** (sveta.shnayder@gmail.com), **A.Yu. Fedorchenko,**
G.I. Markovskii, T.G. Filimonova, S.V. Baranova, A.A. Chernonosov,
W. Rendu

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish, NAST,
Dushanbe, Tajikistan

Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, Novosibirsk, Russia
Archaeozoological Centre for Central Asian studies ZooStan – CNRS – KazNU, Almaty,
Kazakhstan

Abstract. Bone artefacts are one of the most important elements of ancient man's toolkit. This paper presents the results of a comprehensive study of the collection of bone artefacts from Neolithic layers of the Sai-Sayod site (Tajikistan). On the basis of technological, use-wear analysis, three-dimensional modelling and ZooMS analysis the methods of manufacture and use of bone tools were reconstructed, and was determined bones of which animal species were used for bone tools production.

Keywords: Central Asia, Neolithic, Say-Sayod, bone artefact, ZooMS analysis.

Наряду с разнообразными породами каменного сырья, кость животных являлась одним из наиболее востребованных материалов, повсеместно использовавшихся человеком в своей производственной деятельности с древнейших времен. Так, наиболее раннее производство специализированных орудий из кости отмечается в комплексах среднего палеолита (Soressi et al., 2013; Costamagno et al., 2018; Baumann et al., 2020). Существенный прогресс технологий косторезного производства наступает в эпоху верхнего палеолита – в это время возникают

и получают массовое распространение предметы мобильного искусства, личные украшения, предметы вооружения и быта (Tartar et al., 2012). На территории горной части Центральной Азии расцвет костяных индустрий приходится на период неолита, что может быть связано с культурными факторами или слабой сохранностью органических материалов на палеолитических стоянках региона (Колобова, Кривошапкин, 2015; Шнайдер, 2015).

История изучения неолитических памятников Центральной Азии насчитывает уже более столетия. Наиболее активные исследования приходятся на период 1970-х–1980-х гг., в эту эпоху при анализе археологических коллекций основное внимание уделялось каменной индустрии, характеристики которой были положены в основу культурно-хронологического членения комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена региона. Результаты полевых работ предыдущих десятилетий позволили сформировать первые представления о костяных индустриях горной части Центральной Азии. Тем не менее в региональной археологии изделия из кости долго не рассматривались в качестве маркирующих признаков выделяемых здесь культур и традиций.

В рамках настоящей работы проведено комплексное изучение костяных артефактов из материалов многослойного памятника Сай-Сайод. Стоянка была обнаружена в 1956 г. А.П. Окладниковым и изучалась под руководством А.Х. Юсупова в 1966–1972 гг. Памятник ныне затоплен водами Нурекского водохранилища, ранее располагался при впадении Сая Сайод в р. Вахш. Площадь стоянки охватывала 3,5 тыс. кв. м, из них полевыми работами затронуто 1000 кв. м, где заложено семь стратиграфических траншей, 12 шурфов и четыре раскопа.

Авторами раскопок на стоянке выделялось четыре культурных слоя. Первый включал в себя материалы бронзового века – средневековья. Ниже залегали три горизонта различных этапов каменного века: горизонты I и II были отнесены к гиссарской неолитической культуре, горизонт III – эпохе верхнего палеолита (Юсупов, 1975; Филимонова, 2007). Ранее для коллекции костяных артефактов со стоянки Сай-Сайод проводился трасологический анализ (Скакун и др., 2014). Наши работы продолжили данные изыскания, дополнив их технологическим анализом и трехмерным моделированием, осуществленным посредством сканера Range Vision Spectrum. Таксономическая принадлежность костных останков определялась на основе археозоологического анализа и масс-спектрометрической пептидной дактилоскопии (ZooMS).

Материалы со стоянки Сай-Сайод хранятся в фондах Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша (Душанбе, Таджикистан), на настоящий момент в коллекции насчитывается 36 костяных изделий, среди которых представлены шилья и проколки ($n=20$), выполненные из продольно расщепленных трубчатых костей крупных млекопитающих в технике строгания и шлифовки; лошिला ($n=7$) со следами интенсивной заглаженности и заполировки рабочих краев; наконечники ($n=1$); фрагмент рукояти ($n=1$); футляры или игольники из трубчатой кости ($n=2$). Коллекцию дополняют серия изделий неутилитарного назначения: подвеска подпрямоугольной формы из стенки трубчатой кости с прорезанным от-

верстием ($n=1$), пронизка из трубчатой кости птицы ($n=1$), а также подвеска или пуговица подтреугольной формы с кольцевой нарезкой в центре и орнаментом из перекрещивающихся линий ($n=1$). Часть представленных изделий несут следы воздействия огня, вследствие чего точная диагностика их фаунистической принадлежности затруднена. Для 10 артефактов была установлена удовлетворительная сохранность коллагена, посредством ZooMS анализа их принадлежность была определена до уровня семейства и рода. Большинство изученных изделий было изготовлено из кости Bovidae, одно орудие – Caminidae.

В целом проведенные исследования позволили реконструировать технологию изготовления и способ утилизации большей части изделий, установить предпочтения обитателей стоянки в выборе исходных основ для изготовления костяных артефактов.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РНФ № 24-78-10127.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., 2015. Ревизия значимости объектов культурного наследия эпохи верхнего палеолита в западной части Центральной Азии // *Universum Humanitarium*. Вып. 1. № 1. Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 169–178.
- Скакун Н.Н., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х., Кутимов Ю.Г., 2014. Костяные орудия и украшения неолитического поселения Сай-Сайёд (Таджикистан) // *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения*. Памяти В.А. Массона. Т. XLII. СПб.: Арт-Экспресс. С. 53–61.
- Филимонова Т.Г., 2007. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе. 24 с.
- Шнайдер С.В., 2015. Туткальская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 26 с.
- Юсупов А.Х., 1975. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // *СА*. Вып. 2. С. 138–147.
- Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoschapkin A.I., 2020. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai region, Russia // *Quaternary International*. Vol. 559. P. 68–88.
- Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M-C., Beauval C., Meignen L., Mussini C., Rendu W., Maureille B., 2018. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: the case of Les Pradelles (Marillac-le-Franc France) // *The Origins of Bone Tool Technologies*. Hanover. P. 1–31.
- Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogandzic T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.L., Miller C.E., Rendu W., Richards M., Skinner M.M., Steele T.E., Talamo S., Texier J-P., 2013. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe // *Proceedings of The National Academy of Sciences of the United States of America* (2013). Vol. 110. No 35. P. 14186–14190.
- Tartar E., 2012. The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 39. Iss. 7. P. 2348–2360.

НЕОЛИТ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2024 г. А.И. Юдин (aleyudin@yandex.ru)

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов, Россия

Аннотация. За последнее десятилетие, благодаря подвижнической деятельности А.А. Выборнова, который объединил вокруг себя ряд исследователей и создал междисциплинарный коллектив по изучению неолита Юго-Востока Европейской территории России, получены новые материалы и интерпретации, расширяющие наши знания о развитии обществ новокаменного и медно-каменного веков. В данной работе основное внимание уделяется раннему и заключительному этапам орловской неолитической культуры, подвергшихся значительной корректировке после полевых и камеральных исследований 2014–2023 гг.

Ключевые слова: неолит, орловская культура, степное Поволжье, прикаспийская культура.

NEOLITHIC OF THE STEPPE VOLGA REGION

© 2024 A.I. Yudin (aleyudin@yandex.ru)

Scientific Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Saratov, Russia

Abstract. Over the past decade, primarily due to the tireless work of A.A. Vybornov as a researcher and as an organizer of science, who brought together a number of researchers and created an interdisciplinary team to study the Neolithic of the South-East of the European territory of Russia, new materials and interpretations have been obtained that expand our knowledge about the development of societies of the New Stone and Copper-Stone Ages. This work focuses on the early and final stage of the Orel Neolithic culture, which underwent significant adjustments after field and desk studies in 2014–2023.

Keywords: Neolithic, Orlovka culture, steppe Volga region, Caspian culture.

Десятилетнее, начиная с 2014 г., исследование коллективом археологов и специалистов естественных наук под руководством А.А. Выборнова поселений Орошаемое и Алгай привело к получению новых материалов и новых интерпретаций о развитии обществ неолита и энеолита в степном Поволжье. Как всегда, наиболее проблемными остаются начальный и заключительный этапы функционирования любой археологической культуры и ее дальнейшая судьба. Не является исключением и орловская культура степного Поволжья. Именно ранний неолит степного Поволжья стало возможным идентифицировать совсем недавно, после комплексных исследований поселений Орошаемое и Алгай. Ранее, исходя из развитого облика керамики нижнего слоя Варфоломеевской стоянки и имея всего лишь одну, правда, раннюю дату, но с широким доверительным интервалом, нижний слой Варфоломеевки был отнесен к среднему этапу местного неолита (Юдин, 2004. С. 145–146).

Это приводило к противоречию с имеющимися данными о раннем неолите и неолитизации сопредельных регионов. Раскопки поселений Орошаемое и Алгай (Выборнов, Юдин, 2015; Выборнов и др., 2015) позволили уверенно передатировать нижний слой Варфоломеевки (Юдин, Выборнов, 2018. С. 199–204; Юдин, Выборнов, 2019. С. 99–109). Идентичность керамики и каменных орудий в нижних слоях всех трех памятников, серия новых радиоуглеродных дат, в том числе и для Варфоломеевской стоянки, и технико-технологическое изучение керамики

(Выборнов и др., 2018. С. 6–16; Васильева, Выборнов, 2016. С. 104–123) убедительно показали, что нижний слой Варфоломеевской стоянки относится к раннему неолиту.

Совокупность полученных радиоуглеродных дат Варфоломеевки, Орошаемого и Алгая позволяет обосновать хронологические рамки раннего неолита степного Поволжья посл. четв. VII – перв. четв. VI тыс. до н.э. Это дает возможность по-новому рассматривать происхождение орловской неолитической культуры в свете, вероятно, опосредованных культурных контактов с регионами первичной неолитизации (Юдин, 2023).

Кроме того, благодаря комплексным исследованиям Орошаемого и Алгая, включающим кроме радиоуглеродных дат, также палинологические, палеопочвенные, археозоологические и липидные для керамики определения, мы можем более конкретно говорить о хозяйстве неолитического населения и состоянии окружающей их среды обитания. Особенно важным было обнаружение костей домашней овцы в слое прикаспийской энеолитической культуры поселения Орошаемое (Выборнов, Юдин, 2016. С. 6), что знаменует начало перехода к производящему хозяйству. Ранее автором по результатам первых палеозоологических определений начало производящего хозяйства относилось к позднему неолиту, но повторное изучение остеологической коллекции рядом специалистов показало, что в позднем неолите Варфоломеевки (слой 2А) костей овцы нет (Гасилин и др., 2008).

За последнее десятилетие в Нижнем Поволжье кроме Алгая и Орошаемого исследованы и другие новые памятники (Байбек, Таскудук, Приозерное), пересмотрены материалы предыдущих раскопок (Курпеже-молла), что позволило по-новому рассматривать происхождение прикаспийской культуры. Наиболее полно и аргументировано одна из точек зрения изложена в совместной работе А.А. Выборнова, В.В. Ставицкого и М.А. Кульковой (Выборнов и др., 2021). Часть положений, выдвигаемых в статье, обоснована и не вызывает возражений, но остаются и вопросы дискуссионного характера.

Ранее И.Б. Васильев и А.Т. Синюк определили восемь признаков, знаменующих переход к энеолиту в Волго-Донье: «воротничковая» керамика, специфический комплекс украшений, крупные ножевидные пластины, каменные тесла и еще четыре признака, относящихся к погребальному обряду (Васильев, Синюк, 1985. С. 31). Для степного Поволжья автором было добавлено еще два – широкое распространение гребенчатой керамики и появление каменных орудий с двусторонней обработкой (Юдин, 2004. С. 173). Появление производящего хозяйства (кости овцы/козы), зафиксированного в прикаспийском слое Орошаемого, можно считать еще одним признаком формирования энеолита. Все эти признаки не только указывают на дальнейшую судьбу орловского населения, но и позволяют установить истоки формирования раннеэнеолитической прикаспийской культуры.

Говоря о формировании прикаспийской культуры, обычно рассматривают проблемы инноваций в керамическом комплексе и, в первую очередь, появление воротничкового оформления венчика, характерного для всей мариупольской обла-

сти, а также появление ленточного орнамента, заполненного гребенчатым штампом. В конечном итоге это вопрос о соотношении автохтонного и привнесенного в процессе формирования культуры. В свете получения серий радиоуглеродных дат для культур неолита Восточной Европы (Радиоуглеродная..., 2016) следует согласиться с рядом исследователей о западном заимствовании гребенчатого орнамента (Котова, 2014. С. 65–67; Выборнов и др., 2021. С. 33). Для накольчатого неолита степного Поволжья он чужд, но, тем не менее, практически на керамике всех прикаспийских памятников встречаются наколы как дополнение к гребенке.

На поселении Кумыска наряду с воротничковой керамикой есть энеолитическая и без воротничка, но с орнаментом, аналогичном орловскому. Зубчатый штамп использовался на Варфоломеевке для заглаживания внутренней поверхности. Найдены и сам зубчатый штамп на створке раковины. Аналогичная картина – заглаживание поверхностей зубчатым изделием – прослеживается и на поздненеолитической стоянке Таскудук в Северном Прикаспии (Дога и др., 2023. С. 29).

Несколько сложнее представляется вопрос о появлении воротничкового оформления венчика в керамике прикаспийской культуры. В прикаспийской и нижнедонской культурах возможен вариант трансформации внутреннего напыла во внешний воротничок (Выборнов и др., 2021. С. 32–33). Вполне допустим и противоположный вариант – появление воротничка в результате внешнего импульса. Но стоит рассмотреть и третий вариант – стадийный характер данного явления, через который прошли все мариупольские культуры. Своеобразная «мода» в керамике была присуща всем эпохам, причем элемент такой «моды» не был характерен для всего керамического комплекса, а присутствовал на какой-то части сосудов.

Как, например, в культурах валиковой керамики финальной бронзы, когда валик как элемент украшения одновременно получает распространение в степях Евразии. Как и воротничок, валики имелись только на части керамики. И по мнению Е.Н. Черных, «не вызывает сомнений местный фундамент сложения КВК срубно-андроновского круга» (Черных, 1984. С. 255). То есть, появление такой новации просто наложилось на автохтонные традиции.

Как стадийное явление можно рассматривать и ленточный орнамент – он есть во всех мариупольских культурах, но в разном количестве. Такой орнамент стал популярен во второй половине VI тыс. до н.э. у населения степной зоны (Котова, 2015. С. 72) и это более надкультурный признак.

Однако похоже, что появление воротничкового оформления венчика сосудов и переход к новой технике орнаментации легли на подготовленную почву. Такие элементы орнамента, как различные виды меандров и волна или линейные композиции с заполнением пространства наколами на поздней орловской керамике, вполне могут рассматриваться как прототипы ленточного орнамента. Аналогично и в Прикаспии. В орнаментации керамики стоянки Таскудук встречены прямоугольники, заполненные наколами. Особенно показательны фрагменты одного сосуда, где разделителями выступают ряды наколов, а между ними нанесены горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа (Дога и др., 2023).

Рис. 3, 9). Процесс смены техники орнаментации, как и системы орнаментальных композиций носил глобальный характер и требует отдельного рассмотрения.

Также не в последнюю очередь следует учитывать технико-технологические характеристики керамики орловской и прикаспийской культур, выполненные И.Н. Васильевой, показывающие, что гончарные традиции энеолитических культур «уходят корнями в неолитическое гончарство региона» (Васильева, 2009. С. 77).

Археологическая культура не выделяется только по керамике, хотя этот признак зачастую является ведущим. Но в данном случае мы обладаем еще рядом артефактов в орловской и прикаспийской культурах, по которым можно проводить комплексное сравнение на уже названный предмет автохтонности – заимствований.

Каменные орудия. Несмотря на общее увеличение размеров исходных заготовок, вызванных переходом к использованию кварцита, в прикаспийской культуре сохраняется и кремневый микрокомплекс. Использование кварцита в качестве основного сырья началось еще в неолите и его доля постепенно увеличивалась по мере приближения к энеолиту.

Утверждение о более раннем использовании кварцита в Среднем Подонье (Выборнов и др., 2021. С. 35) все же имеет малое отношение к собственно прикаспийской культуре, так как здесь доминировала отщеповая индустрия, которая легла в основу более позднего алтатинского технокомплекса (Ставицкий, 2006. С. 25), но не пластинчатого прикаспийского. Вообще надо сказать, что в степном Заволжье кремнь использовался в основном только в неолите и изредка в энеолите. Вся палеолитическая эпоха и энеолит – это господство кварцита, богатые залежи которого до сих пор разрабатываются в промышленных масштабах на южной оконечности Общего Сырта в Озинском районе Саратовской области.

Использование пластинчатой индустрии расщепления кварцита в энеолитическое время стоит признать чисто заволжской традицией, имеющей местные корни с неолита. Во-вторых, коль скоро мы говорим об импульсе керамических традиций от нижнедонской и азово-днепровской культур (с пластинчатой техникой расщепления кремня, то почему истоки каменной индустрии находятся в Среднем Подонье?

Полностью согласен, что в прикаспийской культуре нет трапедий со струганной спинкой, хотя и в нижнедонской и азово-днепровской культурах они в подавляющем большинстве происходят из могильников, которые пока неизвестны в прикаспийской культуре и немногочисленны в самарской. А вот сказать, что в неолите не было пластин-вкладышей, характерных для раннего энеолита, нельзя. На Варфоломеевке они есть, начиная с нижнего слоя и даже определены трасологически (Юдин, 2004. С. 66, 71, 75). Единственное различие – в энеолите ретушь чаще наносилась с брюшка, а в неолите – со спинки, но следует учитывать различные материалы, из которых они изготавливались.

Костяные фигурки лошадей, которые есть на Варфоломеевке, но не известны в прикаспийской культуре и это, по мнению исследователей, показывает от-

существование связи с традицией формирования прикаспийского энеолита (Выборнов и др., 2021. С. 34). Однако фигурки лошадей известны в могильниках Съезженский и Липовый Овраг, оставленных родственным населением самарской культуры. Экстраполяция на прикаспийскую культуру вполне допустима, учитывая все же слабую источниковую базу относительно погребальных памятников.

Погребальный обряд. Пока можно предположительно говорить о погребении 3 Варфоломеевской стоянки, синхронному финалу горизонта 2А или верхнему слою. Здесь ничто не противоречит погребальной обрядности памятников мариупольского типа: положение скелета вытянуто на спине, ориентировка, близкая к широтной, раковины *Unio* и бусы из них, наличие охры и изделий из камня (Юдин, 2013. С. 222–223).

На стоянках Орошаемое и Алгай есть четкое последовательное залегание культурных слоев: орловский – прикаспийский – хвалынский. С другой стороны, исследователями не отрицается и сосуществование на каком-то этапе прикаспийского и поздненеолитического (тентексорского) населения в Северном Прикаспии (Выборнов, 2008. С. 60), а также сосуществование прикаспийского и хвалынского населения (Выборнов и др., 2022. С. 576) на основании наличия синкретичной керамики. Это можно рассматривать как прямые контакты, а возможно и как эволюцию, где контакты выступали в качестве первоначального толчка. Нет никаких оснований отказываться от предположений о таком же сосуществовании на переходных отрезках времени и для неолита-энеолита степного Поволжья, о чем я писал ранее, но тогда в доказательной базе были слабо представлены радиоуглеродные датировки (Юдин, 2013. С. 224–225).

В целом, стоит согласиться, что за последнее десятилетие исследователями проделана значительная работа по полевому и камеральному изучению неолита-энеолита Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Ряд положений подвергнут коренному пересмотру. Это касается и вопроса о дальнейшей судьбе позднего орловского населения. Обосновано положение о приоритете формирования традиций мариупольской культурной области, и в частности прикаспийской культуры, к западу от Нижнего Поволжья: проникновения и контакты носителей нижнедонской и азово-днепровской культур в среду тентексорского населения приводят к формированию всего набора черт прикаспийской культуры (Выборнов и др., 2021. С. 35). Этот вариант культурной трансформации заслуживает внимания, но весь комплекс признаков в прикаспийской культуре все же больше указывает на её преимущественно автохтонный характер формирования, но при участии западных влияний, как это было характерно и для эпохи неолита (Юдин, 2023. С. 131–132).

Гребенчатая техника орнаментации, возможно и воротничковое оформление венчиков сосудов с ленточным орнаментом, явно являются продуктом западного влияния. Несколько особняком в этом списке стоит появление домашней овцы в Поволжье. Здесь, кроме западного варианта заимствования, возможен и вариант появления овцы из Центральной Азии.

А если говорить об автохтонности прикаспийской культуры, то мы имеем наследование технико-типологической традиции изготовления керамики, продолжение развития пластинчатого кремнево-кварцитового технокомплекса, совпадение набора украшений и, вероятно, зарождение погребального обряда, аналогичного остальным мариупольским культурам.

То есть, вместе с керамическими инновациями, вызванными внешними культурными импульсами, мы видим и продолжение культурной традиции орловского неолитического населения. Неслучайно недавно было обосновано отнесение прикаспийской культуры к переходу от неолита к энеолиту (Выборнов и др., 2020). Правда, основным аргументом выступило отсутствие металла. Близкое к этому понимание места прикаспийской культуры в системе неолита-энеолита степного Поволжья в рамках раннего нео-энеолитического этапа энеолита, частично синхронного с поздним неолитом, ранее было предложено и автором (Юдин, 2012. С. 111).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 118 с.
- Васильева И.Н., 2009. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 65–77.
- Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. № 3 (17). С. 104–123.
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во СГПУ. 490 с.
- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Кулькова М.А., 2022. Новые данные о стоянке Курпеже-молла в Северном Прикаспии // *Oriental Studies*. Т. 15. № 3. С. 560–578.
- Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Филиппсен Б., 2018. О времени появления и динамике распространения керамических традиций в степном Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 2. С. 6–16.
- Выборнов А.А., Дога Н.С., Кулькова М.А., 2020. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // КСИА, Вып. 258. С. 65–74.
- Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Кулькова М.А., 2021. О происхождении прикаспийской культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. № 2. С. 31–37.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., 2015. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов. Вып. 13. С. 3–33.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., 2016. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов. Вып. 14. С. 3–41.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С., 2015. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3. Самара. С. 235–241.

- Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В., 2008. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург; Челябинск. Ин-т экологии растений и животных УрО РАН. № 6. С. 25–100.
- Дога Н.С., Выборнов А.А., Гилязов Ф.Ф., Сомов А.В., Гречкина Т.Ю., 2023. Новый памятник энеолита в Северном Прикаспии // Поволжская археология. № 3 (45). С. 25–37.
- Котова Н.С., 2014. Переход от неолита к энеолиту в степях Восточной Европы и связанные с ним инновации // Самарский научный вестник. № 3 (8). С. 65–75.
- Котова Н.С., 2015. Древнейшая керамика Украины. Киев-Харьков. 154 с.
- Радиоуглеродная хронология неолита Восточной Европы в VII–III тыс. до н.э.: кол. моногр. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.
- Ставицкий В.В., 2006. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск. 46 с.
- Черных Е.Н., 1984. Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.: Наука. С. 246–258.
- Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ. 200 с.
- Юдин А.И., 2012. Нео-энеолитический период в степном Поволжье // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матер. III Луганської міжнар. історико-археологічної конф., присв. пам'яті С.Н.Братченка. Луганськ. С. 108–121.
- Юдин А.И., 2013. Нижнее Поволжье в эпохи неолита и энеолита: состояние проблемы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 10. С. 218–229.
- Юдин А.И., 2023. Проблемы начального этапа неолитизации степного Поволжья // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В.А. Дергачева. Кишинэу: Stratum Plus. С. 119–134.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., 2018. Новые данные о раннем неолите степного Поволжья // Самарский научный вестник. Т. 7. № 3. С. 199–204.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., 2019. Ранний неолит степного Поволжья // Археологические записки. Вып. 10. Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир». С. 99–109.

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС С ДОБАВЛЕНИЕМ
ПУХА / ПЕРА ПТИЦ В ГОНЧАРСТВЕ РАННЕГО ПАЛЕОМЕТАЛЛА БАРАБЫ И КУЛУНДЫ:
ПОИСК ИСТОКОВ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

© 2024 г. **А.Ю. Юракова** (yurakova_al@mail.ru)

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

Аннотация. В эпоху раннего металла (энеолита) в районах Среднего Прииртышья появляется яркая керамическая традиция; ее устойчивый маркер – значительная примесь пуха/пера птиц в составе формовочных масс. Предпринят анализ культурных определений традиции, поиск аналогий в технологии гончарства синхронного культурного окружения и предшествующего неолитического населения.

Ключевые слова: энеолит / эпоха раннего металла, керамические традиции, формовочные массы, примесь пуха/пера птиц, Западная Сибирь.

**TECHNOLOGICAL TRADITION OF MOLDING COMPOSITIONS
WITH BIRDS' DOWN / FEATHERS IN POTTERY OF THE EARLY METAL AGE
IN BARABA AND KULUNDA: SEARCHING FOR ORIGINS AND CULTURAL CONTEXT**

© 2024 **A. Yu. Yurakova** (yurakova_al@mail.ru)

The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia

Abstract. In the Early Metal Age (Eneolithic) in the Middle Irtysh River region, an outstanding ceramic tradition appears, its stable marker is a significant content of down and feathers in molding composition. The work deals with a study of cultural definitions of traditions, a search of analogies in the technology of pottery of the synchronous cultural environment and previous Neolithic population.

Keywords: Eneolithic / Early Metal Age, ceramics traditions, molding compositions, addition of down and feathers, Western Siberia.

В эпоху раннего металла (энеолита) на территории правобережного Прииртышья фиксируется своеобразная керамическая традиция с характерным набором морфологических и технологических маркеров. Традиция распространяется, судя по опубликованным данным, в западных районах Барабинской лесостепи (Венгерово-3, Каргат-VI, Старый Московский тракт-5) (Молодин, 1977; Софеев и др., 1988; Бобров и др., 2016; Юракова, 2023), Кулундинской равнины (Новоильинка-III, -VI) (Кирюшин, Степанова, 2016; Кирюшин, 2017), северо-восточного Казахстана (Пеньки-1) (Рахимжанова, 2018) и, вероятно, в южно-таежной зоне бассейна р. Тары (некоторые ранние погребения Окуневского могильника на Татарском увале (ОМ VII)). Даты из Кулунды определяют время существования традиции в диапазоне конца IV – первой половины III тыс. до н.э. (Кирюшин, Степанова, 2016). Технологический анализ, проведенный разными авторами для керамики поселений, подтверждает устойчивость традиции, в том числе, на подготовительной стадии производства. Объединяющим элементом традиции является составление формовочных масс с примесью пуха/пера птиц в большой концентрации (Софеев и др., 1988; Ламина и др., 1995; Кирюшин, Степанова, 2016; Рахимжанова, 2018; Юракова, 2023).

Эта технологическая традиция ярко отличает керамику указанных памятников среди археологических комплексов Прииртышья. Предшествующий поздне-

неолитический период представлен здесь объектами артынской, маханджарской, атбасарской культур, керамика которых в большей или меньшей мере технологически изучена и не характеризуется примесью пуха/пера. По предварительным визуальным наблюдениям, перспективна для поиска аналогий энеолитической традиции часть «екатерининских» комплексов южно-таежного Прииртышья, которые в историографии типологически датируются поздним неолитом. Не исключено, что «екатерининская» керамика включает разновременные группы, которые могут быть разделены в процессе морфологической ревизии и технологического анализа материала.

Керамические комплексы периода энеолита / раннего металла в Западной Сибири почти не изучены технологически (исключение – посуда большемысской культуры Верхнего Приобья и Алтая). При этом, выразительно морфологическое сходство керамики Прииртышья с энеолитическими комплексами Зауралья. Так, первоначально атрибутируя открытое в 1970-х гг. поселение Венгерово-3, В.И. Молодин отнес его керамику к липчинскому типу (Молодин, 1977. Табл. LXXXIII). Необходимо исследование в этом направлении.

Бытование традиции составления формовочных масс с пухом/пером птиц в энеолите Волго-Окского бассейна связывается с населением волосовской (Андреева и др., 2022) и имеркской (Васильева, 2020) культур, а также известно в Подонье по материалам поселения Ракушечный Яр (нижнедонская культура) (Васильева, 2019). Здесь примесь пуха/пера сочетается с добавками дробленой раковины, шамота. И.Н. Васильева обратила внимание на феномен эпохально синхронного появления традиции в Поволжье, Нижнем Подонье и на юге Западной Сибири и поставила вопрос о ее культурных истоках (Васильева, 2020).

Еще один регион, по археологическим материалам которого известна традиция изготовления сосудов с пухом/пером – Приладожье и, в целом, восточное побережье Финского залива. Примесь пера в качестве основной добавки, а также в сочетании с дробленой раковинной, асбестом либо дресвой кристаллических пород, исследователи фиксируют в формовочных массах керамики эпохи раннего металла (IV – III тыс. до н.э.) (Холкина, 2017). Предполагается пришлый характер данной традиции, обусловленный контактами местного населения с коллективами волосовской культуры (Холкина, 2017. С. 104).

Среди перечисленных в обзоре аналогий наиболее древние абсолютные даты – начиная с V тыс. до н.э. – приводятся в литературе для керамики волосовской культуры и комплексов типа Лебяжинка III (Васильева, 2020). Безусловно, констатация прямой взаимосвязи комплексов эпохи раннего металла из Прииртышья и Поволжья будет некорректной. Для предположений о направлениях культурных импульсов, приведших к широтному и меридиональному распространению традиции изготовления сосудов с пухом/пером, необходимы: а) систематизация радиоуглеродных дат из европейских и азиатских территорий; б) получение новых дат для комплексов Прииртышья; в) данные технологического анализа для керамики «екатерининских» комплексов Прииртышья и энеолитических комплексов Зауралья. На данном этапе мы приходим к выводу лишь о том, что в поис-

ке культурных истоков традиции, появившейся в эпоху раннего металла на юге Западной Сибири, наиболее перспективными направлениями поиска являются юго-западное и западное.

Культурная атрибуция керамической традиции из Барабы и Кулунды составляет отдельный вопрос. Историографическая «путаница» второй половины XX в., связанная с терминами «гребенчато-ямочных комплексов», «байрыкского», «екатерининского» типов, существенно размыла их содержание. Обратив на это внимание, В.И. Молодин в 2001 г. предложил вместо дублирующих названий временно ограничиться условным термином «гребенчато-ямочная общность неолита – раннего металла». Во многом, учитывая необходимость ревизии эпонимных материалов, эта временная мера сохраняет актуальность. Однако, на мой взгляд, то обстоятельство, что на локальной территории зафиксирована группа комплексов с устойчиво воспроизводящимся набором композиций декора посуды и особенностей технологии, позволяет вести речь о выделении отдельной керамической традиции. Эту же позицию выразил ранее К.Ю. Кирюшин по результатам анализа комплексов Новоильинка-III и -VI (Кирюшин, Степанова, 2016). Отметив трудности в наименовании культурной традиции и поначалу от него воздержавшись, чуть позже автор присвоил названия группам керамики – «кипринско-пеньковская» и «венгеро-ирбинская» (Кирюшин, 2017). Такое решение вряд ли можно назвать удачным: едва выделенная из общего «ГЯ-массива» и действительно монолитная традиция энеолита Прииртышья ассоциирована с еще одним историографическим «узлом» – хронологией и культурной дифференциацией материалов неолита – энеолита Верхнего Приобья (в том числе, кипринского и ирбинского комплексов). Тем больше вопросов вызывает объединение разнорегиональных терминов то обстоятельство, что кипринские и ирбинские материалы, открытые в 1950-х гг. и прошедшие череду соотнесения с различными культурно-хронологическими схемами, нуждаются в переосмыслении после систематизации материала на современном уровне. Немногочисленные опубликованные данные о технологических особенностях неолит-энеолитической керамики Верхнего Приобья свидетельствуют о распространении другой традиции составления формовочных масс – с примесью шерсти, однако системного представления о рассмотренной технологически керамике в литературе нет.

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева О.В., Выборнов А.А., Королёв А.И., Шалапинин А.А., Ставицкий В.В., 2022. Энеолитическая керамика стоянки Озименки II в Примокшанье // Самарский научный вестник. Т. 11. № 1. С. 188–194.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., 2016. Начало исследований на поселении Старый Московский тракт–5 (северо-западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. XXII. С. 7–11.

- Васильева И.Н., 2019. О технологии изготовления керамики из энеолитических слоев поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. Т. 8. № 2 (27). С. 114–125.
- Васильева И.Н., 2020. Некоторые вопросы истории культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. Самара: СГСПУ. С. 48–65.
- Кирюшин К.Ю., 2017. Культурная принадлежность памятников энеолита Северной Кулунды // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 467–168.
- Кирюшин К.Ю., Степанова Н.Ф., 2016. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка III (Северная Кулунда) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 3. С. 101–110.
- Лamina Е.В., Лотова Э.В., Добрецов Н.Н., 1995. Минералогия древней керамики Барабы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 128 с.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 173 с.
- Рахимжанова С.Ж., 2018. Керамические традиции в эпоху энеолита – ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 314 с.
- Софеев О.В., Савинкина М.А., Ламихов Л.К., Кокаулина Э.В., 1988. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат-VI // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука. С. 155–173.
- Холкина М.А., 2017. Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива. Дис. ... канд. ист. наук. СПб. 255 с.
- Юракова А.Ю., 2023. Техничко-технологические особенности керамики «гребенчато-ямочной общности» позднего неолита – раннего металла в Барабинской лесостепи: поиск маркеров хронологической дифференциации // Маргулановские чтения – 2023. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2. С. 131–137.

МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 28 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ© 2024 г. **Е.С. Юркина** (eli9725@mail.ru)*ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия*

Аннотация. В статье освещены некоторые итоги и перспективы исследования поселения Васильевский Кordon 28. В ходе работ были получены материалы среднедонской неолитической культуры, керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры, материалы среднестоговской культуры эпохи энеолита и иванобугорской культуры эпохи бронзы. На основе изучения выявленных материалов определено основное время функционирования поселения – вторым этапом развития среднедонской культуры в эпоху неолита в конце VI тыс. до н.э.

Ключевые слова: река Воронеж, среднедонская неолитическая культура, Верхний Дон, отбойник, поселение.

MATERIALS FROM THE VASILYEVSKY KORDON 28 SETTLEMENT ON THE UPPER DON© 2024 **E.S. Yurkina** (eli9725@mail.ru)*LRSPo «Archaeological Research», Lipetsk, Russia
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia*

Abstract. The article highlights some of the results and prospects of the study of the settlement Vasilyevsky Kordon 28, settlement. In the course of the work, materials of the Srednedonskoy Neolithic culture, ceramics of the early (archaic) stage of the Lyalovo culture, materials of the Srednestogov culture of the Eneolithic era and the Ivanobugor culture of the Bronze Age were obtained. Based on the study of the revealed materials, the main time of the settlement's functioning was determined – the second stage of the development of the Srednedonskoy culture in the Neolithic era at the end of the 6th millennium BC.

Keywords: Voronezh River, Srednedonskoy Neolithic culture, Upper Don, bump, settlement.

Памятник Васильевский Кordon 28, поселение был открыт в 2008 году А.А. Клюкойтем (Клюкойть, 2008). Им заложены два шурфа 1×1 м и произведен сбор подъемного материала в противопожарной опашке. В 2021 г. при определении границ памятника Ю.С. Чичкановой было заложено семь шурфов 1×1 м и произведен сбор подъемного материала в разрушениях культурного слоя. В двух шурфах был найден археологический материал, что позволило уточнить границы памятника (Юркина, Чичканова, 2022).

Васильевский Кordon 28, поселение расположено в Добровском районе Липецкой области (Рис. 1: 1), между сёлами Ратчино, Преображеновка и Буховое, в 7,9 км от храма Покрова Пресвятой Богородицы в с. Ратчино, в 4,4 км от автомобильного моста через р. Воронеж. Оно занимает пойменный останец высотой 2 м высокой поймы правого берега р. Воронеж (Рис. 1: 2). Общая площадь поселения составляет 9683,15 кв. м. Территория памятника задернована. Он разрушается выветриванием и находится в зоне ежегодной противопожарной опашки.

По результатам работ А.А. Клюкойты в 2008 году была выявлена керамика как раннего этапа льяловской культуры, так и неолитической среднедонской культуры (Смолянинов и др., 2011).

В 2021 году в разрушениях культурного слоя было выявлено 8 фрагментов керамики среднедонской культуры. Из них один венчик от прямостенного открытого сосуда, орнаментированный оттисками короткого гребенчатого штампа и ямками. В разведочных шурфах было найдено 16 фрагментов керамики среднедонской культуры и 4 каменных предмета. Превалировали фрагменты стенок без орнамента, выявлен один венчик от сосуда с небольшой профилировкой наружу.

В 2022 году экспедицией Липецкой региональной научной общественной организации «Археологические исследования», под руководством Е.С. Юркиной проведены раскопки на площади 48 кв. м. Было принято решение исследовать памятник по пластам с учетом конфигурации древней поверхности. Расчистка почвенных напластований и культурного слоя велась зачистками через каждые 5 см.

В ходе работ были получены материалы среднедонской неолитической культуры последней четверти 6 тыс. до н.э., керамика раннего (архаичного) этапа льяловской культуры первой половины 5 тыс. до н.э., материалы энеолитической среднестоговской культуры первой половины 4 тыс. до н.э. и эпохи бронзы иванобугорской культуры рубежа 3–2 тыс. до н.э.

Керамическая коллекция среднедонской неолитической культуры составила 420 фрагментов от 23 сосудов, выделенных по венчикам. Это наиболее ранние материалы, найденные в раскопе. Преимущественно они залегали в слое светло-серой супеси и тяготели к материковому основанию раскопа.

По форме сосуда (Рис. 1: 3–5) можно разделить на открытые – 5 экз., закрытые яйцевидной формы – 6 экз., профилированные – 3 экз. и прямостенные – 9 экз. В культурном слое также выявлен фрагмент от одного остроконического донца.

Сосуды орнаментированы не по всей поверхности, присутствуют очень значительные свободные от орнамента зоны. Элементы орнамента на керамике среднедонской культуры с поселения представлены тремя типами, один из которых подразделяется на подтипы:

I тип. Наколы. Подтипы: I – мелкие треугольные наколы и в единичных случаях – овалы наколы и скобковидные наколы.

II тип. Оттиски короткого гребенчатого штампа.

III тип. Ямки. Округлые небольшие, диаметром 3–4 мм.

Мотивы из элементов орнамента на керамике среднедонской культуры делятся на типы:

I тип – мотивы из наколов. Они составлялись в горизонтальные и косые ряды. Наносились в строчку и раздельно.

II тип – мотивы из короткого гребенчатого штампа. Составлялись в горизонтальные и косые ряды.

III тип – мотив из ямок, который наносился в горизонтальный ряд.

IV тип – наиболее часто встречающийся мотив из зон без орнамента.

Статистические данные иллюстрируют яркое преобладание керамики среднедонской неолитической культуры, стратиграфически каменные артефакты доминировали в предматериковом слое, потому мы с большой долей вероятности можем соотнести каменную коллекцию памятника также с данной культурой. От-

Рис. 1. Васильевский Кордон 28, поселение. 1 – местоположение памятника на карте Центрального Черноземья; 2 – топографический план поселения; 3–5 – керамика среднедонской неолитической культуры; 6 – кремневый нож; 7 – кремневый топорик; 8 – кремневый концевой скребок; 9 – отбойник из гальки; 10 – сланцевый отбойник; 11 – насад кремневого наконечника.

метим не характерный (высокий по отношению к другим памятникам среднедонской культуры) процент пластинчатости (почти 7,5 % от общего числа каменных артефактов) на данном памятнике, но все равно преобладает отщеповая технология изготовления орудий (Рис. 1: 6). Орудия на пластинах единичны. Представленные в коллекциях орудия не образуют устойчивых серий и очень неоднородны по своему типологическому облику, как и на других памятниках среднедонской культуры эпохи неолита преобладают концевые скребки (Рис. 1: 8). Материалом изготовления служил местный меловой кремль различных цветовых оттенков. В единичных случаях использовалась кварцитопесчаник, галька и опока. На памятнике есть шлифовальные камни с обширными участками рабочих поверхностей, однако шлифованных типологически выделенных орудий не выявлено. Редкой находкой для территории бассейна Верхнего Дона стало обнаружение нескольких каменных отбойников *in situ*, один из сланца, а второй из овальной гальки, залегавшие компактно вместе (Рис. 1: 9–10).

Отметим выявление одного насада наконечника стрелы, изготовленного на пластине, обработанного краевой ретушью с дорсальной и вентральной сторон (Рис. 1: 11). Обнаружен также один кремневый топорик, изготовленный из светло-коричневого кремня путем двусторонней обивки с последующим краевым ретушированием и оформленным обушком, его форма – удлинённая овально-прямоугольная (Рис. 1: 7).

Коллекция поселения Васильевский Кордон 28 схожа с коллекцией, полученной на соседнем поселении Васильевский Кордон 34 (Юркина, 2024; Соловьев, 2024) (расстояние между памятниками по прямой около 1,3 км).

На последнем памятнике по керамике и почве получено пять радиоуглеродных дат.

Развал сосуда 1 – 6160±100 BP (5321–4840 CalBC) (SPb 3909).

Почва из развала сосуда 2 (гуминовые кислоты) – 6328±70 BP (5474–5077 CalBC) (SPb 3907).

Почва из развала сосуда 3 (гуминовые кислоты) – 6285±100 BP (5473–5007 CalBC) (SPb 3908).

Развал сосуда 3 – 6300±1100 BP (5477–5001 CalBC) (SPb 3910).

Поэтому наиболее вероятное время существования поселения Васильевский Кордон 34 и соответственно, Васильевский кордон 28 – последняя четверть 6 тыс. до н.э. Не противоречит этим данным и материалы ранненеолитического ОАН «Доброе 9, поселение». Четкая стратиграфическая позиция культурных отложений стоянки Доброе 9 уникальна для Верхнего Дона, литологический слой серого пойменного алевролита вмещает в себя только материалы среднедонской культуры: изделия из камня, керамику, кости. По почве культурного слоя была получена радиоуглеродная дата – 6150±100 BP (5317–4839 CalBC) (SPb 2840). Также по фрагменту из остродонного развала среднедонской неолитической культуры была получена дата – 5840±110 BP (2σ 4492–4230 CalBC) (SPb 3809), по стенке биконического сосуда с гребенчатой орнаментацией – 6190±100 BP (5365–4850 CalBC) (SPb 3810).

Материалы других археологических культур на памятнике малочисленны.

Всего выявлено 13 фрагментов от двух профилированных сосудов, выделенных по венчикам раннего (архаичного) этапа льяловской культуры. Вся поверхность фрагментов орнаментирована горизонтальными рядами ямок и косовертикальными длинными отпечатками широкого зубчатого штампа. Изнутри прослежены негативы от ямочных вдавлений. Керамика в единичных значениях выявлена во 2–7 пластах раскопа. В данной керамике присутствует примесь дресвы, орнаментация и аналогичные формы сосудов, характерные для керамики раннего этапа льяловской культуры (Энговатова, 1998. С. 243), наиболее ранние материалы которой датируются 5693 ± 20 BP ($4603-4458$ CalBC) (KIA-39307) по стоянке Озерки 17, 5930 ± 200 BP ($5303-4374$ CalBC) (ГИН-6663) по стоянке Озерки 5 или 5920 ± 60 BP ($4963-4619$ CalBC) (ГИН-7476) по стоянке Ивановское 7 (Радиоуглеродная хронология ..., 2016). Время прихода в Верхнее Подонье неолитических племён архаичного этапа льяловской культуры иллюстрируют радиоуглеродные даты, полученные по гребенчато-ямочной керамике верхнедонских стоянок Ксизово 6 BP 5820 ± 130 ($4995-4371$) (Ki-13307), Ивница BP 5840 ± 90 ($4932-4494$ CalBC) (Ki-16638), которые здесь сталкиваются с населением среднедонской культуры. Доказательством этого взаимодействия как раз и является появление примеси дресвы также в накольчатой посуде, в том числе и на поселении Доброе 9 (Смолянинов, 2020).

Среднестоговская культура эпохи энеолита (первая четверть 4 тыс. до н.э.) представлена 14 фрагментами стенок сосудов, украшенных аморфными ямками, гребенчатыми отпечатками, составленными в елочную композицию, и скобковидными наколами. Керамика с сильной органической примесью. Днищ и венчиков не обнаружено. Материалы очень малочисленны и малоинформативны, выявлены в 3–6 пластах раскопа.

Иванобургская культура (рубеж 3–2 тыс. до н.э.). Всего выявлено 36 фрагментов от 7 сосудов, выделенных по венчикам. Керамика коричневого цвета с примесью органики в тесте. Пять из семи сосудов – это профилированные горшки с внутренним ребром, оставшиеся два сосуда – это закрытые яйцевидные сосуды. Снаружи и изнутри хорошо заглажена, вероятно кожей. Посуда украшена горизонтальными рядами наколов, ямчатыми вдавлениями, прочерченными линиями и ямками с рубчатым дном, нанесенных рамчатым штампом. Почти половина данной керамики выявлена в 3 пласте раскопа.

Во время исследования 8 пласта раскопа в квадратах 44 и 48 был прослежен контур объекта 1 – овальная хозяйственная яма, с заполнением серой супесью, с максимальными размерами 62×51 см, максимальной глубиной 19 см. При исследовании ямы выявлен один кремнёвый отщеп. Яма относится к среднедонской культуре, так как в восьмом пласте получены археологические материалы только этой культуры.

Таким образом, поселение представляет интерес для изучения материальной культуры эпохи неолита. На памятнике было отмечено большое количество среднедонской неолитической керамики. Подобные материалы датируются нами

последней четвертью VI тыс. до н.э. Дальнейшие раскопки поселения позволят расширить источниковую базу каменных орудий с горизонтом керамической коллекции среднедонской неолитической культуры.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта Фонда Президентских грантов. Проект № 24-2-001917 «Изучаем древних, учимся у древних, спасаем древних».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клюкойть А.А., 2008. Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 43232.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: кол. моногр. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Смольянинов Р.В., 2020. Ранний неолит Верхнего Дона: монография. Липецк; Саратов: Изд-во Десятая Муза. 399 с.

Смольянинов Р.В., Клюкойть А.А., Свиридов А.А., Уваркин С.В., Сиротина Н.С., Склярова Ю.С., 2011. Разведочные исследования в Добровском районе Липецкой области в 2008 г. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. Воронеж. С. 57–70.

Соловьев А.В., 2024. Отчёт о проведении археологических раскопок ВОАН «Васильевский Кордон 34, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2023 г. (Открытый лист № 2846–2023) // Архив ИА РАН. М.

Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь: Тверская областная типография. С. 238–246.

Юркина Е.С., 2024. Отчёт о проведении археологических раскопок ВОАН «Васильевский Кордон 34, поселение» в Добровском районе Липецкой области в 2022 г. (Открытый лист № 0357–2022) // Архив ИА РАН. М.

Юркина, Е.С., Чичканова Ю.С., 2022. Перспективы исследования на Верхнем Дону объекта археологического наследия – поселения Васильевский Кордон 28 // Верхнедонской археологический сборник: Материалы V Международной археологической конференции, Липецк, 22–23 октября 2021 года. Выпуск 12. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. С. 55–58.

СТОЯНКА ЧЕБАРКУЛЬ I: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЭПОНИМ

© 2024 г. **Е.С. Яковлева** (lugsamildanah@yandex.ru), **З.А. Валиахметова**

*Центр историко-культурных исследований «Астра», Челябинск, Россия
Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск, Россия*

Аннотация. Работа посвящена истории исследования стоянки Чебаркуль I в 1951–1953 гг. под руководством Н.П. Кипарисовой и последующем осмыслении полученных материалов в контексте построения культурно-периодизационных схем региона. В сменяющихся концепциях памятник был опорным, эпонимным, рядовым; повторное обращение к его коллекции актуализирует возвращение к дискуссионным вопросам типологии керамики.

Ключевые слова: Южное Зауралье, неолит, чебаркульский микрорайон, чебаркульская культура, историография.

CHEBARKUL I SITE: A FAILED EPONYM

© 2024 **E.S. Yakovleva** (lugsamildanah@yandex.ru), **Z.A. Valiakhmetova**

*Center for Historical and Cultural Research «Astra», Chelyabinsk, Russia
State Historical Museum of the Southern Urals, Chelyabinsk, Russia*

Abstract. The paper is devoted to the history of the study of the Chebarkul I site in 1951–1953 under the supervision of N.P. Kiparisova and the subsequent comprehension of the obtained materials in the context of constructing cultural-periodization schemes of the region. In changing concepts, the monument was a supporting, eponymous, ordinary one; a repeated appeal to its collection actualizes a return to the controversial issues of ceramic typology.

Keywords: Southern Trans-Urals, Neolithic, Chebarkul microdistrict, Chebarkul culture, historiography.

Экспедицией Челябинского областного краеведческого музея под руководством Н.П. Кипарисовой в 1951 году было проведено разведочное обследование места обнаружения мальчиком В. Евдокимовым наконечника дротика. Здесь отрядом был обнаружен невысокий мыс, образованный берегом оз. Елового – долиной ручья и сухим логом с несколькими скалистыми возвышенностями. На середине мыса зафиксирована яма около 40 см глубиной, землю из которой используют местные жители поселка санатория УралВО. На мысу отрядом было заложено 7 шурфов и сделана зачистка вдоль колеи проезжей дороги. Поселение находится в центре мыса, Н.П. Кипарисовой было отмечено, что в районе ямы во все стороны от нее происходит разрушение культурного слоя поздне-неолитического памятника, центральная часть замусоривается отбросами с огородов и строительным мусором (ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 170. Л. 72).

В 1952 году были произведены дополнительно разведочные работы – раскопано около 50 кв. м в яме, выкопанной огородниками; на берегу заложен раскоп 8 кв. м на месте мастерской кремневых орудий в 100 метрах от стоянки. В том же году стоянка была взята на учет. При анализе раскопанного материала фиксируется многослойность памятника (ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 181).

К началу раскопок 1953 года на стоянке вновь была разрушена большая площадь: чернозем со стоянки начали брать для устройства индивидуальных огородов, для устройства цветников Чебаркульского военного санатория и пионерлагеря. Чернозем со стоянки вывозился машинами. Центральная яма увеличилась

до 170 кв. м, кроме нее, выкопано несколько мелких ям. Общая площадь разрушения составила 200 кв. м. Раскоп 1953 года был разбит в яме и около нее. Его общая площадь составила 272 кв. м. На материке фиксировались столбовые ямки от наземных жилищ, количество и форму которых было трудно зафиксировать. Н.П. Кипарисова отмечает синхронность керамики нижнего слоя со стоянками неолитического времени Урала и Западной Сибири, а также с некоторыми типами керамики с I Полуденской стоянки. Верхние слои с керамикой бронзового и раннего железного времени сильно разрушены (ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 190).

Первая публикация материалов стоянки Чебаркуль 1 была в 1955 г.; в ней Н.П. Кипарисова обсуждала результаты разведочных исследований памятника. Первый комментарий к керамическому комплексу каменного века (а наличие артефактов эпохи бронзы и раннего железного века было обнаружено еще тогда) состоял в том, что он близок керамике неолитических стоянок шигирской культуры (Кипарисова, 1955. С. 59). Материалы же раскопок появились в печати в 1960 г. в статье автора, посвященной обсуждению культурно-хронологических групп керамики позднего каменного века «лесного Зауралья» (Кипарисова, 1960. С. 14). В рамках данной работы Н.П. Кипарисова выделила керамику позднего и посленеолитического облика, сопоставимую в рамках сегодняшней историографии с финальным неолитом и энеолитом, по керамике как ст. Чебаркуль 1, так и ряда других ей исследованных – стоянок Иткульской, Черкаскульской, Абселямовской. Непосредственно Чебаркульская стоянка не была поставлена во главу угла, но легла в основу ее концепции, опубликованной уже посмертно.

Далее обращение к коллекции памятника состоялось в работах Л.Я. Крижевской. В монографии 1968 г. она рассматривает группу памятников Чебаркульского озера как дающую «наиболее полное представление о характере неолитических поселений» (Крижевская, 1968. С. 17), основной упор, впрочем, делая на собственные раскопки пос. Чебаркуль II, а не работы Н.П. Кипарисовой на Первой Чебаркульской стоянке. Общим выводом для неолитических стоянок Южноуральского Приозерья является тезис о своеобразии и отличии местного неолита от смежных регионов Среднего Урала и Тоболо-Ишимского бассейна и соответствие этих «дробных объединений» «представлениям об археологических культурах» (Крижевская, 1968. С. 116).

В 1998–2000 гг. В.С. Мосин выделяет чебаркульскую неолитическую культуру, опираясь на то, что памятники «чебаркульского микрорайона» «стали на многие годы определенным репером в изучении каменного века Южного Зауралья» (Мосин, 1998; 2000. С. 141).

В то же время уже в 2012 г. (Мосин, 2012) он отходит от выдвинутой концепции и предлагает рассматривать структуру древнего населения Зауралья как «единое социокультурное пространство», включающее носителей разных традиций, объединенных семейными связями (Мосин, 2016). Тем не менее, «чебаркульская культура» продолжает бытовать историографически в обобщающих работах образовательного и краеведческого профиля (Виноградов, 2015. С. 124; Велитченко,

2017. С. 6). Н.Б. Виноградов указывает на эпонимическое происхождение названия культуры именно от ст. Чебаркуль I.

Вопрос об эпониме после «отмены» чебаркульской культуры стал вновь актуальным после появления новых археологических коллекций. Отдельные сосуды пос. Кочегарово 1 (Курганская обл.), керамический комплекс текущих раскопок ст. Михеевка 2 (Челябинская обл.) плохо подпадают под описание в иных категориях, кроме эмпирического сравнения «как Чебаркуль I», подразумевая при этом конкретный тип керамики, происходящий из обсуждаемого памятника и скорее всего соотносимый с заключительной стадией неолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 170 Отчёт об археологических исследованиях Челябинского музея, проведенных в 1951 году по открытым листам № 35 и 84, выданным на имя Сальникова Константина Владимировича.

ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 181. Кипарисова Н.П. Отчет о работах Увельско-Миасского отряда археологической экспедиции Челябинского областного краеведческого музея в 1952 году.

ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 190. Кипарисова Н.П. Отчет о раскопках Чебаркульской неолитической стоянки в 1953 г.

Велитченко В.В., 2017. Древний мир Чебаркульского края // Краеведческий сборник Чебаркульского района: сборник краеведческих работ. Челябинск: ООО «Абрис-принт», С. 4–18.

Виноградов Н.Б., 2015. Южный Урал и Зауралье в древности и средневековье [Электронное издание]: учебное пособие. Челябинск: АБРИС. 240 с.

Кипарисова Н.П., 1955. Чебаркульская неолитическая стоянка // КСИИМК. Вып. 59. М.: Наука. С. 54–60.

Кипарисова Н.П., 1960. О культурах лесного Зауралья // СА. № 2. С. 7–24.

Крижевская Л.Я., 1968. Неолит Южного Урала. Л. 183 с.

Мосин В.С., 1998. Неолит Южного Зауралья // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. № 1. С. 171–180.

Мосин В.С., 2000. Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. Т. 1. 532 с.

Мосин В.С., 2012. Неолитизация Зауралья // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН/МАЭ РАН. С. 283–299.

Мосин В.С., 2016. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 1(32). С. 19–27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

Ахметгалеева Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник филиала Курского областного краеведческого музея «Курчатовский краеведческий музей», г. Курчатов, Россия. E-mail: achmetga@mail.ru

Баранова Светлана Владимировна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: swb@niboch.nsc.ru

Батуева Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: nadiabat@yandex.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: consacter@yandex.ru

Бобров Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия. E-mail: bobrov4545@mail.ru

Борисевич Екатерина Алексеевна, младший научный сотрудник Центра археологических исследований кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия. E-mail: ek.razheva.novsu@mail.ru

Бричёва Светлана Сергеевна, кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Института географии Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: bricheva@igras.ru

Бурова Наталья Дмитриевна, научный сотрудник Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ikb@mail.ru

Валиахметова Зоя Андреевна, главный специалист по научно-фондовой работе Государственного исторического музея Южного Урала, г. Челябинск, Россия. E-mail: zoya_vershinina@inbox.ru

Вискалин Александр Викторович, независимый исследователь, г. Ульяновск, Россия. E-mail: alvisk@mail.ru

Волокитин Александр Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар, Россия. E-mail: volkt54@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна, кандидат культурологии, научный сотрудник отдела археологии Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар, Россия. E-mail: univ_edu@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: vibornov_kin@mail.ru

Гречкина Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Государственного научно-производственного учреждения «Наследие», г. Астрахань, Россия. E-mail: grechkina54@mail.ru

Гринина Татьяна Станиславовна, младший научный сотрудник Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия. E-mail: natalikcher@mail.ru

Дегерменджи Сергей Михайлович, заведующий научно-методическим отделом охраны памятников археологии Донецкого республиканского краеведческого музея, г. Донецк. E-mail: dghysm@gmail.com

Демаков Денис Александрович, научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии и антропологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: demakov-denis@mail.ru

Долбунова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: katjer@mail.ru

Дубовцева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: ket1980@yandex.ru

Еньшин Дмитрий Николаевич, научный сотрудник сектора археологии и природных реконструкций Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, г. Тюмень, Россия. E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Жилин Михаил Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: mizhilin@yandex.ru

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Россия. E-mail: rockart@yandex.ru

Зальцман Эдвин Борисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия; доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Россия. E-mail: edwin_zalcman@mail.ru

Клементьева Татьяна Юрьевна, научный сотрудник Центра археологии каменного века Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: klementjevaT@yandex.ru

Колесник Александр Викторович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования Донецкого государственного университета, г. Донецк. E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Кольцов Пётр Михайлович, доктор исторических наук, профессор Калмыцкого государственного университета, г. Элиста, Россия. E-mail: Petrskoltsov52@mail.ru

Королёв Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: arkorolev@gmail.com

Косорукова Наталья Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия. E-mail: natalikcher@mail.ru

Костылёва Елена Леонидовна, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия. E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Куличков Алексей Александрович, старший научный сотрудник ООО «Межрегиональный центр археологических исследований», г. Липецк, Россия. E-mail: kulichckov.aleks@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, доктор геолого-минералогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kulkova@mail.ru

Лукинцева Валерия Алексеевна, младший научный сотрудник Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия. E-mail: marskot7@mail.ru

Лычагина Евгения Леонидовна, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: LychaginaE@mail.ru

Мазуркевич Андрей Николаевич, старший научный сотрудник, главный хранитель отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a-mazurkevich@mail.ru

Малютин Анна Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kostylanya@yandex.ru

Манько Никита Владимирович, ассистент кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования Донецкого государственного университета, г. Донецк. E-mail: nikita_manko98@mail.ru

Марковский Григорий Иванович, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: markovskyuy@gmail.com

Марочкин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углей химии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кемерово, Россия. E-mail: comcon@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор ООО «Археология Восточно-Европейской равнины», г. Москва, Россия. E-mail: vikromolot@mail.ru

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: mvs54@mail.ru

Недомолкина Надежда Геннадьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела хранения Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Вологда, Россия. E-mail: nedomolkina_nv@mail.ru

Никулина Кристина Вячеславовна, студентка 3 курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: kristina_nikulina_13@mail.ru

Погодин Андрей Альбертович, заместитель директора по научно-исследовательской работе, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: pogodin1966@yandex.ru

Рендю Уильям, PhD, директор Международной научно-исследовательской лаборатории ZooStan – Археозоологический центр по изучению Центральной Азии – CNRS – Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан. E-mail: William.RENDU@cnrs.fr

Синицына Галина Васильевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеолита Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru, GS2848sg@yandex.ru

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник экспериментально-трассологической лаборатории Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: skakunnatalia@yandex.ru

Скоробогатов Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество», г. Воронеж, Россия. E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и природных реконструкций Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, г. Тюмень, Россия. E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Смолянинов Роман Викторович, кандидат исторических наук, председатель ЛРНОО «Археологические исследования», г. Липецк, Россия. E-mail: rws17rws17@yandex.ru

Сорокин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: ansorokin@rambler.ru

Сурков Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, археолог ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: surkovarh@mail.ru

Сюборов Валерий Юрьевич, научный сотрудник Центра археологических исследований кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия. E-mail: i@syubor.ru

Терёхина Вера Владимировна, младший научный сотрудник экспериментально-трассологической лаборатории Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: terehinavera@mail.ru

Ткач Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела палеолита Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: evgeniia.tkach@gmail.com

Томилина Елена Михайловна, старший преподаватель, научный сотрудник Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: tomilinaelena.psu@yandex.ru

Уткин Александр Витальевич, независимый исследователь, г. Иваново, Россия. E-mail: u_two55@mail.ru

Федорченко Александр Юрьевич, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: winteralex2008@gmail.com

Филимонова Татьяна Германовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Таджикистан. E-mail: tatjanafilimonova@mail.ru

Фризен Анна Викторовна, магистрант Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anna.friezen@gmail.com

Хурмаев Анвар Альбертович, и.о. младшего научного сотрудника отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия; аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Россия. E-mail: kimi.malini@yandex.ru

Черносов Александр Анатольевич, доктор химических наук, заведующий центром масс-спектрометрического анализа Института химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: alexander.chernosov@niboch.nsc.ru

Чеха Анна Николаевна, инженер-исследователь отдела каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Шалапинин Антон Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: anton-shalapinin@ro.ru

Шалахов Евгений Геннадьевич, экскурсовод музейной части Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева», г. Юрино, Россия. E-mail: shalahof@yandex.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия. E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра по сохранению культурного наследия, г. Саратов, Россия. E-mail: aleyudin@yandex.ru

Юракова Алёна Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кемерово, Россия. E-mail: yurakova_al@mail.ru

Юркина Елизавета Сергеевна, научный сотрудник ЛРНОО «Археологические исследования», г. Липецк; аспирант кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: eli9725@mail.ru

Яковлева Екатерина Сергеевна, научный сотрудник ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра», г. Челябинск, Россия. E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.
АИ	– Археологические изыскания
АК	– Археологическая культура
АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АМР	– археологический микрорайон
БААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
БАУ	– Вопросы археологии Урала. Екатеринбург- Сургут
ВГПУ	– Воронежский государственный педагогический университет
Вестник НАСА	– Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь
ВНУ им. В. Даля	– Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля
ВСЕГЕИ	– Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А.П. Карпинского
ГАНО	– Государственный архив Новгородской области
ГИМЮУ	– Государственный исторический музей Южного Урала
ИА АН РТ	– Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГ РАН	– Институт географии Российской академии наук
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИИиА УрО РАН	– Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УФИЦ РАН	– Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИЯЛИ КарНЦ РАН	– Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
КазНУ	– Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби
КАЭ	– Камская археологическая экспедиция
КГКМ	– Карельский государственный краеведческий музей
КГПИ	– Куйбышевский государственный педагогический институт
КИО	– культурно-историческая общность
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского	– Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского
ЛРНОО	– Липецкая региональная научная общественная организация
МарАЭ	– Марийская археологическая экспедиция
МарНИИ	– Марийский научно-исследовательский институт
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ ПГГПУ	– Музей археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
МИЦАИ	– Международный институт центрально-азиатских исследований
НАНТ	– Национальная академия наук Таджикистана
НАЦ	– научно-аналитический центр
НВИК	– Нижне-Волжский институт краеведения
НВОНОК	– Нижне-Волжское областное научное общество краеведения
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НовГУ	– Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ОПИ НГОМЗ	– Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника
ОСЛ	– оптически стимулированная люминесценция
ПГТПУ	– Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ	– Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГПУ	
им. В.Г. Белинского	– Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАЖ	– Русский антропологический журнал. М.
РАН	– Российская академия наук
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РОССПЭН	– Российская политическая энциклопедия. М.
СА	– Советская археология. М.
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет.
СВКНИИ ДВО РАН	– Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской академии наук.
СВНЦ ДВО РАН	– Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской академии наук
СГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук
СФИЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь
ТГУ	– Томский государственный университет
Тыс. кал. л. н.	– тысяч калиброванных лет назад
УИИЯЛ УрО РАН	– Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.
УФИЦ	– Уфимский федеральный исследовательский центр
УИК	– Университетский издательский консорциум
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ФИЦ ТюмНЦ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ФИЦ УУХ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук
ЦКП	– Центр коллективного пользования
ЧГИГН	– Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Н. ВЫБОРНОВА, А.А. ВЫБОРНОВА, М.А. ВЫБОРНОВА Археология как жизнь	3
Н.М. Кудашкин Человек без галстука	10
О.Д. Мочалов Несколько тезисов к юбилею Александра Алексеевича Выборнова.....	13
А.И. Репинецкий Александр Алексеевич Выборнов.....	16
К.М. Андреев Проблема соотношения типологических групп керамики в комплексах средневожжской неолитической культуры	19
Н.Б. АХМЕТГАЛЕЕВА, Н.Д. БУРОВА, С.С. БРИЧЁВА Новые данные по быковской археологической культуре в Курском Посеймье	25
Н.С. БАТУЕВА, К.В. НИКУЛИНА К вопросу типологического отличия скребков камской и волго-камской археологических культур памятников неолита Верхнего и Среднего Прикамья	30
В.В. БОБРОВ Стратифицированные неолитические памятники Кузнецко-Салаирской горной области	35
Е.А. БОРИСЕВИЧ, В.Ю. СЮБОРОВ «Кремнёвые мастерские» в среднем течении реки Мсты: история открытия и изучения	41
А.В. ВИСКАЛИН Некоторые вопросы хронологии, периодизации и происхождения елшанской культуры	46
А.В. ВОЛОКИТИН, Н.А. ВОЛОКИТИНА Мезолитическая стоянка Вылыс Том 3 в Ижма-Томском геоархеологическом микрорайоне.....	51
Д.А. ДЕМАКОВ Проблемы изучения мезолита Средней Камы	56
Е.Н. ДУБОВЦЕВА Радиоуглеродная хронология неолитических памятников таежной зоны Западной Сибири: новые данные – старые проблемы	59
Д.Н. ЕНЬШИН К дискуссии о южных «следах» в процессе неолитизации лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири	65
М.Г. ЖИЛИН Некоторые проблемы перехода от мезолита к неолиту в Горном Крыму.....	69
А.М. ЖУЛЬНИКОВ Клады каменного века на территории Карелии.....	71

Т.Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА, А.А. ПОГОДИН Важные итоги и перспективы изучения новокаменного века в бассейне Конды	75
А.В. КОЛЕСНИК, С.М. ДЕГЕРМЕНДЖИ, Н.В. МАНЬКО Белогорский кремнеобрабатывающий комплекс каменного века в Северо-Западном Донбассе (предварительная информация)	79
П.М. КОЛЬЦОВ Неолит Северо-Каспийского региона	84
А.И. КОРОЛЁВ, А.А. ШАЛАПИНИН Проблема происхождения средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности	89
Н.В. КОСУРУКОВА, В.А. ЛУКИНЦЕВА, Т.С. ГРИНИНА Особенности кремневого инвентаря на стоянке финального мезолита – раннего неолита Караванха 4 в бассейне оз. Воже (Вологодская область)	92
Е.Л. КОСТЫЛЁВА, А.В. УТКИН Радиоуглеродная хронология погребений с янтарём близ озера Сахтыш (центр Русской равнины)	97
Е.Л. ЛЫЧАГИНА, Е.М. ТОМИЛИНА Петрографический анализ каменного сырья с неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья	102
А.Н. МАЗУРКЕВИЧ, Е.В. ДОЛБУНОВА, А.В. ФРИЗЕН Ранненеолитические памятники Восточной Европы: пути и особенности распространения	109
А.А. МАЛЮТИНА, А.А. ВЫБОРНОВ, Т.Ю. ГРЕЧКИНА Костяные орудия неолита Нижнего Поволжья	112
А.Г. МАРОЧКИН Типология неолитических погребений Верхнего Приобья: отдельные аспекты социокультурной интерпретации	117
В.В. МОРОЗОВ Керамика камской неолитической культуры: типология и хронология	122
В.С. МОСИН Особенности хронологии памятников раннего неолита Зауралья	128
Н.Г. НЕДОМОЛКИНА Раннегребенчатый комплекс поселения Вёкса 1	133
Г.В. СИНИЦЫНА Специфические черты валдайской археологической культуры на последовательных этапах ее развития	137
Н.Н. СКАКУН, В.В. ТЕРЁХИНА Крупные кремневые пластины в инвентаре могильников (техничко-морфологический и экспериментально-трасологический анализы)	143
А.М. СКОРОБОГАТОВ, Е.В. ДОЛБУНОВА, А.Н. МАЗУРКЕВИЧ, М.А. КУЛЬКОВА Мариупольская керамическая традиция на Нижнем Дону: истoki, памятники, хронология	149

С.Н. Скочина Каменный и костяной инвентарь мергенских комплексов раннего неолита лесостепного Приишимья	153
Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков Материалы энеолитической нижнедонской культуры с поселения и могильника Ксизово 6 на Верхнем Дону	157
А.Н. Сорокин От памятника археологии к геоархеологическому источнику	161
А.В. Сурков К проблеме выделения нео-энеолитического периода на памятниках лесостепного Дона	168
Е.С. Ткач, Э.Б. Зальцман, М.А. Кулькова, А.А. Малютина К вопросу о возникновении земледелия в Юго-Восточной Прибалтике по археологическим данным	172
А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова Личные украшения в структуре обитаемого пространства культурного слоя VII стоянки Ушки I	177
А.А. Хурмаев Новые исследования энеолита в среднем течении р. Дёмы в Южном Предуралье	181
А.Н. Чеха Неолитические комплексы Усть-Кутарейского участка (Северное Приангарье) в контексте современных данных	186
Е.Г. Шалахов О преемственности в изучении неолитических памятников Марийского Поволжья (на примере Удельно-Шумецкой V стоянки)	191
С.В. Шнайдер, А.Ю. Федорченко, Г.И. Марковский, Т.Г. Филимонова, С.В. Баранова, А.А. Черноносков, У. Рендю Результаты комплексного изучения костяных изделий со стоянки Сай-Сайод	195
А.И. Юдин Неолит степного Поволжья	198
А.Ю. Юракова Технологическая традиция составления формовочных масс с добавлением пуха / пера птиц в гончарстве раннего палеометалла Барабы и Кулунды:.....	205
Е.С. Юркина Материалы с поселения Васильевский Кордон 28 на Верхнем Дону	209
Е.С. Яковлева, З.А. Валиахметова Стоянка Чебаркуль I: несостоявшийся эпоним.....	215
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	218
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	223

Научное издание

Редакционная коллегия:
к.и.н. К.М. Андреев, О.В. Андреева, Н.С. Дога, к.и.н. Е.С. Ткач

КАМЕННЫЙ ВЕК ВОЛГО-КАМЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы Всероссийской археологической
научной конференции с международным участием,
приуроченной к 70-летию юбилею А.А. Выборнова

21–23 октября 2024 года

Макет – Ю.И. Колев, М.А. Турецкий
Макет обложки – А.В. Сомов

Подписано в печать 24.09.2024. Печать оперативная.
Шрифт Times New Roman. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 13,25
Тираж 300 экз. Заказ № 4041.

Издательство Самарского государственного
социально-педагогического университета
Издательство Института истории материальной культуры РАН

Отпечатано в типографии ООО «Порто-принт»

